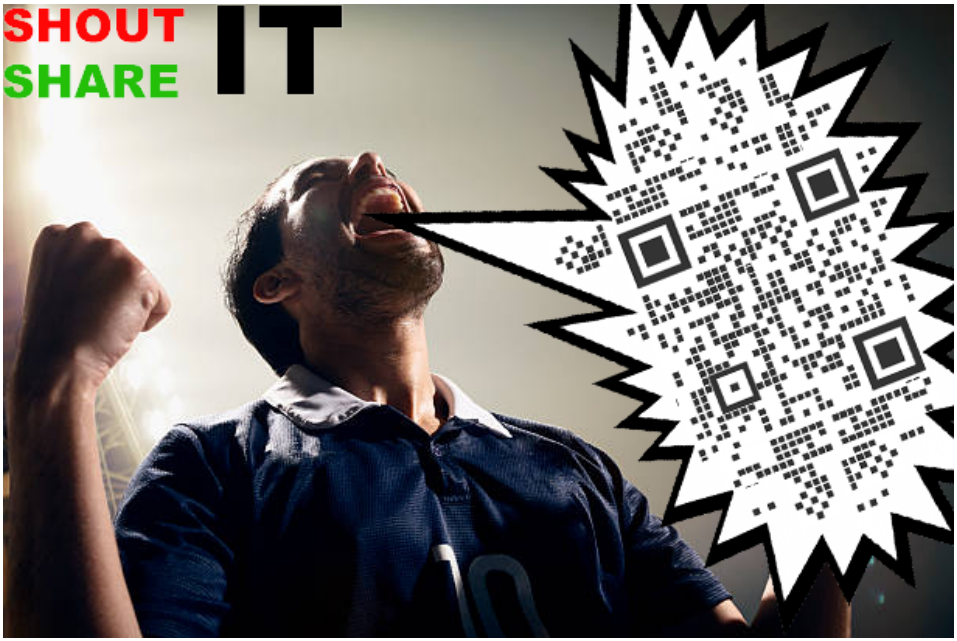
Артем Каменистый

АЛЬФА-НОЛЬ


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Я — недоразумение. Такие, рождаются мертвыми, или, в лучшем случае, умирают в младенчестве. Никто из детей пустоты никогда не дотягивал до года.

Я же дотянул до тринадцати. И за каждую минуту моей жизни клану приходилось платить немалые деньги. А их здесь, на краю цивилизованных земель, ох как непросто зарабатывать.

Возможно, я бы смог жить так и дальше. Калекой, сильным мыслью, но не телом. Но однажды ночью в усадьбу заявились незваные гости, и всё изменилось.

Вот тогда мне и пришлось научиться выживать по настоящему.

- Артем Каменистый
  - Глава 1. Тепло материнских рук
  - Глава 2. Семейно-финансовый кризис
  - Глава 3. Незваные гости
  - Глава 4. Всё ци клана Кроу
  - Глава 5. Поле боя
  - Глава 6. Взглянуть в себя
  - Глава 7. Добрые люди
  - Глава 8. Переправа
  - Глава 9. Сюрпризы медицины
  - Глава 10. Смертник поневоле
  - Глава 11. Вода в решете
  - Глава 12. Фактория Черноводка
  - Глава 13. Живой товар
  - Глава 14. Бяка
  - Глава 15. Нож с сюрпризом
  - Глава 16. Искусство войны, караси и сомы
  - Глава 17. Сафари для сумасшедшего
  - Глава 18. Великая гора сокровищ
  - Глава 19. Очень важный выбор
  - Глава 20. Рыбалка без рыбалки
  - Глава 21. Продвинутое рыболовство
  - Глава 22. Форс-мажор
  - Глава 23. Минус дни из жизни и нехороший плот
  - Глава 24. Волшебный навык и прочее
  - Глава 25. Ужасы Лихолесья, или сказки на ночь
  - Глава 26. Конструктор от двух мастеров
  - Глава 27. Новые художества «старого знакомого»
  - Глава 28. Были победители сухопутные, стали…

- Глава 29. Редкости Черноводки
- Глава 30. Суровый Мелконог
- Глава 31. Подобревший Эш
- Глава 32. Богатство победителей
- Глава 33. И вправду нехороший человек
- Глава 34. Посреди Черноводки
- Глава 35. Слишком много воды
- Глава 36. Дыхание Хаоса
- Глава 37. Навыки Хаоса и ПОРЯДКА

Артем Каменистый
Альфа-ноль

Глава 1. Тепло материнских рук

Ступени просветления: пустота…
Атрибуты: нет
Навыки: нет
Состояния: нет

Тшими — труп. Тшими ходит, дышит и разговаривает, но при этом его уже нет. Тшими из той разновидности мертвецов, которые даже не догадываются, что всё кончено. Скажи я ему сейчас, что его вычеркнули из списка живых, и бедолага подумает, что или он ослышался, или я спятил. Покойник уверен, что всё идёт, как всегда. Всего-то и надо, — потратить полчаса на скучную церемонию приветствия госпожи и наследника, после которой можно отправиться домой. Там его дожидаются весёлая толстушка Надира и двое детей, ради которых он готов пойти на что угодно.

Даже на кражу у клана.

Дети — источник радости и тревог. Но про этот мир можно сказать точно, что тревог от них куда больше, чем в месте, где я родился и прожил первую жизнь. Здесь добавляется кое-что особенное, давящее на всех родителей без исключения: и простолюдинов, и аристократов.

Я хронический затворник и потому нечасто сталкиваюсь с вассальными шудрами, но Тшими — одно из исключений. В иерархии слуг клана он занимает привилегированное положение, потому что контролирует львиную долю оборота одного из важнейших наших ресурсов. Того самого продукта, без которого аристократ еду едой не считает. Его роль настолько важна, что он отчитывается лично перед госпожой, и это случается нередко. А так как я почти всегда нахожусь при ней, у меня была возможность неплохо изучить этого крестьянина.

В сравнении с прочими, он неплох. Возможно — лучший. На нём многое держится, и Тшими достойно справляется со своей ношей. Он один из краеугольных камней в фундаменте карликового царства моей чокнутой мамаши.

И сегодня наш и без того хлипкий фундамент потеряет часть прочности.

Потому что Тшими — труп.

То, что жить ему осталось недолго, я узнал почти три месяца назад. У человека в моём положении не так много возможностей хоть как-то развлечься, вот и приходится цепляться за каждую. И когда мать в очередной раз садилась рядом и начинала проверять учётные книги, мне приходилось вникать в записи. Нет,

игнорировать слова и цифры, конечно, несложно, благо понимания от меня не требовалось. Но ведь чем в таком случае занимать пытливый мозг? Бездумно таращиться на стену?

Нет уж. С меня этого достаточно. Последние полторы недели только этим и занимался, моля высшие силы помочь Камаю вернуться быстрее.

Я знал, что, вернувшись на этот раз, он убьёт Тшими. Но Тшими так или иначе не жилец, а мне очень не нравится проводить день за днём на положении безвольного овоща.

Камай приносит то, что делает из меня овоща способного кое-как передвигаться. Вам доводилось видеть, как ходит баклажан? Я тоже не видел, пока превратности новой жизни не превратили меня в убожество.

Место, в котором устроилась моя мамаша, называется словом, которому в моём родном языке можно подобрать несколько синонимов. Я предпочитаю думать о нём, как об усадьбе, потому как на рыцарский замок наше хозяйство совершенно не тянет, хотя формально является последним оплотом одного из самых древних кланов Арсы. Даже императорская семья проигрывает по некоторым пунктам знатности.

Однако знатность не подразумевает могущество. Увы, но хорошие времена остались в прошлом. Как, собственно, и сам клан. Осталось полтора обломка: я и Трейя Айтвир — глава Кроу, и биологическая мать никчемного тела, в котором поселился мой разум.

Да уж, мне пришлось самостоятельно обучиться актёрскому мастерству, чтобы без душевного содрогания называть её матерью. Даже кое-что сломал в своей психике. Иначе никак, я ведь должен вести себя с ней так, чтобы она ничего не заподозрила.

То есть, как сын, а не человек, им притворяющийся.

Усадьба — это господский дом в один этаж, без излишеств. Позади него скрываются несколько хозяйственных построек, в которых ютится прислуга. Чуть дальше, в крохотной церемониальной роще стоит скромное ритуальное сооружение, которому в моём мире я аналогов не припомню. Называется «дсай», и слово это можно перевести как «много боли и отваги». Это своеобразный гибрид казармы и храма, где положено молиться высшей силе, ответственной за воинскую доблесть. Или говоря проще — за убийства. И не просто молиться, а развивать её в себе.

Вот в этом круглом и низком сарае между жизненно важными для меня поездками обитает Камай. Считается, что он проводит

там все ночи. Но даже слепому Десу известно, что это случается только в те нечастые периоды, когда он не греет постели вдов шудр. Это одновременно его привилегия и долг.

Если женщина потеряла мужа, это не отменяет её обязанность рожать новых шудр для Кроу. Но банальный разврат в здешнем обществе не одобряется. Как и всё прочее, он завязан на сложную систему традиций и правил, вписать в которую можно только Камая. Никого другого на роль «быка-производителя» у Кроу не осталось.

Сегодня подданные клана не просто так подтянулась к усадьбе. У нас торжественный день. День очередного поднятия на ноги выродка Трейи. То есть — меня.

Традиция такая.

Я непроизвольно перебирал в ладони амулет, привезённый Тшими. Именно благодаря этой вещице на ближайшие пять с половиной недель я не полный овощ.

Как же приятно снова ощущать руки и ноги.

И даже двигать ими.

Я сижу на плетёном кресле по правую руку от Трейи. По такому случаю, прислуга вытащила на открытую террасу её деревянный трон. Пожалуй — самая роскошная вещь в усадьбе.

Холодно уставившись поверх голов людей, пришедших выказать почтение клану Кроу и его главе, мать слово за словом выносила приговор.

— Тшими взял то, что принадлежит Кроу. Тшими сделал это не один раз и не два. Тщими сделал это четыре раза. Это прекрасно видно по книге учёта специй.

Эх Тшими-Тшими, как же тебя угораздило оставить столько улик. Я-то тебя не обвиняю, потому что понимаю, зачем ты сглупил. Всему виной — дети. Тебе хотелось, чтобы из них выросли настоящие люди, а здесь это стоит денег. Аборигены — не звери, их младенцы не способны развивать параметры ПОРЯДКА самостоятельно, заполняя свои духовные центры и окружая их наборами атрибутов. Если ты не аристократ со связями и состоянием, тебе придётся изрядно постараться, чтобы годам к десяти-двенадцати твои отпрыски добрались до полноценной третьей, или даже четвёртой ступени. Ну а дальше станет чуточку попроще.

Вот Тшими и старался. Законных доходов не хватало, но не совсем глупый человек, занимающийся специями, найдёт возможность и хозяйку не обделить, и себя не забыть. Скорее всего, начинал он со стадий выращивания и сбора, где учёт был завязан строго на нём. И пока делал это аккуратно, никто ни о чём не догадывался. Но затем начал наглеть. А всё потому, что в

наших краях нарисовались эти прохиндеи, называющие себя кланом торговцев. Эдакая белая кость от барыг. Их представители многим затуманили головы, обещая помощь в открытии любого атрибута. Хоть все пять тебе нарисуют, главное — плати.

Тшими очень любил своих детей. Он начал тянуть с поля столько, что это начало сказываться на цифрах учёта.

Вот потому Тшими труп.

— Укравший у клана, становится врагом клана, — продолжала вещать мамаша. — Это объявление войны. Клан Кроу принимает вызов. Камай, как идзумо главы клана, будет сражаться с Тшими до смерти. Тшими может выбрать себе любое оружие из дсай моего дома. Гуюм, Дактори и Магума, помогите Тшими сделать выбор.

Огласив приговор, Трейя повернулась ко мне, ласково погладила по голове и спросила:

— Мой мальчик проголодался?

При мысли о еде я едва сдержал рвотный позыв, но не подал виду. Отрицательно помотав головой, сказал:

— Я устал. Можно мне полежать?

— Сынок, потерпи немного. Сейчас будет интересно. Сейчас Камай накажет плохого человека.

— Тшими не плохой, — осмелился я возразить.

Случается это редко и главным образом по причине абсолютной бесполезности моих возражений. Трейя относится ко мне, мягко говоря, ненормально. Для неё я единственный и любимый сын, вызывающий тоску и жалость разбитый источник всех надежд, но одновременно всего лишь предмет мебели, к словам которого можно не прислушиваться.

— Тшими очень плохой, — терпеливо повторила мать. — Тшими взял то, что принадлежит клану. Он обокрал тебя, моё сокровище. И Тшими будет наказан.

Да уж. Мало того, что меня адски мутит, как это всегда случается после возвращения амулета, так теперь ещё придётся смотреть на резню. В мире, где нет телевизора и всемирной паутины, это считается прекрасным зрелищем. А вот я, по первой своей жизни, такое если и наблюдал, то исключительно на экране. И надо сказать, что мне этого вполне хватало, никогда не тянуло столкнуться с насильственной смертью в реальности.

Хорошо бы закрыть глаза и не видеть то, что сейчас случится. Но нельзя, Трейя не позволит. Она замечает абсолютно всё и умеет заставлять делать то, что мне не нравится.

Да и очень тяжело не смотреть. Странный выверт психики. Отвратительное зрелище, но взгляд невозможно отвести.

Последний раз здесь убивали в конце зимы. Парочку

разбойников Камай притащил лично. Обычные батраки арендаторов с юго-запада. Бедолаги и летом живут впроголодь, а уж в холодное время всё становится совсем плохо. Иногда им окончательно срывает крышу, вот и творят разное.

Каплями крови мне тогда забрызгало обе ноги.

Чёрт! Вот зачем я это вспомнил?!

Сейчас точно стошнит…

Тшими выбрал копьё. Весьма разумно. Всегда удивлялся тем простакам, который хватались за мечи. Это ведь оружие аристократии, простолюдины с ним если и умеют обращаться, то это уже не простолюдины, а кто-то вроде Камая. Но выбиться в такие бойцы очень трудно. Всё равно, что победить в игре без сохранения на уровне «бог» голым персонажем, которому чертовски трудно набирать единички опыта, а самый слабый противник способен прикончить в один-два удара.

Простолюдины должны рождаться, пахать землю и умирать. Сражаться с оружием в руках — это не для них.

Но случается всякое. Края, в которых обосновались жалкие остатки клана Кроу, неспокойные. Ну а что делать, если мы изгнанники, которым нигде не рады. Вот и пришлось обстраиваться на краю нормальных земель.

Раз это край нормальных территорий, следовательно, дальше должны начинаться ненормальные. Так и есть. И столь опасное соседство нам, разумеется, не в радость. Оттуда всякое приходит, в основном — нехорошее. Плюс скудость здешних земель порождает в населении преступные наклонности. Потому даже самый мирный крестьянин держит под рукой стёганую куртку, укреплённую костяными бляшками, шлем из многослойной кожи и копьё.

Так что, Тшими с выбором не прогадал. Копьём он пользоваться умеет. Тут даже подростки простолюдинов иной раз вытворяют с этим оружием трюки на уровне самых зрелищных гонконгских боевиков, а уж взрослые способны на такое, что зритель, увидев это в фильме, начнёт плеваться с криками «не верю!»

Но Тшими эти трюки не помогут.

Потому что Тшими труп.

Камай вышел с пустыми руками. Как обычно, ни слова не сказав. Фигура, затянутая во всё чёрное и вечно закрытый тонкогубый рот. Однажды на моих глазах он забил здесь кулаками одновременно четверых. Не издавая ни звука, выворачивал им конечности, проламывал черепа, нечеловечески крепкими пальцами рвал мясо на лицах и, ухватившись за ключицы, дергал их с таким омерзительным хрустом, что я

непроизвольно вздрагивал.

Он за весь бой ни разу не приоткрыл рот.

Иногда я задаю себе вопрос: «Дышит ли это чудовище вообще?»

Даже не знаю, что ответить…

Тшими — не такой уж глупец. Он прекрасно понимает, что жизнь окончена. Они всегда это понимают. Опытный воин двадцать восьмого круга просветления с бета-рангом, это, для нашей нищей и никому неинтересной глуши, всё равно, что армия в пятнадцать тысяч императорских гвардейцев. И то и другое звучит неправдоподобно, но одинаково отображает суть.

Что против армии ничего не светит, что против Камая.

Сам поединок продолжался считанные секунды. Тшими без энтузиазма крутанул копьё, врезав наконечником по земле с таким расчётом, чтобы вывороченные комья прилетели противнику в лицо. Камай с лёгкостью избежал столь топорной атаки, резко при этом сократив дистанцию.

Захват, рывок, омерзительный треск, и вот уже специалист по специям валится на вытоптанную землю двора. Голова его неестественно вывернута, а в глазах нет жизни.

Тшими — труп.

Мне показалось, или нет? Такое впечатление, что Тшими и Камай перед тем, как всё случилось, о чём-то безмолвно поговорили. Чересчур долго стояли друг напротив друга.

Да нет, вряд ли. Тшими — обычный крестьянин, а не воин. Секреты этого сословия для него закрыты.

Но всё может быть. Я в этом ненормальном мире давно уже ничему не удивляюсь.

— Тшими честно сражался и заслужил посмертный покой, — кивнула моя мамаша, поднимаясь.

Прекрасно. Значит, тело отдадут семье, а не отвезут на другой берег Красноводки, где его быстро растащат хищники Лихолесья. Хоть какое-то утешение вдове. Пусть похороны на время отвлекут её от горестных мыслей. А их организация — хороший способ направить мозги на решение последующих практических задач.

Ей ведь теперь в одиночку двоих поднимать. Найти здесь нового мужа — почти нереальная задача.

У нас тут край вдов. Конкуренция у слабого пола высочайшая, а жена у Тшими не сказать, что первая красавица, да и по крестьянским меркам уже немолода.

Поднявшись, Трейя посмотрела на меня с улыбкой и протянула руку:

— Пойдём в дом, мой мальчик. На улице свежо, а у тебя

слишком мало сил.

Это она верно подметила. У меня всего мало.

Я ноль, который после разрядки амулета способен лишь дышать.

Да и то еле-еле.

Неимоверным усилием воли я ухватился за руку матери, тоже поднимаясь.

Нет, сложность не в том, чтобы встать самому. То есть, это, конечно, для меня непросто, но в сравнении с самым худшим — пустяк.

Самое худшее — держать мать за руку.

За ту самую руку, которой она вырвала моё сердце.

Глава 2. Семейно-финансовый кризис

Ступени просветления: пустота…
Атрибуты: нет
Навыки: нет
Состояния: нет

— Тшими наш лучший мастер урожая. Его некем заменить. Он единственный мастер урожая, достигший девятого ранга в навыке низовых специй.

— Это всего лишь омега, — презрительно заявила мать. — Забудь о Тшими. Тшими — никто.

Сказано безапелляционно, однако Камай на этом умолкать не стал.

— Но других у нас нет. И взять их негде. Значит, специй больше не будет.

Камай во всех ситуациях предпочитает помалкивать. Он воин, рождённый в сословии воинов, у них болтать не принято. А уж в моём присутствии столько слов иногда за неделю не высказывал. Я, ковыряясь в тарелке, так удивился этому прорыву красноречия, что едва не выронил двузубую вилку. Чертовски неудобная, узкая до такой степени, что ещё пара миллиметров, и можно будет назвать палочкой для еды. Развивает моторику пальцев, как и прочее разнообразие традиционных столовых предметов.

Но с моими непослушными пальцами не моторика, а горе получается.

Жаль, что до матери это не доходит.

Как и многое другое…

Похоже, даже замечание о специях Трейю не задело. Она увлеченно уставилась в здешнюю разновидность газеты. Свиток из дрянной рисовой бумаги закрепляют в простейшее устройство, включающее в себя пару деревянных валиков, отстоящих друг от друга на пару ладоней. Медленно вращая нижний, разматывают рулон, закреплённый на верхнем. Таким образом можно постепенно прочитать весь текст, не прикасаясь лишний раз руками к хрупкому материалу.

Камай всегда привозит одно и то же. Ежемесячный вестник с важными имперскими новостями и самыми значимыми событиями из светской жизни. Желание матери засветиться в этих записях столь же очевидно, как мечта лисицы поймать кролика. И выглядит это смешно, ибо скорее я попаду в элитную гвардию, чем о ней напишут хотя бы пару строк.

Не дождавшись реакции на свои слова, Камай добавил:

— Если не будет специй, чем мы станем платить за поддержание амулета вашего сына?

А вот это очень серьёзно. Такое мать мимо ушей пропустить не может.

И она не пропустила:

— У нас в амбаре достаточно ржи. Продадим часть запасов. И найдём нового мастера урожая. У нас будут специи.

Камай покачал головой:

— Моя госпожа, это семенная рожь. Если её продать, мы не сможем посеять новый урожай.

— Я же сказала, что надо найти замену Тшими. Тшими воровал для своих никчемных детей. Новый мастер урожая устрашится это делать, помня о каре, которая постигла его предшественника. У нас появится больше специй, мы сможем купить на них столько семян, сколько потребуется. Пусть это тебя не заботит.

— Но меня заботит именно это. Я обязан заботиться о благополучии клана Кроу, — Камай начал повышать градус пафоса вслед за матерью. — Нам негде взять мастера урожая уровня Тшими. Лишь он один сумел вырастить хорошие специи на местных бедных почвах. Ему нет замены. Специй больше не будет. Нам придётся рассчитывать лишь на рожь. А рожь ценится недорого и её у нас тоже мало. У нас всего мало, поэтому крестьяне голодают каждый год. Слишком плохая земля. Тшими воровал не для себя. Дети крестьян болели. Болели от голода. У него одного была возможность дать им еду. И он не выдержал. Он кормил и своих, и чужих. Кормил детей.

Я аж заслушался. Да Камай за год столько не говорил. А уж столь длинный монолог — вообще немыслимая фантастика.

Мать, наконец, оторвалась от чтения. Уставилась на воина нехорошо и чуть ли не по-змеиному прошипела:

— Ты сказал, что он кормил чужих детей?

— Да, моя госпожа.

— И почему я узнаю об этом только сейчас?

— Моя госпожа, я сам узнал всего лишь час назад. Я хорошо знаком с Тшими и не мог поверить, что он поступил настолько глупо. Так не бывает, чтобы никто ничего не замечал. Поэтому я предположил, что он делился с другими, чтобы они не болтали. Догадался надавить на тех, которые слабы на языки. Оказывается, у ваших батраков был тайный сход. На нём они решали, как жить дальше. Их дети голодали и у них не было никаких специй, а это вредит развитию их атрибутов. Дети — это будущее даже для самых последних батраков. Сход принял решение менять на еду

те специи, которые получится утаить. Поэтому Тшими никто не сдал. Если бы не его ошибки при отчётности, он бы мог и дальше воровать.

— Это заговор, — тем же нехорошим голосом констатировала Трейя. — Виновники должны быть наказаны. Немедленно наказаны.

— А вот это уже вторая наша беда, после потерянных специй, — сказал Камай. — Моя госпожа, за кражу у клана полагается смерть. Но как быть, если все ваши шудры замешаны? Они все разделили ответственность, все причастны. Нам что, казнить каждого главу семьи? Но тогда мы даже жменю ржи не получим. Женщины и дети не смогут сами обрабатывать все поля и отбиваться от хищников, которые приходят из-за реки. Мы и так живём на грани разорения. Смерть Тшими, это шаг за эту грань, но казнь всех мужчин, это уже не шаг, это прыжок. Мы потеряем последнее, что у нас есть.

Мать может и витает в облаках большую часть времени, но иногда на неё находят периоды просветления. Жаль, что они кратковременные.

Вот и сейчас не стала требовать поднимать среди ночи всё население единственной подвластной ей деревеньки и, закусывая губу, нервно уточнила:

— Ты уверен, что в этом замешаны все мужчины?

Камай кивнул:

— Абсолютно. Я жестоко допросил двоих. Я спрашивал под клятвой крови. Оба они сказали одни слова. Замешаны все, включая управляющего поместьем и обоих ваших стражников. И я тоже заслужил наказание, потому что не узнал это раньше.

— Мы не можем им такое спустить, — задумчиво протянула Трейя. — Кража у клана, это кража у клана. Наказание за это полагается всего одно, исключений быть не может.

— Весь клан Кроу, это вы и ваш сын, — сказал Камай. — Больше никого не осталось, вы последние. Жизнь вашего сына держится на амулете, который приходится постоянно заряжать у мастера артефакторики. Я не представляю, как это делать без специй. Но, может быть, мы как-нибудь выкрутимся. Однако я представить себе не могу, чтобы мы выкрутились из этого без урожая. Да, рожь стоит дешево, но это деньги. Единственные наши деньги. Это слишком плохое место, шудры здесь сами едва концы с концами сводят, а ведь им ещё приходится содержать клан. Моя госпожа, вспомните, как было до этого. Мы всегда жили на пределе наших возможностей, и каждый новый год для нас проходил тяжелее предыдущего. Крестьян становится всё меньше и меньше, а урожаи не растут. Моя госпожа, приказав

убить мужчин, вы поставите клан под такой удар, от которого он уже не оправится. Помните про жизнь вашего сына. У нас едва хватит средств на ещё одну зарядку амулета. Может две, если у вас остались личные средства. И на этом всё. Что мы станем делать дальше, я не знаю. Простите, моя госпожа, я могу умереть за вас и ваш клан, но не смогу заменить всех ваших шудр.

Трейя молча поднялась, проследовала на господскую половину, погремела там крышками обоих своих сундуков, после чего вернулась и поставила на стол три предмета: шёлковый мешочек, нефритовую шкатулку и предмет, похожий на маленькую вазу из мутного красноватого стекла, запаянную сверху. Если смотреть на него краем глаза, может показаться, что внутри, за почти непрозрачными стенками, тлеют раскалённые угли. И ещё я знал, что какая бы температура не стояла в доме, прикоснувшись, всегда ощутишь теплоту.

Странностям, коих хватает в моей новой жизни, я стараюсь подбирать земные названия. Это меня развлекает. Но в некоторых случаях делаю исключения. Уж больно глубоко в душу западают новые слова.

А в некоторых не могу ничего придумать.

Этот предмет называется абунай, и хоть убейте меня второй раз, но я понятия не имею, как подобрать аналогичный термин из земных реалий. Тут всё настолько непросто, что и в длинное предложение не уложишься.

Да что там предложение — оно и десяти процентов не раскроет. Понадобится целый рассказ, затрагивающий множество аспектов жизни здешнего общества в целом, и каждого отдельного его представителя в частности.

С обществом, если не вдаваться в странные детали, всё просто. Махровый феодализм, где аристократия разделена на кланы, каждый из которых пытается подгрести под себя максимум ресурсов и власти. Есть император — далеко не декоративная фигура, со своими особенностями, о которых можно рассказывать долго, к тому же далеко не все мне известны.

Абунай — это святыня клана Кроу. Если верить всем бредням моей мамаши, этой корявой вазе столько лет, сколько Вселенная не существует. И все эти годы каждый выдающийся представитель этой потомственной феодальной банды единожды в жизни совершал ритуал, название которому я из земных аналогов тоже подобрать не могу.

Итай — своего рода харакири, только не физическое и не настолько радикальное. Это всё равно что достать ритуальный самурайский кинжал, взрезать брюхо на пару сантиметров и на этом остановиться. Ну а вылившуюся кровь отдать на станцию

переливания.

Чего добру пропадать.

В данном случае станцией переливания является абунай, а жертвуют не кровь, а энергию «ци». Разумеется, в здешнем языке такого слова нет, это я сумел подобрать аналог. Не уверен в том, что он оптимальный, но лучше не нашлось.

Здесь ци — не миф в глазах неверующего большинства, здесь это такая же реальность, как для нас электричество. Явление детально изучено и поставлено служить на всеобщее благо. Или даже люди здесь не при чём, а всё разъяснили те самые высшие силы, на которые здесь принято ссылаться по любому поводу.

И существование которых даже я, в недалёком прошлом закоренелый скептик, отрицать не могу.

Да здесь даже последний забулдыга в меру своих сил пытается идти по пути просветления. Это, разумеется, тоже моя терминология. Местные высказываются иными словами, но по смыслу приблизительно так.

Иного варианта попросту нет. Здесь это всё равно, что спортивные тренировки и образование в одном флаконе. И в какой-то мере практический опыт, потому что позволяет получать многие профессии без преподавателей и длительной практики. Да, с учителем, конечно, лучше. Иногда на порядки лучше. Но для низового понимания достаточно и самостоятельных действий. Всего-то и требуется, — иметь соответствующую степень просветления.

И ещё кое-что, о чём в лаконичном рассказе поведать никак не успеть.

Шкатулка — это та самая тема, с которой быстро не познакомишь. Не сама шкатулка, конечно, а её содержимое. Там хранятся предметы, без которых здешнее самосовершенствование — это машина без колёс и двигателя.

Да и корпуса — тоже.

Самое простое из принесённых Трейей — это шёлковый мешочек. В нём хранится казна клана. Выглядит жалко и это так и есть, потому как там всего-то несколько мелких серебряных монеток и жменя бронзовых. Увы, но Кроу давно обнищали. И лишь преданность потомственных шудр позволяет нам кое-как барахтаться.

Камай все эти расклады знал получше меня, потому не стал радостно кричать: «Мы богаты! Мы спасены! Закатим пир на всё Пограничье с бродячими музыкантами и продажными женщинами!»

Вместо этого воин бесстрастно произнёс:

— Этого слишком мало. Денег в казне недостаточно даже на

одну зарядку амулета. Специи и символы требуются вам… и вашему сыну. И их тоже слишком мало. Моя госпожа, ваш клан ждут тяжёлые времена.

— Как будто сейчас они лёгкие… — закусывая губу, отстранённо ответила мать.

Заметно, что она глубоко призадумалась над простым вопросом: как вытащить нас из тесного и дурно пахнущего места, в которое она же нас и загнала. Трейя, увы, никогда не была сильна в финансах и в её лексиконе не нашлось места для слова «компромисс». Деньги у неё не задерживались, а решения, загоняющие нас всё глубже и глубже в смрадную узость безысходности, она принимала молниеносно и никогда о них не жалела.

Или делала вид, что не жалеет.

Итак, денег нет и нет перспектив их достать. А без денег наше относительно сносное существование надолго не затянется.

И особенно это касается меня…

Рефлекторно потрогал амулет, прощупывающийся под рубахой. Висит на месте, и это греет мою душу. Ну а то, что он работает, понятно и без ощупывания.

Иначе я бы не удержался в сидячем положении.

Трейя, как обычно, предложила не самый эффективный план поправить наши материальные дела.

— Можно собрать отряд и отправить в Лихолесье. Если всё пройдёт хорошо, даже непродолжительный поход принесёт прибыль. К тому же поход можно подать, как мою милость. То есть — замена казни. Как тебе такая идея?

О высшие силы этого грёбаного мира! Ну вот как в одной симпатичной голове умещаются быстрый ум, изощрённое коварство и полнейшая непрактичность, если не сказать хуже?! Это вы так пошутить решили?! Ну так знайте, ваша шутка совсем не смешная.

Наверное, Камаю стоило великих трудов попытаться ответить невозмутимо, но надо отдать ему должное, он справился:

— Моя госпожа, ваши подданные ещё не оправились от прошлогоднего похода. Тогда они потеряли четверых, причём двое из них были лучшими нашими охотниками. Если, конечно, обычных шудр вообще можно называть охотниками. Простите, моя госпожа, но ваши подданные слишком слабы для таких походов. Они не более чем куча еды, которую хищники севера способны учуять издали. Нас не пустят в безопасные и богатые зоны Лихолесья, там всё давно поделено купеческими факториями. Этот поход принесёт лишь потери, а не прибыли. И мужчины, отправившись на другой берег, не смогут принять

участие в посевных работах. Значит, в этом году урожай окажется ещё меньше. А их семьи и так голодают. Моя госпожа, я боюсь, что ваши подданные начнут разбегаться.

— Это невозможно, — надменно бросила мать. — Они потомственные шудры. Их семьи служат Кроу уже не одно поколение. И каждое поколение приносит вассальную клятву на крови. Как ты мог забыть, что она связывает их крепче самых лучших верёвок?

— Простите, моя госпожа, но нет, я не могу такое забыть. Их клятва… она не абсолютна. Ваши люди могут пойти против неё, при некоторых обстоятельствах. Их дети голодают и не развиваются, а это очень серьёзная причина прекратить служение клану Кроу. Если ничего не изменится, они начнут разбегаться в ближайшие месяцы. Если же устроить поход, или наказать их иными способами, они разбегутся быстрее. Простите ещё раз, но мы не можем удержать старых подданных и набрать новых. У нас вот-вот…

Камай осёкся на середине фразы, чего с ним никогда не случалось. Он ведь не говорит, он гвозди в гроб заколачивает. Тук-тук, тук-тук.

Ну и где здесь паузы устраивать?

Трейя глянула было на воина с удивлением, но тут же её взор дернулся в сторону, и она хищно уставилась на лёгкие двери. Даже я на них покосился, дабы проверить, не отрастила ли их створка клыки и когти.

Нет, двери с виду остались такими же миролюбивыми. А вот взгляды матери и Камая не изменились. Они явно видели то, чего не вижу я.

И это что-то — явно нехорошее.

Мать, не сводя взгляда с дверей, отрешённо произнесла:

— Камай, у нас гости, которых мы не ждали. Надо одеться. Сама я с этим быстро не справлюсь.

— Да, моя госпожа. Мы их не ждали. Сейчас я вам помогу.

Что? Этот мужлан поможет матери одеваться? Немыслимо. Она что, прислугу вызвать не может?

И что ещё за гости на ночь глядя?..

Глава 3. Незваные гости

Ступени просветления: пустота…
Атрибуты: нет
Навыки: нет
Состояния: нет

Вечер и без того выдался необычным, но чем дальше, тем становился интереснее.

Под процессом одевания мать, оказывается, подразумевала не облачение в одно из своих относительно не ветхих платьев. Там и правда без служанки никак, ибо самостоятельно затягивать похожий на жёсткий корсет верх — это надо иметь резиновые суставы в руках.

Нет, о платьях речи не шло. Трейя впервые на моей памяти облачилась в доспехи. Даже когда банда разбойников напала на мельницу, которая располагалась в паре сотен шагов от усадьбы, она не стала прибегать к столь серьёзным мерам.

Доспех, кстати, интересный. Я в них не разбираюсь, поэтому не могу сыпать терминами. Скажу лишь, что выполнен он из чёрного материла, напоминающего толстенную кожу. Может так и есть, но это явно не корову ободрали, и не козу. Тут пострадало такое создание, о которых на Земле даже совершенно ненормальные зоозащитники, готовые спасать мифических йети и скрывающихся в болотах Африки последних динозавров, знать не знают.

Защитная амуниция радовала глаз чёткостью рельефа и идеальной компоновкой деталей. Больше похоже на костюм киношного супергероя, чем на средневековый доспех. Да и шлем интересный. Почти мотоциклетный с виду, а ведь до автотранспорта здешнему прогрессу ещё шагать и шагать.

У Камая похожий, но выглядит грубее, проще и тяжелее. Скорее всего, дешевле, но зато он кажется именно защищающим, а не для красоты напяленным. Ему одевать его не пришлось, потому как всё время в нём ходит. И с мечом не расстаётся.

Мать на этом чудить не прекратила. Сняла с шеи ключ, болтающийся на шнурке, раскрыла длинный и узкий шкаф — самую роскошную деталь обстановки усадьбы после трона. И вытащила вещь, которую я увидел впервые.

Копьё? Или как это называть?

В голове всплыло почти забытое слово из прошлой жизни — «нагината». Японская алебарда так называлась. Здесь что-то наподобие — не слишком длинное древко, заканчивающееся саблевидным наконечником. Может земной аналог и отличался

множеством деталей, но я не настолько хорошо разбираюсь в средневековом оружии, чтобы проанализировать сходство. В любом случае назначение этой штуковины очевидное: рубить, колоть и резать.

Значит, для меня она будет нагинатой.

Приблизившись к столу, мать сложила в простенькую холщовую сумку всё, что выложила на него при разговоре с Камаем: абунай, нефритовую шкатулку и шёлковый мешочек.

После этого поступила неожиданно. Помогла мне встать, повесила сумку на моё плечо и сказала:

— Камай, вынеси на террасу кресло для моего сына. Мы должны встречать гостей так, как подобает достойным хозяевам.

Да что же там за гости такие, что их полагается встречать лично мне? Я ведь из дома и днём почти не показываюсь, а уж в ночной тьме ни единого случая не припомню.

Ну и японская алебарда в руке матери заставляет думать, что с этими гостями всё очень непросто.

Порядочных людей с оружием не встречают.

* * *

Я и на Земле не сказать, что был чересчур болтливым, а уж сейчас, когда пара слов выматывает меня так, будто на девятый этаж без лифта взбежал, и подавно разговорчивостью ни отличаюсь. Плюс здесь у меня имидж такой. Приходится строить из себя неполноценного не только физически, а и умственно. А при такой маскировке чем меньше рот открываешь, тем лучше.

Ну а в данный момент даже не знал, что тут вообще можно сказать. То, что нахожусь в состоянии крайнего смятения духа и без слов понятно. Потому ни слова не произнёс за всё время.

В кресло, которое Камай поставил на дощатый пол террасы со своим неизменно-невозмутимым видом, я не сел, а завалился. Мои и без того ватные ноги полностью отнялись, когда я осознал, что за длинные предметы белеют в ночном мраке.

Вон тётушка Гимо. Её легко узнать по фигуре, которую одни сочтут полностью отсутствующей, а другие тактично назовут чересчур роскошной. Вот Тейко — застенчивая девочка четырнадцати лет, сирота, взятая под опеку Бушей, нашей добродушной кухаркой. Вот сама Буша лежит, а вот её родная дочь — Тамика. И прочие-прочие.

Вся наша челядь была мертва. Судя по их виду, смерть настигла бедолаг в постелях и в большинстве случаев была бескровной. Лишь у некоторых из носа и ртов немного натекло,

слегка запачкав ночные сорочки.

Мир, в котором я влачу жалкое существование, богат на странности. Говорят, здесь случаются варианты, когда мертвецы передвигаются самостоятельно, да ещё и проявляют при этом каннибальские наклонности. Однако сейчас — не тот случай. Кто-то притащил всех этих покойников к террасе, аккуратно разложив перед ней в один ряд. При этом даже постарался расположить по росту: слева дети, а крайний справа — ночной сторож Думонуро, явно не справившийся со своими обязанностями.

Смерть — всегда неприятно. А когда кого-то убивают рядом с тобой, это ещё и страшно.

Но когда гибнут одиннадцать человек, ни издав при этом ни крика, это не просто страшно, это здорового человека может перепугать до отнявшихся ног.

А уж меня — подавно.

Камай и мать что-то при этом слышали, но это явно относится к их особым способностям. Возможно, это даже были не звуки, а сами эманации смерти, которые люди, подобные им, способны засекать издали.

Я здесь давно уже ничему не удивляюсь…

Убийцы расположились параллельной шеренгой и, в отличие от наших слуг, были живы. При всех странностях происходящего я не мог принять мысль, что эти двенадцать фигур, затянутые в чёрное от пяток до макушек, умерли стоя и почему-то не падают. Узкие прорези масок едва просматривались во мраке и то ли ужасающая реальность такова, то ли воображение разыгралось, но мне казалось, что там временами поблёскивают рубиновые огоньки нечеловеческих глаз.

То, что именно они являются убийцами, я, конечно, заключил без следственных действий и судебного приговора. Но других кандидатов во дворе не наблюдались, да и, положа руку не сердце, никого лучше этой дюжины во всём нашем крае не найти.

И это не разбойники, которые объявляются в наших краях время от времени. Хороший воин не станет промышлять преступными делишками в нищих землях. На это решается лишь сущее отрепье, а такие цыплёнку шею свернуть не смогут, не перебудив при этом всю округу.

А наши люди спали безмятежным сном. Или в момент смерти пребывали в таком состоянии, что принимали её беззвучно.

Значит, эти чёрные фигуры опасны. И то, что Камай не напал на них сразу — лишнее тому подтверждение. Здесь, на террасе, удобнее отбиваться от толпы. Да я бы на его месте даже из дома не стал выходить, ведь там держать оборону ещё легче.

Пока я об этом думал, Камай начал глупить, как будто это не

он, а сторож Думонуро, пребывающий в состоянии крайней степени радости, являющейся следствием неумеренной дегустации ржаной браги. Заодно с моей матерью сглупил. Оба, держась бок о бок, спокойной уверенной поступью спустились с террасы и направились навстречу шеренге убийц. А те, вместо того, чтобы с криками радости окружить подставившуюся парочку, при их приближении начали с пластикой мастеров танца растекаться в разные стороны.

Три секунды, и вот уже фигуры без лиц стоят в два ряда, образовав широкий коридор. С одной его стороны замерли, наконец-то, Камай и Трейя, с другой стоял непонятно кто. Тоже черная фигура, но голова не прикрыта здешней боевой разновидностью мотоциклетного шлема. Однако светлее это её не сделало, потому как мужчина далеко не блондин, а причёска у него роскошная, ниспадающая до середины глаз. Плюс имеется фигурно подбритая бородка.

Должно быть, в компенсацию за внезапно отнявшиеся ноги у меня обострилось зрение, раз в безлунную ночь сумел разглядеть такие подробности.

— Приветствую вас, госпожа Трейя из клана Кроу и Камай, последний воин первого круга клана Кроу, — чуть насмешливым, чётко поставленным голосом произнёс чернобородый.

Не знаю, смогу ли я его опознать, если он побреется, но стоит ему произнести пару слов, тут же укажу пальцем. Изъясняется будто профессиональный актёр романтического жанра. Ставлю палец против целой руки, что это аристократ. Здешняя феодальная верхушка живёт по особым законам, предписывающим им держаться пафосно во всех ситуациях. Особенно это касается разговоров. Даже с самым близким человеком в диалоге могут прорываться фразы, достойные финальной речи киношного злодея в низкобюджетном фильме. Это когда негодяй, повязав положительного героя по рукам и ногам, вместо того, чтобы перерезать глотку, рассказывает ему, какой он неудачник. Ну а тот, внимательно слушая, перепиливает верёвки ножом, припрятанным в каком-нибудь героическом местечке.

В этом незнакомце пафоса на троих хватит. Простолюдины так не выражаются, даже когда пытаются подражать знати.

Мать, с непринуждённым видом опершись на алебарду, ответила ледяным тоном:

— И я тебя приветствую, мастер Пенс, изгнанник рода Фолл, примкнувший к Безликим теням. Удивлена, что ты лично решил почтить нас своим присутствием.

Несведущий человек из речи Трейи поймёт только то, что она

знает этого, гм… гостя. А я едва не охнул, уловив в её речи нехорошие моменты.

Во-первых, она обращается на «ты» к аристократу. Это не считается оскорблением, но и хорошим тоном не назовёшь. К тому же этот человек, или его подручные, перебили наших слуг. И судя по зареву, которое разгорается в стороне мельницы, этим наши потери не ограничиваются.

То есть, мать уничижительно обращается к врагу. И этот враг чертовски силён, раз она прямо-таки выдавила из себя слово «мастер».

Мастер — это серьёзно. Камай — не мастер. Он даже на подмастерье не тянет, если брать земную терминологию. Для нищего северного края — чертовски хороший боец, но на юге, такие как он, по десятку на каждом углу.

То есть, несмотря на то, что пенс на Земле — ничтожно мелкая монетка, перед матерью и Камаем стоит значительная фигура. Я даже думать боюсь, до какой ступени просвещения добрался этот монстр. Уж явно не меньше тридцать пятой, а это звучит страшно. Если он не омега (что вряд ли), Камаю против него ловить совершенно нечего. А уж матери и подавно.

Она не афиширует свою ступень, но я наблюдателен и неглуп, а потому уверен, что не выше двадцать пятой. Как и положено большинству аристократов, она, скорее всего, полная альфа хотя бы на первых ступенях, когда жила хорошо, и не ниже беты для более высоких, кое-как пройденных под давлением жизненных невзгод. Может против Камая она что-то и значит, но против мастера — вряд ли.

А мастер этот не в одиночку заявился. С ним орава явно немирных людей. Понятия не имею, какие у них ступени, но шестое чувство подсказывает, что столь серьёзный тип не станет таскать за собой выпускников детского сада.

И что это значит?

В первую очередь то, что Трейя допрыгалась. Не понимаю суть происходящего, но почти не сомневаюсь, что прямо сейчас ту, кого мне приходится называть матерью, станут убивать. И в предстоящей схватке поставлю на её противников, потому как они явно сильнее.

Следовательно, прямо сейчас сбудется моя мечта.

Эта сука подохнет.

И я, скорее всего, тоже. Увы, но у здешних аристократов так принято. Если уж начинают кого-то вырезать, паузы делать считается дурным тоном. В случае с Кроу случилось исключение из этого правила, и вряд ли оно повторится.

И одного раза — много.

Страшно ли мне? Даже сам не знаю… Однажды я уже умирал, а последовавшая за этим новая жизнь, не сказать, чтобы сильно радовала. Это будет больше похоже на освобождение.

Да, пожалуй, мне не страшно. И я даже этого хочу.

Но только в одном случае.

Я должен умереть после Трейи. Я просто обязан насладиться зрелищем её гибели.

До последнего мгновения.

Участники представления не стали делать паузу, дожидаясь, когда моя голова всё просчитает. Их общение не останавливалось.

— Вы слишком много значите для меня, чтобы оставить наше с вами дело на посторонних, — ответил Пенс на невежливое приветствие моей матушки. — Это ведь всего лишь ночные тени, безликие и безымянные. Нет, последнюю точку в летописи клана Кроу должна поставить моя рука.

— Такая значит цена у слова императора, — с презрением произнесла Трейя.

Пенс покачал головой:

— Боюсь, император здесь ни при чём. Хоть я и не исключаю того, что будет рад произошедшему здесь, но это не его желание. Вас, Кроу, слишком многие не любят. Есть за что.

— Леди Трейя удалилась в изгнание, дав слово, что никогда больше не станет матерью, — заявил Камай. — В её смерти нет ни чести, ни смысла.

Даже я удивился. Когда говорят аристократы, такие, как Камай, обязаны ловить каждое слово, рта при этом не разевая. То, что он подал голос — против всех правил. Это так же дико, как уборщик в штаб-квартире ООН, прорвавшийся на трибуну, чтобы потребовать разбомбить Воронеж.

Пенс снова покачал головой:

— Камай-Камай… Я хорошо тебя помню. Ты подавал надежды. И ты же их похоронил. Не ты первый, кто попался в эти сети. Изгнание, мой друг, подразумевало, что леди будет сидеть в самом глухом углу, где её никто не увидит и не услышит. То, что она начала писать письма, это уже против правил. А с учётом содержимого её посланий и того, кому они предназначались, превращает всю затею с изгнанием в фарс. Один раз ей уже была оказана милость. Великая милость. Второго раза не будет. Отойди в сторону, Камай. Ты ведь прекрасно знаешь, что не сможешь мне помешать. А мне не нужна твоя смерть. Я пришёл за леди Трейей и её никчемным выродком.

А вот это ему говорить не стоило. Моя мать, в целом, очень терпеливый человек. Есть всего одна вещь, которая способна вывести её из равновесия в один миг.

Меня нельзя называть выродком.

Тяжёлая нагината крутанулась в тонкой женской руке столь изящно, будто ничего не весила.

И в тот же миг из второй руки матери вырвался свет. Он был столь ослепительным, что мне пришлось опустить веки.

Как про неё шептали слуги? Если им верить, то своей магией Трейя способна заставить закипеть глаза в глазницах. Всегда считал это сказками, или, как минимум, бессовестным преувеличением.

Но сейчас начал сомневаться.

Глава 4. Всё ци клана Кроу

Ступени просветления: пустота…
Атрибуты: нет
Навыки: нет
Состояния: нет

Не знаю, что за магией сверкнула мать, но одно могу сказать точно — это не сработало. Первый её удар нагинатой я пропустил из-за того, что зажмурился, но нет сомнений, что он тоже прошёл впустую.

Когда открыл глаза, увидел, как Пенс непринуждённого уворачивается от бешено мелькающего лезвия. Его движения были молниеносны, и при этом он всеми способами показывал, что все эти атаки его забавляют, а не напрягают. Он разве что задницу не чесал в перерывах между отчаянными взмахами и выпадами, которые с потрясающей быстротой устраивала Трейя.

Даже я, ненавидя эту гадину каждой клеткой своего ущербного мозга, невольно залюбовался. Никогда прежде помыслить не мог, что мать этого никчемного тела способна на такие трюки. Это фантастичнее любого азиатского боевика по сложности и скорости, и одновременно прекраснее, чем танец профессиональной балерины.

Но Пенс ни на шаг не отступил. Он ухитрялся оставаться между лопастями работающего вентилятора, вовремя приседая, отклоняясь, подпрыгивая. И даже не пытаясь вытащить меч. Судя по ухмылке, происходящее его совершенно не напрягало. Да он, того и гляди, хохотать начнёт.

Камай в стороне не отсиживался. Он прямо сейчас заходил Пенсу за спину, положив ладонь на чёрную рукоять своего меча. Два года назад этот воин одним взмахом своей кривой железяки перерубил наискосок разбойника, облачённого в стёганную куртку, укреплённую бляшками, выточенными из коровьих копыт. Так себе доспех, но всё же какую-то защиту давал.

Клинок рассёк и куртку, и тело, и рукоять громадного колуна, которым за день до этого разбойник жестоко прикончил Квайсу — нашего кузнеца, тащившего домой целый мешок болотной руды, которую он добыл самолично. Должно быть, убийца подумал, что там лежит что-то куда более ценное.

Он ошибся, проиграв жизнь. Камай знал цену умелым людям, и спустить гибель нашего лучшего кузнеца не мог.

Меч покинул ножны с неуловимой для глаза быстротой. Лезвие размазалось в воздухе на пути к шее Пенса.

И врезав по этой самой шее, отскочило от неё, будто от

бетонной стены.

А Пенс, гибко обернувшись, впервые за всё время схватки атаковал сам. Ударил левой рукой. Небрежно ударил, будто пощёчину нерадивому слуге отвешивая.

Камай от такой «пощёчины» улетел метров на десять. Выглядело это так, будто он оказался на пути бешено мчащегося автомобиля. Покатился, потеряв меч, зарылся лицом в смесь грязи и соломы, коей был покрыт весь двор, да так и остался лежать, не шевелясь.

Мёртв? Возможно. Я бы на его месте точно помер. Однако, с Камаем возможны варианты.

Или невозможны? Я впервые видел работу мастера и понятия не имел, на что тот способен. Судя по удару, по непринуждённому виду Пенса и по тому, что его люди даже не шевелились, наблюдая за схваткой, он, такими, как Камай, ботинки у порога вытирает.

Продолжая стоять под атаками матери, Пенс ухмыльнулся и, чуть сбавив градус пафоса, ни капли не напряжённым голосом поведал ей о ближайших перспективах:

— Леди Трейя, сожалею, но я буду вынужден вас убить. Но вы умрёте не сразу. Прежде чем ПОРЯДОК одарит меня за победу, вы увидите смерть вашего выродка. Господин Рсай особо настаивал на том, чтобы он умер первым, на ваших глазах.

Выродок — плохое слово. Взбешённая мать на миг сбилась с ритма смертоносного танца. Это даже для меня, полнейшего профана, очевидно.

А Пенс, как бы вплетая недостающий элемент, пропустил лезвие нагинаты над собой, одновременно шагнув вперёд и вскидывая всё ту же левую руку.

Мать с криком отлетела на несколько шагов и упала, прокатившись по земле. Попыталась подняться, но рухнула снова, после чего на боку поползла в сторону своей алебарды. Та, совершив в воздухе пару оборотов, вонзилась в землю на полпути к террасе.

Не знаю, что этот мастер сделал, но, похоже, у Трейи серьёзные проблемы. Левая половина тела её не слушалась, рука и нога стали ватными. Даже если она доберётся до оружия, не представляю, что сумеет сделать в таком состоянии.

Зато прекрасно понимаю, что сделает Пенс. Он даже связываться с матерью не станет. Просто обойдёт её, или даже переступит через искалеченное тело.

А потом поднимется на террасу и прикончит меня.

Как и обещал.

Я уже выяснил, что смерти не боюсь. Отмучаться — не так

страшно, как существовать овощем, что грозит в том случае, если меня пощадят.

Но меня приводила в ярость мысль, что моё убийство останется безнаказанным.

Это ведь уже второй раз, когда я это дело спускаю.

Пора как-то исправлять нехорошую тенденцию…

Абунай — святыня Кроу. Поколения за поколениями они сливали в него ци. Возможно, даже так переусердствовали с жертвенностью, что это ослабило семью. Так что, это может быть одной из причин угасания династии. В итоге от клана осталась лишь амбициозная стерва и её ущёрбный отпрыск. Причём, про последнего говорить о чистоте крови не вполне уместно. Ведь в нём скрывается тот, кого мамаша принесла в жертву, тщетно надеясь, что это сделает из её пустого выродка полноценного человека.

По легенде, когда-то у Кроу должен родиться уникальный ребёнок, который сумеет распорядиться сокрытой в абунае ци таким образом, что это прославит клан на веки вечные и возвеличит выше Небесной вершины. А до тех пор полагалось его заполнять при любой возможности. Сосуд сделан из зачарованного драконьего стекла мастером, который унёс секрет изготовления в могилу. Так что, технология утеряна, но достоверно известно, что сколько ни вливай вездесущей энергии, ничего страшного не случится.

Главное — относиться к абунаю бережно. Не швырять его в пропасть, ибо это может его разбить. И не пытаться сверлить алмазом. Против столь крепкого минерала драконье стекло уязвимо, а любое повреждение стенок способно привести к нарушению целостности и мгновенному высвобождению начинки.

Ци — это, конечно, не взрывчатка, но и не сказать, что опасаться совершенно нечего. В моей руке сейчас зажата авиабомба на сотню килограмм. Как однажды оговорилась моя мать, сила, заточённая в абунае, развеет на первородную пыль всякого, в ком не течёт кровь Кроу.

Вот сейчас и проверим…

Алмаза у меня нет. Остатки клана Кроу не настолько богаты, чтобы хранить дорогостоящие самоцветы в карманах немощного мальчишки. Зато у меня есть амулет. Чёрный коготь на шнурке. Он постоянно висит на моей шее, позволяя мне влачить существование в относительно приличном состоянии. Как только его снимают, я тут же превращаюсь в абсолютно беспомощный овощ.

А снимать его приходится регулярно. Камай возит его на юг, в город, где платит деньги зачарователю, который накладывает

на амулет нужный мне эффект. Увы, не навсегда. Процедура требуют ци, потому стоит недёшево, и через некоторое время её необходимо повторять. Это один из главных источников наших расходов.

Но сейчас значение имеет не магический эффект, а материал амулета. Коготь некогда принадлежал одному из неприятнейших созданий Пустоты. Великому герою из Кроу повезло его прикончить, после чего клан обзавёлся мощнейшим артефактом.

Этот коготь не уступает алмазу по твёрдости. Возможно даже превосходит. Я всеми фибрами души ощущал, как вибрирует поднесённый к груди абунай, чье стекло со скрежетом поддаётся напору кривого острия. Если это не воображение шалит, внутри и правда закипает нешуточная сила, почуявшая скорое высвобождение из векового заточения.

Сейчас… сейчас я тебя выпущу.

Пенс не обманул мои ожидания, он таки переступил через мать. А та только и смогла, что протянуть вслед правую руку, тщетно попытавшись ухватить за щиколотку.

— Нет! — пронзительно выкрикнула она вслед убийце, направлявшемуся к её ненаглядному сыну.

Остановившись, Пенс обернулся, насмешливо спросив:

— Может, хоть сейчас ты скажешь, от кого зачала этого уродца? Ведь личность его папаши — одна из величайших загадок нашего времени. Я слышал официальную версию о тайном временном браке с анонимным аристократом. Доходили до меня и неофициальные слухи. Те самые, про твоё детство и юность взаперти, в каменной башне, где до твоего целомудрия никто не мог добраться, однако это всё же случилось. Но, глядя на Гедара, не могу поверить ни в то, ни в другое. Его отец скорее вечно пьяный забулдыга, не гнушающийся наркотиков, которые разрушают структуры ПОРЯДКА. И уж он точно не был благородным. Только у самого никчемного папаши мог получиться столь нелепый результат. Кроу больше нет, и нет смысла скрывать эту тайну. Кем он был? Конюх? Бродяга уличный? Давай же, Трейя, скажи. Взамен я обещаю убить выродка быстро.

Быстро?! Чёрт, мужик, не надо торопиться, мне совершенно некуда спешить!

Проклятое стекло, не желающее поддаваться острию когтя! Проклятый абулай! Проклятые Кроу и их непонятные разборки!

Мать, судорожно скребя по земле ослабевшей рукой, прошипела, сверля Пенса испепеляющим взглядом:

— Будь здесь отец моего мальчика, ты бы давно был мёртв.

— Ну да, конечно, — насмешливо кивнул Пенс, вновь

разворачиваясь ко мне. — Что-то не помню, чтобы мне предрекали смерть от смеха, так что, скорее всего, увидеть того простолюдина, который первым пробрался под твою юбку, мне не доведётся. Эй… Ты что там делаешь?..

— Гедар!!! Давай!!! — не своим голосом вскричала мать, уставившись на меня безумным взглядом.

Не знаю, как, но она поняла, для чего я держу абулай перед грудью. И даже не стала меня ругать за столь неаккуратное обращение с реликвией. Более того, наоборот, поддержала, призывая сделать это именно сейчас.

Я бы с радостью, но эта проклятая хреновина не сдаётся. Уже обточил её по кругу, устроив знатную борозду, а она даже не думает разлетаться.

А времени, между прочим, не осталось. Пенс тоже что-то нехорошее заподозрил, вон как в лице переменился. Должно быть, в курсе насчёт абулая и верит в то, что это не шарлатанство.

За спиной мастера поднялся Камай. Воин, пошатываясь и приволакивая ногу, направился к врагу, на ходу вытаскивая кривой кинжал. Не знаю, что он собрался с его помощью устроить противнику, который голой шеей останавливает клинок меча. Скорее всего — ничего.

Значит, отвлечь Пенса от меня Камай не сможет.

Жить оставалось секунды две.

Говорят, в состоянии крайней степени отчаяния у человека может проявиться несвойственная ему сила. Не знаю, сработал этот эффект или то, что стекло сильно пострадало от предыдущих покушений, но со всей дури надавив на коготь, я ощутил, как стенка сосуда с хрустом поддаётся, разом давая слабину, пропуская руку с зажатым в ней амулетом внутрь.

Краем глаза успел разглядеть Пенса, который взвился в воздух, прыгая не ко мне, а, наоборот, прочь от меня, навстречу Камаю.

А затем мир утонул во вспышке света, который был столь нестерпимо ярок, что вмиг выжег всё вокруг.

Включая моё сознание.

Глава 5. Поле боя

Ступени просветления: неизвестно
Атрибуты: нет
Навыки: нет
Состояния: нет

— Асами пае дакто, — мелодичным голосом произнесла незнакомка.

Изучая её, я едва не удержался, чтобы не присвистнуть. Высокая женщина немыслимой красоты смотрела на меня с таким выражением, будто это не я здесь разлёгся, а самый грязный в мире бродяга, страдающий от проказы, сифилиса и газовой гангрены. Такого презрительного взгляда никогда до сих пор не видел.

Как и такой красоты.

Неземной красоты.

Ну не может на Земле такое чудо уродиться. Абсолютная естественность, возведённая в квадрат. Ни миллиграмма косметики, ни штриха от скальпеля пластического хирурга. Да что там химия, даже причёска выглядит так, будто над ней не расчёска поработала, а буйный ветер, ухитрившийся каждый волосок уложить именно так, как он обязан лежать. И одета не по моде. Какая-то чёрная хламида, закрывающая всё тело, кроме ладоней и головы. Лицо европейское, но в то же время с примесью экзотики, будто среди близких предков затесался азиат.

— Тайс амушаби, аби Трейя, — чуть наклонив голову, заявил второй присутствующий.

А вот этот ни разу не красив. Но мне судить трудно, в мужской красоте я почти ничего не понимаю. Разве что слащавого модного парня отличу от брутального мачо, как бы первый ни пытался выдать себя за последнего.

В чём, к слову, не вижу смысла. С точки зрения женского интереса, это та ещё лотерея, кто каких предпочитает. Барышни, как правило, сами на такой вопрос однозначно ответить не могут.

Как и полагается непредсказуемым созданиям.

Так вот, Трако Дарс, если оценивать по показателю модной слащавости, значительно уступает даже матёрому медведю, поднятому охотниками зимой из берлоги в состоянии крайней степени негодования. Абсолютный хозяин жизни. Аура опасности и непоколебимой уверенности в своих силах, расходящаяся от этого человека, должно быть разгоняет гопников за четыре квартала. Наверняка такому серьёзному типу дают взятки дорожные полицейские в отсталых странах, и предлагают деньги

за секс продажные женщины в развитых. Иначе не объяснить, почему он при таком же скромном одеянии, как у Трейи, выглядит столь богато.

Да он похож на мечту всех официантов. То есть на парня, оставляющего килограмм золота на чай.

В общем, предельно крутой мачо, почему-то забравшийся в мрачные руины. Возится с какой-то жаровней, будто решил устроить барбекю в этом мрачнейшем месте. Только вместо мяса разогревает длинный кривой нож со сверкающей красными самоцветами рукоятью.

Древние замшелые стены, в которых не хватает вывалившихся блоков, зато не счесть трещин. Россыпи костей и черепов в многочисленных нишах. Громадный плоский камень, на котором надежно зафиксировано моё тело. Писклявый плач младенца где-то за головой, куда не дотягивается взгляд.

Это в какие края меня занесло? Это что, сон такой? Может и так, ведь последнее, что я помню, как откинулся на сиденье автобуса и начал подрёмывать. Это было куда лучше, чем смотреть в окно. Водитель жал на газ так, будто не людей за деньги перевозит, а спасается от погони, увязавшейся за ним из того самого дурдома, в котором он должен был отсидеть ещё лет сорок.

Что это за подвал? Что за люди? На каком языке они говорят? И почему я знаю, как их зовут?

Как-то это не похоже на сон. Ведь в тех случаях, когда я осознавал, что сплю, пробуждение происходило без промедления.

Стоп! Я ведь и вправду знаю их имена!

Да я и слова, оказывается, понимаю. Просто только сейчас это до меня дошло.

И до меня, заодно, дошло ещё кое-что.

Важное и страшное.

Я понял, что никакое это не барбекю.

Я точно знал, для чего переназначен нож с драгоценной рукоятью.

Всё вспомнив, я, наконец, понял, что да, это действительно сон.

И просыпаться надо прямо сейчас.

* * *

Вырвавшись из намечающегося кошмара, я понял, что угодил в другой, доселе не испытанный. Зато до сих пор жив. Ну не может мёртвое тело так сильно страдать. А если речь идёт о

воспарившей душе, её страдания должны иметь исключительно духовную а не физическую природу.

Приоткрыв глаза, я сумел согнуть руку, спасая ладонь от нестерпимого жара, от которого кожа, по-моему, уже начала попахивать жареным. Очень уж характерный запах забивает ноздри.

Сознание работало плохо, но всё же отметило странную насыщенность тревожного аромата. Потягивает не добротно приготовленным блюдом, а пригорающим, которое даже если спасёшь, не рассчитывай на вкуснейший ужин.

Не может слегка обожжённая ладонь так вонять. До неё ведь даже огонь не добрался.

Сам огонь я разглядел во вторую очередь. Сознание разгонялось чересчур медленно, потому окружающее я воспринимал фрагмент за фрагментом, а не всю картинку сразу и целиком.

Полыхал пол террасы. Доски для него приготавливали оригинальным способом. Я даже не знаю, можно ли это называть досками. Скорее — колодами. Но не уверен, подходит ли такой термин. Увы, в плотницких делах разбираюсь смутно.

Как и во многих других.

Брёвна раскалывались вдоль при помощи деревянных клиньев, которые в них голыми руками забивал Камай. Таким способом он совмещал тренировки ладоней и полезное для хозяйства дело. Полученные половинки отёсывались до гладкого состояния и хитроумно укладывались плоскими сторонами кверху.

Вот так и получился пол террасы. Все детали массивные, такие разгораются медленно, зато горят долго. Благодаря этому пламя от пылающего дома добралось до меня не так быстро.

Почему начался пожар, я не знал, но догадывался, что всему виной, — сила, освободившаяся из сосуда, над которым грубо поиздевался мой амулет. Складывалось впечатление, что я стал эпицентром нешуточного взрыва. Стулья и прочие предметы расшвыряло в разные стороны, сорвало ограждение террасы, вдавило внутрь стену, и разметало крышу над головой. Пространство перед главной постройкой усадьбы было усеяно всем тем, что разлетелось от меня подальше.

Сам я пребывал в центре беспорядка и обязан был погибнуть, но этого не наблюдается. Да, чувствую себя, мягко говоря, не слишком прекрасно, но это вполне нормально.

Потому что хорошо я себя здесь никогда не чувствовал.

Чёрное воинство не стояло надо мной с занесёнными мечами. Убийцы лежали там, где их настигла волна высвободившейся

силы. Тёмные кочки так и располагалась в два ряда, за их жертвами в белых ночных одеяниях.

И трупы нашей прислуги стали другими. Кожа у них почернела, будто обуглилась. Но этого не может быть, потому что ткань в таком случае тоже должна потерять цвет, чего не наблюдалось ни на одном теле.

Впрочем, я не особо ломал голову над загадками происходящего. Даже то, что главный убийца исчез вместе с Камаем, меня не напрягало. Пусть хоть за спиной моей прячется, дабы в нужный момент перерезать горло.

Плевать. Главное, успеть кое-что сделать до этого самого момента.

То, что я сумел подняться — чудо. А то, что после этого сделал шаг — чудо великое.

Как и все последующие шаги.

У меня была цель, к которой я готов без рук и ног доползти. Но я не ползу, я иду. Иду в правильном направлении.

И это прекрасно.

Кожа на лице и руках матери не изменилась. В том смысле, что не почернела, как на всех прочих. Трейя не шевелилась, но меня не обманешь.

Она всё ещё жива. Удерживается в миллиметре от смерти, но продолжает дышать. Я чувствую это. Не знаю чем и как, но чувствую. Ведь меня к этой женщине привязывает не только ненависть. Слишком много общего скопилось у меня и человека, который оборвал одну мою жизнь и самоотверженно защищал другую. Вот поэтому я уверен, что у меня есть немного времени, чтобы сказать ей последние слова.

Но даже сейчас мать себе не изменила. Она не позволила мне перехватить инициативу. Я даже не успел до конца присесть, делая это медленно и осторожно, всеми силами стараясь не завалиться, окончательно потеряв равновесие.

Трейя резко открыла глаза, шевельнула одной рукой, тут же её приподняв. Но не чтобы помочь. Она ухватилась за амулет, мелко при этом задрожав. Спустя пару секунд расслабилась и еле слышно прошептала:

— Гедар… шкатулка… Твоя сумка… Дай…

Зачем ей это понадобилось в такой момент, я понятия не имел. И вообще, мне нет дела до странных капризов умирающих. Я ведь не за этим к ней подошёл. Но власть этой женщины надо мной столь велика, что у меня из головы вылетело, что я, собственно, здесь делаю.

Послушно достал шкатулку, протянул.

— Открой… Достань… — прошептала Трейя.

Подцепив нефритовую крышку, вытащил содержимое. Фигурный шёлковый мешочек, в котором прощупывались знакомые предметы.

Сжав его, мать захрипела, после чего почти бессвязно произнесла:

— Высшие силы… последние слова… просьба умирающего… Это надо. Это очень надо моему мальчику. Дайте… дайте ещё.

Вновь мелко задрожав, она тут же расслабилась и умиротворённо протянула:

— На шею. Надень его на шею. Вместе с амулетом. Не снимай.

Выполняя указание Трейи, я внезапно осознал, что являюсь никем иным, как распоследним болваном. Вместо того чтобы высказать ей всё, что должен высказать, я веду себя, как маменькин сынок.

А ведь эта гадина подыхает. Я так останусь ни с чем.

Потому поспешно произнёс:

— Я не Гедар.

— Гедар… мальчик мой… — пролепетала женщина, обессилено опуская веки.

— А ну стоять! Не вздумай подохнуть! Не вздумай! Я не Гедар! Ты слышишь меня?! Я не Гедар! Это не твой сын, это только оболочка от твоего выродка! И эта оболочка не пустая! В ней кое-кто поселился! Ты помнишь меня?! Ты должна помнить! Это ведь ты вырвала моё сердце! Ты и Трако Дарс это сделали! Ты пом…

Осёкшись от дичайшей судороги, набросившейся на каждую мою мышцу, я завалился на мать, выдавив из её груди воздух. Услышав при этом её последнее слово:

— Ге… Гедар…

А вот теперь точно всё. Не поговорили. Умирающая женщина даже не поняла, какую змею пригрела, до последнего сражаясь ради пустой оболочки, давно захваченной чужаком.

Чёрт! Я ведь обязан был объяснить ей, что она и правда родила выродка. В её никчемном сыне разума и на каплю не наблюдалось. Он и правда пустота, он чистый лист, а я текст, который она, в своей слепой материнской заботе, записала туда, где должно было размещаться сознание настоящего Кроу.

Трейя умерла в полной уверенности, что до последнего всеми силами оберегала Гедара, а не захватчика, затаившегося в его пустой оболочке.

То есть, умерла с чистой совестью. А это очень плохо. Настолько плохо, что даже боль от судороги, терзавшей тело, не смогла отвлечь меня от осознания упущенной возможности.

Я был обязан взять своё. Объяснить этой стерве всю глубину её ошибки. Она должна была подохнуть в отчаянии, скрежеща зубами от бессильной ярости.

Судорога отпустила, но боль не ушла. Со мной что-то происходило. Что-то никогда до этого не испытанное. Волна ци, прошла через тело не бесследно. После неё что-то осталось.

И это что-то терзало меня с жестокостью профессионального палача.

Будь на моём месте нормальный житель этого ненормально мира, скорее всего, здесь бы всё и закончилось. Однако, я это я — самое слабое существо, какое только можно вообразить. И существо страдающее годами. Страдающее непрерывно. Страдающее с того самого момента, когда раскалённое остриё жертвенного ножа обожгло кожу на груди.

Так что, страдание — дело привычное.

Судороги — ничто. Как и боль, они мало что добавляют к привычному для меня существованию. Телесная немощь — даже не смешно. Без амулета я неподвижный овощ, который и дышит-то с трудом, куда ему шевелиться. Моя походка вдребезги пьяного забулдыги — это тоже вполне нормально. Мне впору собою гордиться. Бывало, я за две недели не делал столько шагов, сколько сделал сейчас.

И сделаю ещё.

Я уходил. Не знаю куда, просто шёл вперёд. Сейчас мне надо оказаться как можно дальше от зарева, оставшегося за спиной.

Убийцы, пришедшие в усадьбу, погибли. Разве что один, возможно, каким-то образом избежал общей судьбы. Не исключено, что он исчез при помощи местной магии, как и Камай. Оба должны были погибнуть, почернеть под натиском ци, собираемой многими поколениями Кроу. Останков от них нигде не видно, а умчаться от волны смерти они никак не успевали.

Выброс энергии, на которой держится весь этот мир, пощадил лишь мать.

И меня.

Оболочку последнего Кроу, захваченную пришельцем.

И этот пришелец умеет думать даже в столь сложном состоянии. Я помню, что горит не только усадьба, а и мельница. Возможно, это дело рук других убийц, избежавших общей участи. Если это так, очень скоро они обнаружат гибель своих товарищей. Или вернётся тот, от чьей руки погибла Трейя.

Жаль, что не от моей…

Чем дальше я уйду, тем больше шансов выжить.

Хотя зачем она мне нужна, такая жизнь?..

Глава 6. Взглянуть в себя

Ступени просветления: неизвестно
Атрибуты: нет
Навыки: нет
Состояния: нет

Проснулся я, вынырнув из кошмара, который всем кошмарам кошмар. Я сгорал заживо вместе с усадьбой, потому что мой амулет увёз Камай, а без него нельзя подняться с постели, не говоря уже о ходьбе. Мои кости голыми руками ломал Пенс, а мать, стоя рядом, аплодировала на каждый треск. Тшими, выбравшись из могилы, рассказывал мне об особенностях пищевого поведения разных видов червей и о том, что ощущает разлагающийся труп, когда эти мелкие твари его пожирают.

Ну и сердце мне вытаскивали из груди раз пятнадцать. И при помощи раскалённого ножа, и с использованием холодного, и даже безо всяких инструментов, голыми руками.

Для таких, как Пенс и Камай — это плёвое дело.

И что самое нехорошее, проснуться не получалось. Я старался. Изо всех сил старался. Но никак. Даже начало закрадываться подозрение, что это явь. Это тот самый ад, который я заработал за нехорошие мысли по поводу зверского убиения матери и Трако Дарса. Должно быть, высшие силы этого мира считают, что даже думать о таком — смертный грех.

Но нет, обошлось. При очередной попытке я, наконец, выбрался в реальность.

Реальность оказалась необычной. Смутно помню, что потерял силы и свалился непонятно где. Думал отлежаться несколько минут, но потом последовал столь серьёзный приступ судороги и боли, что даже для меня это оказалось слишком.

Вырубился.

Рассчитывал очнуться на земле, но оказалось, что лежу на сухой соломе, погрузившись в неё чуть ли не с головой. Ложе потряхивает, подо мной что-то монотонно поскрипывает, слышно невнятное бормотание негромких человеческих голосов, а в ноздри бьёт концентрированный запах навоза.

Подмеченного хватило, чтобы осознать — никакая это не земля. Я нахожусь в повозке, которая куда-то движется. Слева и справа меня окружают мешки, бочки и ящики. Заметно, что их раздвинули, дабы освободить место именно под габариты моего тела. То есть, кто-то проявил заботу.

Это утешает. Но я человек недоверчивый и потому не стал торопиться показывать, что пришёл в себя.

Вместо этого попытался проанализировать своё состояние. Дело в том, что некоторые моменты во сне, из которого я с трудом выкарабкался, нельзя относить к кошмарным. Скорее, к странным, или даже к специфически бытовым, если судить по меркам этого мира.

Сжал левую ладонь. Затем правую. Слушаются. И даже ощущаю, что смогу ими с приличной силой что-нибудь ухватить. Их возможностей, наверное, хватит для удержания полной тарелки с супом, что для меня — немалое достижение.

Стараясь не выдавать себя резкими движениями, проверил остальные части тела. Вроде, всё работает прекрасно, хотя в лежачем положении полностью в этом убедиться невозможно.

Ладно, будем считать, что с суставами и мускулатурой разобрался.

Дальше подошла очередь органов чувств. А вот тут всё одновременно и проще и сложнее. Я разве что по поводу вкуса не уверен, но всё остальное работает прекрасно.

Даже более чем прекрасно. Я никогда не слышал звуки настолько хорошо. Они будто объёмным стали, подсказывая направления на источники и выдавая свои особенности. Зрение — аналогично. Да я в обычной соломе мог насчитать десятки цветовых оттенков, чего раньше и близко не наблюдалось. Пальцы мои стали столь чувствительными, хоть в шулера подавайся, а нос в навозной вони различал некоторые нюансы, по которым я определил, что источником запаха являются несколько лошадей, у одной из которых, возможно, что-то нехорошее с желудочно-кишечным трактом.

— Проклятая Чмарька, опять у неё брюхо раздувает, — подтвердил мои ветеринарные предположения голос одного из возничих.

Почему одного из? Да потому что их несколько, по одному или два на повозку. Это тоже подсказал мой слух, когда я кое-как разобрался в необычном изобилии информации, которую он выдавал.

Ребёнок, тело которого я захватил, был полностью неполноценным. Он едва слышал, слабо видел, а запах навоза не всегда мог ощутить, даже уткнувшись лицом в свежайшую коровью лепёшку. Вкуса у него хватало только на то, чтобы мёд с солью не перепутать, а пальцы на ощупь не способны отличить задницу от лица.

С этим телом определённо что-то произошло. Если раньше я в нём ощущал себя, как ступня сорок пятого размера, втиснутая в детский ботинок, то теперь всё по-другому. Оно сидит на мне, как влитое.

Это больше не тело Гедара — это моё тело.

Необычное ощущение. Приходится заново привыкать к тому, что для обычного человека — норма.

Судорог нет, но осталась боль, угнездившаяся во всех суставах. Но она вполне терпимая и даже чуть приятная. Нет, не в том смысле, что я получаю удовольствие от хлыстов в руках озабоченных дамочек, облачённых в чёрный латекс. Это что-то вроде «мышечной радости» у людей, занимающихся спортом. Тот случай, когда человек изрядно перетренировался, отчего на следующий день ощущает себя не слишком хорошо, но понимает, что это пошло ему на пользу.

Понятие не имею, что со мной происходит, но должен признать, что с телом если не полный порядок, то всё очень хорошо. Так хорошо, как никогда до сих пор не бывало.

Значит, не мешает продолжить изучение своего состояния. Углубиться в то, чему в моём мире нет аналогов.

Проблема в том, что я очень смутно представляю, как это делается. Мать и приводимые ею время от времени умельцы не раз пытались меня научить азам работы с ПОРЯДКОМ. И я даже искренне старался, надеясь, что это позволит мне стать полноценным. Но всё без толку, ни разу ничего не получилось.

Но сейчас во мне что-то поменялось. Кто знает, вдруг это открыло прежде крепко запертые двери. На это намекают отдельные элементы кошмарного сна, из которого с трудом выбрался.

Однако сон — не реальность. Пока не попробуешь — правду не узнаешь.

Проблема в том, что мать и прочие толком не смогли объяснить, что и как следует делать. Это примерно то же самое, как учить человека медитации, при условии, что тот никогда прежде не интересовался духовными практиками и даже более того, считал их жалким шарлатанством.

Да уж. Задачка. Пожалуй, это так же трудно, как объяснить слепому цветовое разнообразие радуги.

Но я старался. Старался изо всех сил. До скрипа мозговых шестерёнок напрягал память, выуживая из неё всё, что доводилось слышать по этой теме. Вроде как, надо впасть в местную разновидность транса. Точный перевод, описывающий это состояние, звучит как «взгляд в себя». Вот и принялся выворачивать глаза по всякому.

Надо сказать, что я этим не первый раз занимаюсь. Уж сколько мне мать пыталась талдычить, да и несколько наставников, приведённых за немалую плату, тоже со мной изрядно намучались. Но никому так и не удалось ввести меня в

это состояние. Складывалось впечатление, что это невозможно. То есть, способность заблокирована или вообще не предусмотрена.

Скорее — второй вариант, ведь зачем пустому смотреть на свою пустоту.

И вот я пытаюсь проделать это снова и снова. Выворачивая глаза в разные стороны, то закрывая их, то широко распахивая.

Без толку.

Ну да, чего ещё ждать от ни на что не годного выродка…

В этом мире лучше появится слепым и глухим, чем пустым. Я лишен главного инструмента взаимодействия с этим миром. Мой случай не поддаётся лечению или хотя бы объяснению, где это лечение следует искать. Я уникален. Да, похожие случаи не так уж и редки, но обделённые ПОРЯДКОМ бедолаги погибают либо при рождении, либо в раннем младенчестве.

Я тоже не должен жить. Но почему-то живу. В этом, конечно, колоссальная заслуга Трейи. Но у нее было не так много возможностей меня поддерживать. В общем, то, что пустое тело дотянуло до двенадцатилетнего возраста — великое чудо.

И не менее великая загадка.

В очередной раз над этой загадкой задумавшись, я, продолжая на автоматизме экспериментировать со своим зрительным аппаратом, столкнулся со странным явлением. Никогда прежде ничего подобного со мной не происходило. Меня как будто отодвинули на метр назад. То есть, вдавили вниз, под днище телеги. В яму, похожую на могильную: узкая, с вертикальными, чуть просвечивающимися стенками. За ними можно разглядеть смутные силуэты каких-то объектов, но что это такое, определить невозможно.

Картинка впереди просматривается лучше, но она сильно размытая и будто туманом затянутая, густым до такой степени, что хоть ножом на куски кромсай.

И в тумане этом висело что-то, более всего похожее на неровный клубок шерсти, с которым вдоволь позабавился игривый кот. Во все стороны торчат разорванные нити и петли, повсюду парят оторванные фрагменты. Они, медленно кружат, будто спутники, по круговым и эллиптически орбитам. Причём во всех направлениях, создавая давящее на глаза напряжение.

Попытавшись вглядеться вглубь клубка, я, наконец, отчётливо осознал, — у меня получилось.

То, что не смогли сделать Трейя и наставники, вышло у меня самостоятельно. И даже более того, я мог это повторить, потому что понял, каким способом это делается.

Да как два пальца…

* * *

Этот мир называется Рок. Единственную гласную букву полагается тянуть, так что, если быть дотошным, следует писать Роок. Но Рок — куда интереснее звучит с точки зрения опыта моей первой жизни.

Правда, я не уверен, что так называется вся планета. Мою главную учительницу — Трейю, я понимал далеко не всегда. А задавать наводящие вопросы, как правило, не мог, дабы не рисковать разрушить имидж умственно неполноценного и полностью пустого создания.

Под маской безнадёжного недоумка очень удобно прятаться человеку, который ничего не забыл и дожидается возможности отомстить. Но при этом надо строжайше следить, чтобы не выдать себя ни в единой мелочи. Особенно это касается слов.

Вот потому по молчаливости приходилось конкурировать с Камаем.

Верования у местного населения интересные. Возможно, во времена Троянской войны и мои предки верили также. В ту эпоху об атеизме не могло быть и речи, боги являлись такой же невидимой, но бесспорной реальностью, как гравитация для моих современников.

Вот только у обитателей Рока богов, как таковых, не было. Точнее, не было их в данный момент. Дело в том, что, создавая мир, божества несколько перестарались. Дабы отодвинуть его подальше от территории неописуемого кошмара, или хаотической серости, на краю которой располагалась моя родина, они растворили себя в процессе созидания.

Это означало, что богов, как бы, нет, но их сила присутствует во всём, в каждой пылинке Рока. В одних местах или объектах её аккумулируется больше, в других меньше, но без неё не обходится нигде. Если я, конечно, правильно понял не очень-то внятные пояснения.

Вот эту неосязаемую субстанцию я и называю ци.

Различные существа (в том числе и разумные), имеют аппарат для управления этой силой. Вот именно в него я сейчас забрался.

И первое, что отметил — это полную непонятность. Как тут? Чего? Что тут вообще делать, и какими терминами это можно назвать? Всё равно, что пользователя калькулятора посадили за компьютер с неудачной программой, в двух словах объяснив её принципы. В общем, оптимизацией здесь не пахнет.

Возможно, у нормальных детей всё это выглядит иначе. Но я взрослый уроженец Земли, запертый в теле, которое от рождения

было лишено намёков на разумность. Возможно, аппарат взаимодействия с ци у выродка также был не в порядке. Не просто так ведь сын Трейи появился на свет пустым. Инструмент для работы с параметрами ПОРЯДКА достался мне по наследству в таком изуродованном виде, что до того, как попасть под выплеск энергии из разрушенного кланового вместилища, я даже не мог к нему подключиться.

Ну вот, вроде бы, подключился. И что дальше? С таким же успехом неандерталец может вытаращиться в картинку загрузки операционной системы на мониторе ноутбука.

В первые минуты я вообще ничего не понимал. А затем методом проб и ошибок установил, что клубком, занимавшим значительную часть поля зрения, можно управлять. Точнее — менять его конфигурацию и расположение, разделять на части, а также волевым усилием вызывать что-то, весьма отдалённо напоминающее поясняющие надписи. Поначалу это были просто туманные образы, но я быстро научился переводить их в буквы и слова.

Всё равно ничего не получалось понять, пока я не пришёл к мысли, что рассматривать это надо не как нечто полностью чужое, а как привычный для меня интерфейс компьютерной программы. Самое оптимальное, что можно приспособить к ситуации — ролевую игрушку. Именно в таких играх к видимым параметрам прилагается надстройка из различных параметров, оказывающих влияние на возможности персонажей и предметов.

Вот тут дело пошло на лад. Не сразу, конечно, но я сумел упорядочить то, что у аборигенов, скорее всего, в подобной настройке вообще не нуждалось.

Ну да я тут один такой выродок. Приходится выкручиваться необычными способами.

Каждый житель Рока рождается со своего рода резервуаром ци. Процесс прохода по родовым путям — его первое испытание. Высшие силы, оставленные растворившимися по миру богами, вознаграждают младенца заполнением этого стартового вместилища.

Вот так аборигены получают первую ступень просветления. Ещё не начали реветь от обиды на то, что их выдернули из уютного и привычного вместилища, а уже добились многого.

Чего я за все двенадцать лет добиться не смог.

Да-да, резервуара ци у меня не было. Такой вот я выродок — полностью неполноценный. Мать и наставники всякими путями пытались определить его наличие, но приходилось признавать, что природа позабыла о нём позаботиться. Что, конечно, очень их удивляло, потому как в мире, где всё пронизано эманациями

богов, трудно представить существование ребёнка, в котором нет ни единой частички первородной силы. Полностью пустой сосуд нежизнеспособен. Такое нередко происходит при кесаревом сечении. Высшие силы считают такой способ рождения слишком простым, потому во многих случаях вместилище заполняется не до верха. Этого недостаточно для получения первой ступени, что означает быструю и неотвратимую гибель.

По мнению одного из наставников, мой сосуд не был заполнен даже частично. Его попросту не существовало. Вот это каким-то образом и позволяло мне влачить жалкое существование. Мать с ним не соглашалась, считая, что вместилище есть, но оно идеально-пустое, без капли первородной сути, и это тоже каким-то образом позволяет мне не умирать. Потому и спустила на меня целое состояние, пытаясь заполнить вручную, переведя меня на первую ступень столь нетипичным для Рока способом.

Состояние это она перевела впустую. Ци в меня уходило, как вода в решето. Куда девалось — непонятно, но толку от этого явно не было.

До этого дня.

Сейчас я видел своё вместилище. Оно, разумеется, нематериальное, или состоит из столь разреженной материи, что этим можно пренебречь. Усилиями воли я мог предавать ему любую форму и чуть поэкспериментировав, выбрал кольцо, разместив его по центру.

Это — главное. Основа моего, так сказать, второго я. Надстройка, без которой обитатели Рока не выживают.

Она у меня заполнена лишь частично. Для моего внутреннего взора это выглядит, как кольцо из дешевого грязного серебра, которое аккуратно распилили, залив прорезь распила чистейшим золотом. Если перекрасить в ярко-жёлтое всю оставшуюся часть, я перейду на первую ступень. То есть добьюсь того, что здешние младенцы получают при рождении.

Через тело моё прошло цунами ци, уничтожив в округе всех, в ком не было крови Кроу. Однако этой силищи хватило всего лишь на незначительную заполненную прорезь в пустоте моего кольца.

И где брать остальное? У меня был всего лишь один абулай, да и тот разлетелся на атомы. Где найти недостающую ци, я пока что не представлял.

А ещё надо признать, что меня обделили не только в этом.

Аборигены, при рождении обычно получают три атрибута из пяти возможных. Если упрощать пафос, коим переполнена эта тема, называть их можно просто: Сила, Ловкость и Выносливость. Полагается писать с большой буквы и произносить уважительным

тоном.

У каждого атрибута есть свои ступени, вехи или уровни. От нуля, когда он вообще ни на что не влияет, до заданного максимума. Для примера возьмём пару молодых людей одинакового возраста. Первый пусть плохо ест и мало занимается физическим трудом. Растёт себе тощим хлюпиком, но при этом у него получается развивать атрибут Сила. Второй наоборот, жрёт за пятерых, пашет, как вол, да ещё и тренируется со штангой в свободное время. Но об атрибутах не заботится.

Допустим, эта парочка решает устроить состязание по подъёму тяжестей. Ну, так вот, — атлет может запросто проиграть дрыщу, потому как тот возьмёт своё за счёт высоко поднятого атрибута. Разумеется, задирать его придётся прилично, дабы компенсировал телесную разницу, но вариант, когда дистрофик без шансов обыгрывает культуриста, в этом мире не выглядит немыслимой фантастикой.

Для большей части населения этих трёх атрибутов вполне достаточно. Не так много видов деятельности здесь существует, которым требуется большее.

Те, у кого проявлены и подняты все три, называются омеги. Если я говорю: омега-три, речь идёт не о пищевой добавке из рыбьего жира, а о человеке, который добрался до третей ступени просветления, не развивая ничего, кроме трёх заработанных при рождении атрибутов.

Итак, с вместилищем ци я кое-как разобрался. Оно у меня нулевое и заполнено еле-еле. Можно сказать — почти пустое.

С атрибутами все похуже. Их нет.

Ни пустых, ни частично приподнятых.

Никаких.

Я никчемен, как по ступеням просветления, так и по атрибутам.

Я тот, кого в этом мире существовать не может.

Я не омега-ноль, я просто ноль-ноль.

Полный ноль…

Глава 7. Добрые люди

Ступени просветления: неизвестно
Атрибуты: нет
Навыки: нет
Состояния: нет

Я всеми способами пытался отыскать то, что должна была заложить в тело Гедара природа этого странного мира. Но тщетно. Ни Ловкости, ни Силы, ни Выносливости — ничего нет. Из меня даже нищий батрак не получится, потому как здесь видимое тело мало что значит. Если я каким-то фантастическим образом натренируюсь, став проворным атлетом, всё равно буду уступать ничтожному омеге-один, или в лучшем случае держаться с ним почти на равных.

Но нет, не будет никакого лучшего случая. Здесь параметры ПОРЯДКА — фундамент, на котором держится абсолютно всё. Если их нет, то и развивать тебе нечего.

Однако в процессе изысканий я обнаружил в себе кое-что интересное. Оказывается, над моим телом не одна надстройка, а две. Первая — основная, с чуточку заполненным кольцом ци. Во второй имеется странно выглядевшее заполненное до второй ступени просветления вместилище и прилично подняты все три атрибута: Выносливость до девяти, Ловкость до шести, Сила до трёх.

Это весьма прилично, ведь на одной ступени просветления стандартный омега может получить лишь шесть очков атрибута. Или слепой случай, или разумный выбор один из них поднимает до тройки, второй до двойки, а третий до единички. И это всё — предел. Хочешь получить иной набор, открывай остальные атрибуты, что очень и очень непросто. Или переходи на следующую ступень, где заново набирай такой же лимит по своей троице.

То есть, моя вторая надстройка даёт мне столько же атрибутов, сколько насчитывается у омеги полного третьего круга. И показывает, что я достиг второй ступени просветления.

Поначалу я понятия не имел, в чём тут дело. Ну не бывает у аборигенов второй, третьей и так далее надстроек. Однако очень быстро осознал, что являюсь тупым болваном.

Ведь всё очевидно.

Осторожно, стараясь не привлечь внимания, протянул руку к груди, забрался в вырез рубахи, нащупал амулет, вытащил, поднёс к лицу, стараясь не вынырнуть в обычное состояние. То есть, посмотрел на него внутренним зрением и попытался

упорядочить тот хаос, который оно мне показало. Пошёл по уже проторенному пути, сводя картинку к голому функционалу компьютерной программы.

Опыт — великая вещь. И пяти минут не прошло, как я выстроил всю информацию в сухую иконку, в которой не было ничего лишнего.

Чёрный коготь на шнурке. Амулет. Вместилище ци, впитавшее в себя частицу великой мощи клана Кроу.

Действующие эффекты:

Неизвестный заклинатель

Условная ступень просветления +2

Выносливость +9 (осталось 56 дней)

Ловкость +6 (осталось 56 дней)

Сила +3 (осталось 56 дней)

Просветлённая Трейя из клана Кроу

Невидимость (осталось 44 дня)

Побывав в мощном потоке первородной силы, вы сроднились с этим предметом

Не сказать, что я всё понял до последней строки. Вопросов столько, что их не сосчитать.

То, что амулет, пока его носишь, даёт прибавку к атрибутам, я знал. Собственно, считалось, что именно он позволил дотянуть Гедару до тринадцати лет там, где другие пустые умирали, едва выбравшись из утробы матери, или промучавшись несколько дней.

Но дело в том, что Гедару это тело принадлежало лишь в первый год, а двенадцать последующих его занимал другой хозяин. И все эти годы я не мух на потолке считал, а изучал мир, в который попал не по своей воле. Что-то понимал, что-то не очень, что-то не понимал вообще, но запоминал на будущее, когда возросший багаж знаний позволит разобраться с непонятностями.

Мой амулет всегда добавлял шесть очков атрибутов. Причём атрибутов неполноценных. Три Выносливости, две Ловкости и единичка Силы выводили меня на уровень полной омеги с первой ступенью. Но если дети, добравшиеся до этой стадии, вели себя как нормальные дети, то есть бегали, прыгали, проказничали и прочее, я едва ноги переставлял. Большую часть времени лежал, или сидел в низком кресле. Прогулка в двадцать шагов для меня почти рекордное достижение, занимавшее не менее минуты. К тому же меня приходилось подстраховывать, потому как даже падение на ровном месте способно травмировать до смерти.

Такая вот я хлипкая особа с бракованными параметрами. Да и не мои, а принадлежат перезаряжаемому амулету, к которому я

не успевал приспособиться за непродолжительные периоды его активности.

Теперь атрибутов не шесть, а восемнадцать. Даже если они такие же неполноценные, это даёт мне втрое больше возможностей. Что это означает, пока непонятно. Я не ощущаю в себе великого прилива сил, а ощущаю лишь боль в каждой косточке, мышце и суставе.

И если вдуматься, это состояние мне знакомо. Такое бывало не раз. Далеко не в столь острой форме, но да, сталкивался регулярно.

Это случалось, когда Камай задерживался на день-два в своих отлучках. Причины промедления случались разные, но с одинаковым результатом, — я испытывал негативные ощущения, когда вновь получал силу амулета.

Тут ведь всё просто. Камай именно ради него и катался. Он оставлял меня лежать пластом, после того как снимал амулет. Дальше воин с максимальной скоростью направлялся на юг, к ближайшему мастеру зачаровывания, оказывающему услугу подзарядки. Увы, но коготь не относится к легендарным артефактам, потому прибавка атрибутов не вечная. Волшебные предметы, способные проработать хотя бы год, стоят столько, что даже серьёзный клан не всегда может позволить себе такие траты. А уж нищие Кроу, от которых практически ничего не осталось, о таких и думать не смеют.

Даже мой амулет далеко превосходит их финансовые возможности. Никто не знает, чего стоило моей матери сохранить такую сильную вещь. Она выжимала из жалкой кучки шудр всё возможное и продавала последние крохи кланового имущества. Отказывала себе во всём, всё дальше и дальше вгоняя себя в нищету.

Камай заряжал коготь почти на месяц. На большее амулет не способен.

Но если верить статусу зачаровывания, оно спадёт через пятьдесят шесть дней. То есть, грубо говоря, продержит эффект в два раза дольше положенного.

Как это понимать? Да так же, как и грандиозную прибавку к параметрам. Проще всего в этом обвинить силу, вырвавшуюся из абулая. Это была сила Кроу, в моём теле течёт их кровь, а на груди висит амулет, который клановая ци почему-то тоже сочла моим.

Высвободившаяся мощь каким-то образом изменила и коготь, и меня. Во мне открылся источник ци, и стал работать внутренний взор, а чёрный коготь заработал эффективнее.

Вот за последнее мне и приходится расплачиваться болью.

Немощное тело даже после кратких отлучек Камая испытывало неудобство под давлением появившихся атрибутов. Это всё равно, что за одну минуту натренироваться так, как атлет за месяц тренируется. Ощущения такие, что врагу не пожелаешь.

А сейчас атрибутов стало втрое больше. Это значит, что в три раза увеличилась нагрузка. Это уже не месяц тренировок за минуту, тут уже годом попахивает. Ведь цифры в параметрах — это не просто цифры. Это их привязка к состоянию владельца. То есть, они стараются подтягивать мои видимые всем физические данные на соответствующий уровень. Делают это торопливо и безжалостно.

Откуда взялась условная ступень просветления? Раньше её не было. Да ещё и не одна, а две. Ладно, будем считать, что оттуда же.

Ибо других версий нет.

Но что за невидимость? Да ещё и на сорок четыре дня? И в этом каким-то образом замешана Трейя, а не заклинатель, обозначенный как «неизвестный».

Несмотря на всю необычность ситуации и боль, мешающую размышлять и действовать, я догадался вытянуть ещё один предмет, висевший на шее.

Мешочек из хирсского шёлка, украшенный зачарованным гербом клана Кроу. Крохотное вместилище ци, впитавшее в себя частичку мощи клана Кроу. Мешает посторонним замечать предметы, хранимые внутри. Мешает посторонним себя обнаруживать.

Просветлённая Трейя из клана Кроу

Невидимость (осталось 26 дней)

Вы сроднились с этим предметом

Мешочек тоже непростой. Не до такой степени, как чёрный коготь, но без сюрпризов тоже не обошлось.

И один из них предсказуемо-ожидаемый: невидимость, связанная с именем моей матери.

То есть, с матерью этот выродка, чьё тело я занял, сам того не желая.

Она, перед тем, как умереть, отчаянно хваталась и за мешочек, и за талисман. Не просто так, а нанося на них этот эффект. Вероятно, Трейя умела зачаровывать вещи, но не так сильно и не с теми эффектами, как ей хотелось бы. Потому и приходилось пользоваться услугами постороннего специалиста, на что уходила значительная часть бюджета семьи.

Но что за невидимость такая? Я ведь прекрасно вижу и амулет, и мешочек.

Догадавшись полезть за кошельком, не обнаружил его на месте. Во всех прочих местах его тоже не было. То есть, он или

потерялся, или…

Кошелёк мать не трогала. То есть, на нём вряд ли появилось упоминание о невидимости. Если предположить, что невидимыми предметы стали для всех, кроме меня, напрашивается разумный вывод.

Скорее всего, кошелёк у меня кто-то забрал. Я ведь неизвестно сколько времени пребывал в бессознательном состоянии. За это время могли обыскать и отобрать всё ценное.

А вот чёрный клык и мешочек с весьма ценным содержимым остались.

Похоже, невидимость работает. Возможно, воры даже нащупать зачарованные предметы не смогли.

И пора, пожалуй, начинать разбираться, куда же я угодил.

* * *

Удивительно, но поднялся почти без труда. Да, тело болело так, будто его пару раз через мясорубку прокрутили, и физические усилия значительно усугубили негативные ощущения. Однако руки и ноги слушались, и силы в них хватило самостоятельно сделать то, для чего мне, как правило, требовалась помощь.

Приняв сидячее положение, я с интересом осмотрелся. Глаза слегка слезились, смазывая картинку. Видимо это из-за того, что слишком долго вглядывался в себя, а они к этому не привыкли. Однако неудобство невеликое, оно не помешало рассмотреть обстановку.

Как и предполагалось, я находился в повозке. Стандартная крестьянская подвода — грубое дощатое корыто на двух скрипучих колёсных парах. Движителем является единственная лошадь тягловой породы, а управляет ею возница — тощий невысокий мужичонка средних лет в простецкой домотканой одёжке. На ногах лапти из лыка и пеньки — самая дешёвая обувка, выдававшая беднейшего крестьянина.

Рядом с возницей сидел ещё один мужчина. Этот помоложе, повыше и покрепче. Голова прикрыта примитивным шлемом из пожелтевших костяных пластин, на манер рыбьей чешуи нашитых на кожаную основу. Позади закреплёно причудливое подобие косы из конского волоса, свисающее почти до копчика. Эта простенькая штуковина весьма эффективно может защищать от рубящих ударов, если подставить противнику спину. Против врага, способного рассечь тебя по талии начисто, — не спасёт, но от всех прочих, — пригодится. Стёганая куртка выглядит

несолидно, но тоже может выручить в драке с не самым серьёзным противником. Сапоги короткие, больше на ботинки смахивают, боевыми не выглядят. Но, судя по облачению и топору на поясе, это именно воин. Не из армии приличного феодала, скорее — купеческая охрана, или мелкий наёмник, продающийся не в одиночку, а с целой ватагой таких же мало на что пригодных бойцов.

Справа разглядел древко копья. Обычная охотничья рогатина, даже перекладина имеется. Металл стоит дорого, потому кузнец сэкономил на наконечнике, совсем уж куцым получился. Слева, уже со стороны возницы, из соломы выглядывает рукоять небрежно выструганной дубины.

Телега двигалась по разбитой узкой грунтовке в составе колонны похожих подвод. Спереди и сзади я насчитал одиннадцать, наша — двенадцатая. Почти на всех такие же парочки: возница и скверно экипированный воин.

В голове ехал одинокий всадник. Вот этот выглядел серьёзным бойцом. Полный доспех из кожи и металла, вверх вздымается длинная пика с наконечником, на котором кузнец экономить не стал. Из плоской сумки, притороченной слева от седла, выглядывает лук из кости и дерева, и там же белеют оперения пучка стрел, торчащих из открытого колчана. Другого оружия с моей позиции не разглядеть, но нет сомнений, что оно имеется. Топор, боевой молот, палица или даже меч, — что-то такое обязано быть.

В задней части колонны между повозками плелись люди. Дети всех возрастов, женщины, старики. Всего около трёх десятков человек, среди которых разглядел лишь пару мужчин относительно молодого возраста. На вид — типичные крестьяне. Места в телегах для них не нашлось, ведь те сильно перегружены мешками, ящиками и бочками. Но скорость небольшая, пешеходы вполне успевают, не ускоряя шаг.

Дорога выглядела так, будто пользовались ею нечасто. В глубоких колеях местами стояли лужи, успевшие затянуться ряской. Из-под колёс там часто выпрыгивали мелкие лягушки. Посредине почти сплошной полосой вымахала трава, которую давненько не топтали лошадиные копыта. С обеих сторон подступали кусты, притираясь к бортам повозок.

А дальше, за непролазными зарослями, вздымались высокие деревья. Что-то вроде дубов: массивные стволы с раскидистыми кронами. Листва крупная, незнакомая. Напоминает каштановую, но это явно не они.

Лес, да ещё столь дремучий — это нехорошо. В окрестностях усадьбы ничего подобного не было и быть не могло. Крестьяне без

понуканий феодалов держали растительность в рамках, не позволяя возникать чащобам, в которых могло завестись что-то нехорошее.

Север — это не юг, здесь лес — это головная боль для тех, кому приходится обитать поблизости от него.

Нет, это явно не рощи, за которыми приглядывают шудры и свободные поселенцы. Это та самая чащоба, которую следует опасаться.

Куда же меня занесло? И кто все эти люди?

Возница, оглянувшись, сплюнул смоляную жвачку, едва не угодив тёмным комком мне в лоб. Усмехнувшись, продемонстрировал рот, в котором не хватало зубов, и гнусавым голосом произнёс:

— Ну и горазд же ты валяться, малец.

— И долго валялся? — я счёл важным это уточнить.

— Вчера тебя нашли, недалече от обочины. Утром это было. Получается, больше дня прошло. Всё валялся и валялся, да сопли пускал. Чего это с тобой стряслось такое? Болезный?

— Да так… головой стукнулся. А где мы?

— В заднице мы, разве не видишь, — совсем уж радостно заявил возница, а воин при этом, не оборачиваясь, хохотнул.

— Это что, левый берег Красноводки? — уточнил я, прикинув, что за день до столь серьёзного леса можно добраться, только если переправиться через реку.

— Пока что правый, но будет тебе и левый, если так сильно хочется, — буркнул воин, впервые решив высказаться.

Получается, местную географию я представляю хуже, чем думал. Ну, если это правобережье, можно слегка расслабиться. Пусть здесь, у воды, встречаются серьёзные лесные массивы, обстановка в них куда спокойнее, чем на другой стороне.

Поразмыслив над всем, что услышал, осторожно осведомился о важном моменте:

— У меня был кошелёк с монетами. Где он?

— А тебе зачем такое знать? — насмешливо спросил возница. — Хочешь пешком идти, или в телеге ехать?

— Я сейчас идти не смогу.

— Вот и помалкивай. Не переживай за своим монеты, у добрых людей они.

— Что за добрые люди? — не унимался я.

— Видишь меня и Рисера? — спросил возница, указывая локтем на воина.

— Вижу.

— Вот мы с ним и есть добрые люди. А будешь много болтать, станем злыми.

На этих словах воин с громким звуком испортил воздух, после чего оба захохотали так, будто ничего смешнее в их жизни никогда не случалось.

Возможно, так оно и есть. Бывалыми людьми они не выглядят. Однако я так и не понял, кто они и куда отправляются. Значит, тему с кошельком придётся пока что замять.

Информация для меня сейчас куда важнее денег.

Глава 8. Переправа

Ступени просветления: неизвестно
Атрибуты: нет
Навыки: нет
Состояния: нет

Несмотря на то и дело изрекаемые угрозы заставить идти меня пешком, или даже отдать на растерзание гоблинам, ни Рисер, ни возница, которого звали Крол, не оставляли моё любопытство без пищи. Главное, не нарываться с неприятными вопросами и не сильно напрягать расспросами. Им обоим ехать скучно, ведь ничего не случается. Лошадь, фактическим сама идёт, можно не управлять, пока колонна на марше, так почему бы и не сказать словечко-другое хилому мальчишке.

И правда добрые люди.

Не прошло и часа, как я узнал многое, но не сказать, что понял всё. Оба моих собеседника — вольные люди. То есть, не вассалы клана и не шудры. Они принадлежали к так называемому свободному народу севера. Исконного населения в этих краях почти не было, все пришлые. Бунтари, бежавшие от своих феодалов, слуги, потерявшие господ в междоусобице, беглые преступники и прочий сомнительный люд. Оседая на правобережье Красноводки, они из поколения в поколение остепенялись, но от вольнолюбивого духа не избавились. Потому попытки аристократов закрепиться на этих территориях, как правило, заканчивались безуспешно. Плюс император их экспансию в этом направлении одобрял. Возможно, его устраивало то, что с этой стороны государство прикрывают не вечно грызущиеся благородные, а те, в ком нет голубой крови, но зато они живут дружно и так же дружно держат рубежи.

Жили, конечно, бедновато. Чересчур скудная земля. Подозреваю, что именно это — главная причина того, что аристократы до сих пор не наложили лапу на все правобережье Красноводки. Простому люду прокормиться здесь трудно, вот и выкручивались разнообразными приработками.

Рисера, Крола и прочих наняла мелкая купеческая гильдия. Хотя в том, что он мелкая, я не уверен, потому как судил исключительно по тому, что впервые о ней услышал. Называлась она «Три топора» и уж такое я бы ни за что не забыл, потому как напоминало о студенческой молодости. Мне с друзьями неоднократно приходилось употреблять портвейн «777», который задолго до нас какой-то выдумщик-весельчак окрестил таким же словосочетанием.

Наёмники, правда, лишь раз произнесли оба слова. Между собой они выражались куда проще — Тройка. Эта гильдия держала факторию на левобережье Красноводки. Опасные места, но сулящие немалую прибыль тем, кто сумеет на них хорошо устроиться.

Похоже, купцы устроились неплохо. Фактория существовала уже не первый год и приносила прибыль. Об этом я догадался исходя из того, что её продолжают снабжать. Будь предприятие убыточным, давно бы паутиной поросло, как случалось с большинством начинаний тех, кто совались в Лихолесье с целью получения выгоды.

Те же подданные моей матушки промышляли этим изредка и короткими наскоками. Да и то регулярно огребали. Дошло до того, что Камай при мне высказывал Трейе о невозможности продолжать такие занятия.

Подвода, по моим прикидкам, вмещала приблизительно семьсот килограмм груза. Ширококостная крестьянская лошадь тащила её даже по самой некачественной дороге, а других в Лихолесье и на подступах к нему просто быть не может. В обозе двенадцать повозок, в сумме получается около девяти тонн. Пусть я и жил в этом мире на особом положении, но доводилось повидать всякое. Потому без труда определил, что в основном везут продовольствие — это около двух третьих от всего объёма. Далее какие-то стеклянные или керамические изделия, инструменты, одежда, лекарства и, конечно же, — самые дешёвые специи. Краеугольный камень местной системы питания. Это не какие-нибудь банальные перец и гвоздика, это то, при помощи чего простая еда превращалась в ресурс, при помощи которых аборигены Рока развивали то, что можно наблюдать, всматриваясь в себя.

ПОРЯДОК, развивая свои структуры, вынужден при этом изменять и физические тела. И этот процесс мог происходить по-разному: или качественно, или нет. В первом случае можно было добиваться максимальных показателей прогресса. Но для этого необходимо регулярно потреблять разнообразные специи, что по карману лишь аристократам. Всем прочим оставались бюджетные варианты. Этого достаточно, чтобы заполнять атрибуты на приличные величины.

Итого — приблизительно шесть тонн продовольствия. С учётом того, что таких обозов в год высылается несколько, а часть потребностей фактория закрывает за счёт местных ресурсов, там должно насчитываться немало людей. Наверное, сотни две, может три или больше. И в основном — трудоспособные мужчины, вербующиеся минимум на год-два ради приличного заработка.

Солидное предприятие. Это куда серьёзнее, чем всё хозяйство клана Кроу на закате его существования.

Впрочем, про закат древнего рода говорить рановато. При всех моих странностях и недостатках, формально — я один из Кроу. Если верить Трейе — последний представитель. Следовательно, клан всё еще не вымер.

Вот только объявлять об этом во всеуслышание — всё равно, что орать в лисью нору, будучи кроликом. Убийцы пришли за нами не потому, что у них возник спонтанный порыв вырезать остатки рода. Нас заказал господин Рсай. Я понятия не имею, кто это такой, но он почему-то захотел извести Кроу под корень. Пока я жив, мне грозит опасность снова столкнуться с чёрной братией.

И Рсая, и Пенса и всю чёрную братию я занёс в чёрный список. Но, надо признать, что сами по себе они от этого деяния не пострадают. Следовательно, я рискую с ними повстречаться в любой момент. С предсказуемым результатом… А мне хочется жить. Не представляю, как я выкручусь из ситуации, при которой нормально существовать смогу меньше пары месяцев, но опускать руки не собираюсь.

Я по натуре боец. Драться надо до последнего. Значит, буду наблюдать и анализировать. Что-нибудь, да придумаю.

Надеюсь.

Пока что главный вопрос по происходящему очевиден: зачем эти люди меня подобрали, а теперь везут с собой? Я строю на этот счёт разнообразные предположения, и пока что ни одного вдохновляющего среди них нет.

Может они и называют себя добрыми, но, судя по тому, как обращаются с шагающими пешком обозными, добротой здесь и не пахнет. Да и деньги мои нагло увели с таким видом, будто так и надо.

Похоже, я вляпался во что-то нехорошее.

Впрочем, раз своими ногами идти не в состоянии, выбора у меня нет. Куда надо, туда и везут.

И что хотят, то и сделают…

* * *

До сих пор о Красноводке мне лишь слышать доводилось. Видеть её никак не мог, никто бы и близко меня к ней не подвёз. А самому идти к такой реке — дурная затея. Да и чересчур долгая для того, кто через десяток шагов может свалиться от приступа телесной немощи.

Ничего хорошего про неё не рассказывали. Она —

естественный рубеж между относительно освоенным севером, и севером диковатым, или даже абсолютно диким. Чем дальше за неё забираешься, тем, как правило, мрачнее обстановка. А где-то там, в Подгорье, до которого не всякий воин двадцать первого круга сможет дойти, начинаются совсем уж нехорошие места. Своего рода — преддверие ада, где даже ПОРЯДОК — нечастый гость, потому как это — территория Хаоса.

Да, за ними не ад, а прорывы, через которые в Рок приходят хаоситы. Так я мысленно называю те силы, в мирах у которых свои системы порядка, в чём-то схожие с местными, а в чём-то отличные.

До прихода Хаоса магии в Роке не было. Точнее, она была, но не было инструментов для работы с ней.

Они принесли.

И, увы, принесли не только магию, а и куда более неприятные новшества. С тех пор края, слишком близко оказавшиеся к местам прорывов, остаются заброшенными и крайне негостеприимными.

Ну нам-то ехать не столь далеко. Факторию не станут основывать там, где она и года не протянет. Судя по словам Рисера и Крола, до неё осталось два дня пути. Если предположить, что обоз дальше будет следовать строго на север с той же неспешностью, это менее сотни километров. Скорее даже пятидесяти не наберётся. Но тут я не уверен, потому как точной математики у меня нет.

Красноводка при первом знакомстве сильно разочаровала. Зловещий рубеж выглядел, как обычная равнинная река. В ширину около пары сотен метров, вода мутная, течение неспешное. Берега поросли камышом; его стены окружают заросшие ряской заводи; на мели лежат принесённые сверху коряги, украшенные засохшими водорослями; меж ними задумчиво вышагивают белоснежные цапли.

Противоположный берег — это уже то самое Лихолесье, которым детей пугают. Да и взрослых тоже. Однако ничего страшного там не вижу. Пологий песчаный склон, по верху которого тянутся заросли кустарников и невысоких лиственных деревцев. За ним возвышаются высоченные сосны, растущие не слишком густо. То есть, лес там светлый, а не мрачный. И сырости, которая царит по эту сторону реки, не должно быть. Местность ведь явно повыше, а не плоская болотина, как здесь.

Но приготовления обозных показывали, что к переправе они относятся серьёзно. Даже крестьян, согнанных на факторию за долги и прочие мелочные прегрешения, вооружили сучковатыми дубинами, специально для этого перевозимыми в последней телеге. И предупредили, что дальше их нельзя будет выпускать из

рук.

Сомнительные вояки получатся из простых женщин, подростков и стариков. Да ещё с таким неказистым оружием. Но всё же лучше, чем без ничего.

Мне дубину не выделили. Не посчитали нужным вооружать подростка, который едва на ногах держится. Меня сейчас хватало на то, чтобы сделать десяток-другой неуверенных шагов, после чего приходилось за что-нибудь хвататься, пережидая приступ головокружения. Если продолжать передвигаться дальше, они накатывали всё чаще и чаще.

Это меня напрягало. Ведь если снова в беду попаду, даже убежать не получится. Тот прилив сил, который накрыл меня вместе с волной ци, остался в прошлом. Тело жестоко страдает от боли, приспосабливаясь к изменившимся атрибутам амулета. Далеко мне при таких делах не уйти, и я не представляю, как долго буду пребывать в столь плачевном состоянии.

Вроде как, быстро на поправку иду, но вроде и нет. Не понять…

Моста, конечно же, не было. Здешние края не настолько цивилизованные, чтобы реализовывать серьёзные инженерные проекты. Грунтовка выходила к песчаному броду, из-за чего колёса тяжело гружёных повозок начали вязнуть. Мне пришлось спешиться и с трудом шагать за телегой, пока другие её выталкивали.

Не удержавшись, спросил:

— А подводы разве не утонут? Там ведь и на дне, похоже, такой же песок.

— Дурной ты, — лениво отозвался Крол. — Вязнут в сухом песке, а по мокрому и ходить в радость, и ездить.

И правда дурной. Давненько песок не видел, вот и забыл о такой особенности.

Да уж, совсем отвык от реальной жизни. Двенадцать лет ничего не видел, кроме усадьбы. Надо срочно восстанавливать утраченные навыки и знания. Времени в моём распоряжении немного, а задача поставлена сложная. Недотёпе с ней не справиться.

Телеги по мелководью и правда пошли лучше, чем по лишённому травы пляжу. Но меня это не обрадовало, потому как шагал я и так еле-еле, а тут и вовсе почти повис, хватаясь за борт повозки слабыми руками. Того и гляди, не доберусь до другого берега, свалюсь в воду. И хорошо, если вытащат, а не махнут рукой, бросив никчемного доходягу на произвол судьбы.

Не знаю, что задумали эти люди, но они сейчас — моя единственная поддержка. В одиночку я ни на что не способен.

Значит, придётся выдавить из себя всю силу, до капли, дабы не остаться в одиночестве.

Я был всецело поглощён тем, что старался не упасть. И потому начало события пропустил. Даже не сразу понял, что происходит нечто нехорошее. За спиной закричали так, будто кого-то режут тупым ножом. А я как цеплялся за телегу, там и продолжал цепляться.

— Ходу! — заорал Рисер чуть ли не мне в лицо.

Понятно, что кричал воин не мне, а Кролу, но подействовало именно на меня. Только по его нервному взгляду я понял, что где-то позади происходит что-то плохое. А затем и уши донесли усиливающиеся крики боли и ярости. Ну и не обошлось без отборной ругани возниц, торопливо нахлёстывающих лошадей.

Вода начала уходить. Если до этого я иногда чуть ли не по шею в ней пробирался, то теперь и до пояса не доставала. Ещё десяток шагов, и вот она едва ступни омывает.

Послышался хищный свист, напомнивший о тренировках Камая с луком. Рисер издал неописуемый звук, что-то среднее, между рёвом и болезненным выкриком. Слепо шаря руками, он шагнул за телегу, неловко заваливаясь на колени.

Увидев его лицо, я опешил. Из глаза наёмника выглядывало тонкое древко. Стрела с серым оперением вошла ему чуть выше запястья, пробив предплечье насквозь, выбралась возле локтя, и наполовину ослепив, остановилась. Рука у покалеченного оказалась скреплена с головой. Выглядело это дико и страшно.

Насколько я понимаю в медицине, после такого ранения можно выжить. Однако речь идёт о земной медицине с современными лекарствами и хорошими хирургами. С местной я знаком может и хорошо, но слишком однобоко. И вообще, сейчас не до врачебной помощи, сейчас происходит именно то, из-за чего с обозом едут наёмники.

На нас напали. И меня могут подстрелить люди, которых я даже не вижу. Или нелюди.

Слишком уж банальная смерть для столь невероятной биографии. Да и жить очень хочется. Потому торопливо присев рядом со стонущим Рисером, я втиснулся под остановившуюся телегу, затылком упёршись в колёсную ось. При этом хорошо разглядел то, что происходит в хвосте колонны.

Там тоже всё было непросто. Не знаю, долетали туда стрелы, или нет, зато видел, что у тамошних обозников свои проблемы. Вода местами кипела, из неё то и дело показывалось что-то непонятное. Вроде рыбные хвосты, а вроде и нет. Разве бывают рыбы с бронированной спиной, оснащённой парой узких чёрных плавников? Или как вообще называть то, что я там вижу? Эти

неведомые создания с разных сторон атаковали людей, остававшихся в самой глубокой части брода.

Оступилась мать с маленьким ребёнком на руках. Зарылась в реку с головой, но тут же вскочила, истошно визжа. Теперь её руки пусты, младенец остался где-то в воде.

Подскочивший старик начал лупить дубиной по этому месту. Я не верил, что он пытается добить несчастного ребёнка, дело явно в другом. Вот из воды на миг взметнулось что-то тёмное.

И снова крик. Надрывный крик немолодого человека. Старик размахивает окровавленной рукой, дубины в ней больше нет.

Я опасливо покосился вниз. Воды здесь всего ничего, и десяти сантиметров глубины не наберётся. Но сидеть в ней страшновато.

Где-то в голове колонны послышались яростные вопли и звон металла. Похоже, там сцепились врукопашную. Мне трудно смириться с мыслью, что кто-то устроил бой на топорах с рыбами. Да и стрельба из лука — это тоже как-то слишком для речных обитателей. Там явно другой противник.

Извернувшись, бросил туда взгляд. Но обзор из-под телеги скверный, сумел разглядеть лишь нижнюю половину всадника, да на миг мелькнул окровавленный наконечник его пики, когда та падала на урезе воды.

А затем по песку покатилось что-то круглое. Мои глаза, не привычные к таким зрелищам, не сразу опознали, что это отрубленная человеческая голова. И принадлежала она не единственному нашему конному воину, потому как тот не рыжий, да и шлем никогда не снимал.

— На берег! Бегом на берег! Все телеги на берег! — на разные голоса начали выкрикивать одно и то же.

Стрелы больше не свистят, а схватка продолжается только в хвосте колонны. Но там работают явно не люди, а что-то вроде гигантских панцирных щук. Метра полтора-два в этих рыбинах. А может и не в рыбинах, ведь детали я рассмотреть так и не сумел.

Моя телега стронулась с места. Я, до последнего просидел, опираясь о колёсную ось и потому едва не завалился. Извернувшись, поспешил за повозкой — единственным укрытием от обстрела. И даже сумел удивиться тому, что действую удивительно проворно для человека, который пару минут назад едва ноги переставлял.

Да уж — стресс животворящий.

Покосился на труп, лежащий на урезе воды. Возница с телеги, которая ехала перед нашей. Стрела попала ему точно в глаз, но, в отличие от случая с Рисером, вошла под прямым углом, насквозь пронзив мозг. После такого выжить невозможно.

То, что среди нападавших есть один или более столь метких

стрелков, заставило меня ещё сильнее пригнуться, не оставляя лучникам ни шанса. Да они меня даже не увидят за телегой.

Главное от неё не отстать, главное не отстать… Прилив сил, так внезапно нахлынувший, может так же быстро меня покинуть. И тогда я останусь без защиты.

Мне, с моей нулевой степенью просветления, любая царапина грозит нешуточными проблемами. Значит, так и буду оставаться деталью телеги, покуда всё не успокоится.

Обернулся назад, бросив быстрый взгляд. Все телеги, кроме одной, почему-то перекошенной и глубоко зарывшейся в воду, торопливо направлялись к берегу. Люди, выталкивая повозки, непрерывно колотили дубинами, топорами и копьями, но непохоже, что по кому-то попадали. И бронированные темные тела перестали показываться на поверхности рядом с колонной. Чуть ниже по течению бурлили два котла, из которых то и дело вздымались хвосты. Похоже на то, что там, на дне, есть что-то, что привлекает неведомых тварей куда больше, чем удаляющийся обоз.

Приглядевшись, разглядел, что вода в тех местах стала мутной. Да и цвет, вроде бы, слегка поменяла.

Так вот она какая — Красноводка…

Глава 9. Сюрпризы медицины

Ступени просветления: неизвестно
Атрибуты: нет
Навыки: нет
Состояния: нет

Обоз дёшево отделался. Я-то был уверен, что мы болтаемся на волоске, что вот-вот, и всем достанется по стреле в глаз, после чего скормят хищным рыбам. Но всё оказалось не настолько страшно.

Нападающие каким-то образом приманили к броду матёрых кайт — тех самых крупных рыбин, о которых я раньше только слышал. И надо сказать, хорошее говорили только про их вкусовые качества. В остальном эти создания крайне неприятные. Даже мелкая гадина, пойманная на крючок, требует осторожного обращения. Иначе извернётся и цапнет зубастой пастью, с лёгкостью сорвав с пальца мясо до самой кости. Кайта покрупнее справится и с костью. Матёрая и руку способна отхватить, если нарвёшься на такое создание. Но это надо быть совсем уж безнадёжным неудачником.

Да-да, в Красноводке монстры, вымахивающие до двух и даже более метров в длину, встречались нечасто. Об этом мне не раз доводилось слышать от людей, чьим словам можно доверять. И, вроде как, держались такие бестии в самых глубоких омутах, нечасто оттуда выбираясь. То, что целая стая оказалась на мелководье — ненормально. А то, что это именно стая — ненормально вдвойне, потому как кайты — одиночки. Даже парочка таких рыбин, действующая сообща, — редкое явление.

Кто-то каким-то образом собрал у брода десятка полтора этих бронированных подобий акул, и направил на обоз в нужный момент. Люди на передних телегах под раздачу не попали, но, разумеется, обернулись, дабы посмотреть на источник шума. В этот момент последовало нападение: несколько бандитов выскочили из зарослей, вступив в рукопашную с возничим и воином из первой телеги. Ещё один на открытое место не вышел. Он занял позицию на склоне, откуда выпускал стрелы с дивной меткостью. Убил двоих, поразив каждого точно в глаз, и ранил Рисера таким же образом, пока его сообщники добивали своих противников.

Неизвестно, чем бы всё обернулось, не будь с нами Атами — конного бойца. Меткий лучник не смог его поразить, хотя пытался не раз. А сам всадник убил двоих и ещё нескольких загнал в заросли, откуда они показываться больше не стали,

быстро удалившись вместе со стрелком.

Обозники, вытащив на берег одиннадцать телег, принялись подсчитывать потери и зализывать раны.

Двоих убил лучник, ещё двое пали от топоров, дубин и копий. Кайты разорвали двоих маленьких детей и одного грудного младенца, оттащив их в сторонку, и покалечили несколько взрослых. Сильно пострадавшая женщина истекла кровью, почти добравшись до берега. Старик, которого ни разу не укусили, пережил её ненадолго. Уже на суше схватился за грудь, присел, да так и завалился на бок. Похоже — не выдержало сердце.

Раны от зубов кайтов выглядели скверно. Эти твари и правда походили на акул, потому что выдирали здоровенные куски плоти. Чтобы унять кровотечения, в ход было пущено неимоверное количество разнообразного тряпья, которое не всегда подходило для таких целей. Увы, но бинты в этом мире или неизвестны, или здесь их применяют нечасто.

Я, как немощный слабак, участия в этой суете не принимал. Так и сидел за телегой, стараясь лишний раз из-за неё не высовываться. Хоть наверху выставили пост, доверия к зарослям у меня нет. До сих пор в ушах стоит шум от стрел, которыми лучник, засевший в кустах, вышибал людям глаза до тех пор, пока им не занялся Атами.

Обернувшись на близкий стон, я увидел Рисера, неловко присаживающегося рядом. Он держался за угол телеги, медленно сгибая ноги. Каждое движение давалось раненому нелегко, ведь чертовски трудно держать на весу пронзённую руку, не меняя её положение относительно тела. Чуть сдвинул, и это отзывается и в предплечье, и в глазнице.

Крол дождался, когда воин сядет, после чего неуверенно заявил:

— Я сейчас дерну, и стрела выйдет из головы. А потом уже перепилю древко и из руки вытащу. Ты это… ты держись…

— Дай хоть браги хлебнуть, живодёр! — простонал воин.

— Так ты же уже хлебнул, — растерянно пробормотал Крол. — Нету у меня больше браги, последняя оставалась.

— Мы вино везём, могли бы и открыть бочонок для такого дела, — вновь простонал Рисер и решительно заявил: — Давай! Вытаскивай!

— Стой! — чуть не закричал я, хотя секунду назад даже не думал открывать рот.

Крол, уже было ухватившись за хвост стрелы, повернул голову и злобно рявкнул:

— Чего тебе?!

Я поднял руку, показав обломок стрелы, найденный на песке. Видимо одна из тех, которые лучник без толку выпускал в Атами.

Тщательно подбирая слова, я пояснил:

— Видишь наконечник? Он не приклеен, он просто на древко посажен. И сидит на дереве некрепко. Стрела почти пробила висок. Вон, шишка на нём вылезла, подпирает здесь изнутри. Значит, она хорошо засела, среди костей. Если ты потащишь её назад, наконечник останется в голове. А это смерть.

— Мальчишка дело говорит, — обречённо протянул Рисер. — С железкой в голове я не жилец.

— В фактории целитель есть, он всё сделает, — неуверенно протянул Крол.

— Это зачарованная стрела. Она что-то со мной делает. Я это чувствую. Это гибельная магия, она жизнь из меня сосёт.

— Но целитель… — начал повторять возничий.

— Да заткнись ты! — взорвался Рисер, тут же простонав из-за вспышки боли, последовавшей за резким напряжением речевого аппарата. — Сказал же, она из меня жизнь высасывает. Так и будет сосать, если наконечник во мне останется. Даже если не помру до фактории, что с того? У них там вообще нет целителя, потому и лечатся зельями. А зелья стоял дорого. За них столько содрать могут, сколько я за год не вижу. Это ведь железо магическое в голове, это тебе не ржавый гвоздь в заду. А мне ведь деваться мне некуда. Домой, к родному целителю, я попаду нескоро. Или умирать, или в кабалу…

— Да что же тогда делать-то… — совсем уж растерялся Крол.

— Надо вытащить наконечник с другой стороны, — подсказал я.

— Как это с другой?

— А так. Стрела прошла наискосок, из глаза в висок. Мозг, наверное, не задет, вот потому Рисер и живой. Кость на виске пробита, ведь хорошо видно, где торчит наконечник. Надо надавить на стрелу, чтобы она высунулась из виска. Потом снять или отпилить наконечник и вытащить её, как ты хотел вначале.

— Тащить через голову?! — охнул Крол. — Да ты в своём ли уме?

Мысленно чертыхаясь на глупого обозника, терпеливо пояснил ещё раз:

— Голова у него уже пробита. Надо просто доделать это до конца. Новая дырка в виске куда лучше, чем наконечник, оставшийся в черепе. Но уговаривать я не стану. Это ваши дела, я просто совет дал.

— Ишь ты, рассоветовался! Стручок отрасти, а потом умничай!

— Да у меня он от рождения больше твоего.

— Что ты сказал?! — прошипел Крол. Да я тебя!..

— Заткнись! — нервно рявкнул Рисер. — Вы ещё меряться начните! Дураки! Оба!

— Ну так он… — продолжил возничий.

— Я сказал заткнись! — и, обратив на меня уцелевший глаз, Рисер решительно заявил: — Давай малец!

— Что давать?

— Делай, как сказал. Сам делай. Вытащи наконечник. Крол не сможет, у Крола руки сильно дрожат. У тебя не дрожат, вот ты и делай.

— Я не целитель.

— И что с того? Давай.

— У меня сейчас тоже руки задрожат.

— С чего бы это? Не дрожат ведь, значит и не станут дрожать.

— Да они у меня всё время дрожат, когда вспоминаю про кошелёк. «Потерянный», ага…

— Если не вытащишь наконечник, я тебе глаз вытащу. Вот этой рукой вытащу. Станешь таким же, как я. Давай уже, делай, я долго терпеть не умею!

Воин и правда на пределе, по всему видно. А такому бугаю и правда достаточно одной руки, чтобы сделать меня инвалидом.

Пришлось подчиниться.

В хирургии я разбирался слабо. Единственная операция, при которой присутствовал, не сказать, что дала мне много практики. В тот раз вырезали сердце, причём — моё. Полученные при этом познания к сегодняшнему случаю не подходили.

Одно хорошо, я действительно не боялся крови. Руки не дрожали. Но и толку от них, увы, немного. Они чересчур слабые, а проклятый наконечник категорически отказывался проходить через кость. Мои усилия заставляли Рисера стонать и скрежетать зубами, ни к чему хорошему не приводили.

Поняв, что так дело не пойдёт, я чуть переместился и навалился на руку воина всем телом, а руками только цеплялся. Тот начал орать, будто его режут заживо (что было близко к истине). Однако дело стронулось с мёртвой точки: висок начал раздуваться, кожу на нём прорвало, заструилась кровь.

Продолжая давить, дождался, когда наконечник, хрустнув напоследок костью, выбрался на всю длину. Проверил, крепко ли он сидит, после чего повернулся к Кролу:

— Железка не снимается. Крепко сидит, не могу стащить. Сам попробуй, или отпиливай.

Тот, глядя на происходящее безумными глазами, протянул мне нож, просипев:

— Хаос меня побери! Сам это пили.

Руки у обозника дрожали так, что я, забирая нож, едва не порезался. И с трудом удержал оружие. В этом ненормальном мире каждый предмет требует, чтобы владелец ему соответствовал. Для меня, выродка, лишь самые простые вещи доступны, да и то не на полную. Вот и этот клинок на неказистой деревянной рукояти считает, что моя ладонь оскверняет его своим прикосновением. Так и норовил вывернуться.

Хотя, прислушавшись к своим ощущениям, я понял, что дело в другом. Просто моя рука отвыкла от сложной моторики. Я ведь годами ничем не утруждался. Двигаю пальцами, будто младенец. Прибавки от амулета работают, но этого недостаточно.

Мне нужно полноценно освоиться с этим телом.

В общем, пилил я долго и со сложностями. Дважды довёл Рисера до потери сознания в процессе и ещё раз, когда вытащил, наконец, древко, лишившееся наконечника.

Обильно кровоточащее предплечье тоже пришлось перематывать мне. Крол начисто устранился из процесса, оставшись зрителем, который лишь охал да голову ладонями обхватывал, глядя на происходящее. И тампон к опустевшей глазнице прикладывать тоже пришлось мне.

Едва я это сделал, как случилось нечто, никогда до этого мною не испытанное. Мир на миг потускнел, и я погрузился в состояние, напоминающее то, в которое научился входить, изучая себя изнутри.

Перед взором промелькнули слова, выполненные тем же строгим шрифтом, который я применял, когда приводил в стройную систему всё то, что открылось мне сегодня.

Возможно, вы спасли человеческую жизнь

Получен малый символ ци — 2 штуки

Получен личный знак навыка — «начинающий целитель»

Постаравшись не выдать масштабы охватившего меня удивления, я оставил раненого на попечение Крола, а сам направился к реке, чтобы смыть с себя чужую кровь и обдумать произошедшее.

Меня сейчас столь грубо и неожиданно выбили из колеи, что я даже перестал бояться стрел, которые вновь могли обрушиться из зарослей. Это ведь пустые страхи, берег полностью под контролем.

Надо срочно в себе разобраться.

То, что я вижу буквенно-цифровую информацию — не фантастика. Просто привёл в удобную для меня строгую форму то, что здесь принято использовать в образных вариантах. Это такая же данность Рока, как для жителей Земли текст на

мониторах компьютеров, подключённых к сети. Только аборигены в дополнительных устройствах для связи со своей всемирной паутиной не нуждаются. Те самые высшие силы, частица которых присутствует в каждом предмете и даже не обладающем плотью событии, ничего и никого не оставляют без внимания. Здесь это называется ПОРЯДОК. Да-да — максимально пафосно. Не просто с большой буквы полагается писать, а так, чтобы все буквы были большими и с заметными особенностями, допускаемыми только в этом слове. Увы, но подобрать земной аналог правописания данного термина я так и не смог.

Это то, на чём здесь всё держится. Именно ПОРЯДОК спасает все составляющие Рока от сползания в бездну абсолютного Хаоса. Мой мир как раз на полпути к тому, чтобы оказаться на дне этой бесконечной ямы, а этому повезло больше.

Только не спрашивайте, как может оказаться конец у того, что считается бесконечным. Для местных мастеров словесных кружев ответы на такие вопросы могут влиться в многодневные дискуссии, которые ничем определённым не закончатся.

Даже в мирах ПОРЯДКА всегда есть место Хаосу. Моя вторая жизнь — тому пример. Лишённый возможности взаимодействовать с настройками ПОРЯДКА, я, с точки зрения аборигенов, был жалок и смешон. Что-то вроде безобидного циркового уродца. Что только со мной не делала мать, а всё без толку. Только попусту перевела остатки семейных сбережений, загнав остатки клана в бездну, откуда не было выхода. Появление убийц на пороге усадьбы она, возможно, сочла за благо. Это позволило ей удалиться с честью, что для аристократки — прекрасный вариант.

Но при этом случилось ещё кое-что. Непредвиденное. Я, выродок никчемный, всё же сподобился приобщиться к ПОРЯДКУ. Причём, неведомые контролёры, учитывающие здесь всё и вся, каким-то образом определили, что я тяготею к детальному виду вывода информации, и позволили настроить интерфейс не информативными картинками, как это, вроде бы, происходит у туземцев, а в строгом буквенно-цифровом виде.

А сейчас случилось ещё кое-что. Высшие силы сочли, что столь серьёзная помощь раненому является значимым событием. А за это в Роке полагается вознаграждение.

Отвернувшись от обозников, я, оставив в воде одну руку, второй нашарил мешочек на груди. Ослабил шнуровку, раскрыл горловину, заглянул, всматриваясь в каждый предмет. И уже почти не удивился, когда мир снова померк, а перед глазами отобразилась информация по содержимому.

Малый символ ци — 17 штук

Средний символ ци — 4 штуки
Малая суть Выносливости — 2 штуки
Малая суть Ловкости — 1 штука
Малая суть Равновесия — 11 штук
Малая суть Рукопашного боя — 10 штук
Малая суть Железной кожи — 10 штук

Это — универсальная валюта Рока. Подороже всяких монет, за что и заслужило размещение в хитром мешочке. В хорошие времена он набивался полностью, но это было давно. Мать слишком много перевела на эксперименты, пытаясь сделать из меня полноценного человека. Но и этих остатков достаточно, чтобы прожить несколько месяцев при скромных запросах.

Вот только мне от этого богатства проку нет. Стоит только засветить такое сокровище, и его постигнет участь мешочка с монетами. Я тут же останусь ни с чем. И от неминуемой гибели меня будет отделять чуть меньше пары месяцев.

Как только разрядится амулет — мне конец. Потому что, несмотря на всё случившееся, я остаюсь всё тем же нежизнеспособным инвалидом.

И как это исправить — не представляю.

Пока что не представляю.

Глава 10. Смертник поневоле

Ступени просветления: неизвестно
Атрибуты: нет
Навыки: нет
Состояния: нет

В обозе было два главных лица: Кашик и Атами. Первый распоряжался всем, что не относилось к делу охраны, второй обеспечивал эту самую охрану. Кто из них главнее, даже не понять. Похоже, у них настолько чётко разделены обязанности, что друг другу на ноги они не наступают, потому старшинство не имеет значения.

Про Кашика чуть ли не в открытую во весь голос рассказывали, что он козёл редкой породы. В общем, не очень-то уважали. Но если он отдавал приказ, его приходилось выполнять.

Вот и я не смог найти не единой причины послать его подальше. Сказали явится на очи начальства, пришлось являться.

А идти очень не хотелось. С чего бы это я ему вдруг понадобился? Рок — мир строжайшей иерархии, где все, кто приподнялись над уровнем плинтуса, обязаны плевать на головы тех, кто барахтаются ниже. Кашику нет дела до такой мелочи, как я. Если что-то и понадобится от неполноценного найдёныша, достаточно скомандовать подчинённым обозникам, а уж те сами укажут мне, что и как делать. Наше прямое общение — это нарушение неписаных иерархических принципов. Если представитель «Трёх семёрок» снизошёл до такого червя, как я, это значит, что происходит нечто необычное.

Меня самым незначительным изменением порядка вещей убить можно, а уж от всех странностей следует держаться как можно дальше.

Но когда просят такие люди, отказать невозможно.

Кашик на меня даже смотреть не стал. То, что обращается напрямую — это и без того честь немыслимая.

Просто указал на реку и брезгливым тоном проговорил:

— Там, на телеге, остался мешок специй. Принеси его.

Да уж, не поручение, а та ещё подстава. И что теперь делать? Заявить, что не желаешь лезть в реку, кишащую кайтами? Или даже сослаться на то, что с моей ничтожной выносливостью и силой мешок унести не получится.

Но всё это Кашик понимает и без слов. Я для него — никто. Никому неинтересный слабак, подобранный на обочине. Здесь некому за меня заступиться, здесь он главный, и он может сделать со мной что угодно. Здесь, на краю Лихолесья, потерять

здоровье или жизнь — проще простого. А специи — это ценный груз. И его полагается как-то спасать. Или хотя бы доказать получателям, что сделал ради этого всё возможное.

Так почему бы не попытаться решить вопрос, рискуя самым последним человеком в обозе?

Отказ ни в какой форме не примут. Я или выполню приказ, или погибну в процессе, или со мной сделают что-то нехорошее прямо здесь и сейчас, если что-то не так скажу.

Поэтому я даже не попытался сказать что-то против. В несколько секунд просчитав нехитрые расклады, кивнул:

— Да, господин, я попробую вернуть ваши специи. Для этого мне понадобятся окровавленные тряпки, которыми обрабатывали раны от укусов кайт. Прикажите дать мне несколько, самых грязных. И ещё мне понадобится побег дикого синельника и нож. Нож я верну перед тем, как пойду за специями.

Вот тут Кашик не сдержался, всё же покосился на меня тяжёлым взглядом. Похоже, моя невозмутимость в сочетании с необычной просьбой сумели его удивить.

Но мне от этого ни холодно, ни жарко. Своё решение он явно не изменит.

Значит, придётся лезть в реку.

В телегах я разбираюсь слабо. Непонятно, что именно случилось с этой. Могу лишь предположить, что она ухитрилась завязнуть там, где другие прошли без остановок. Пешее сопровождение обоза в таких случаях подталкивало повозки сзади, стараясь давить на них вперёд и вверх.

При нападении поддержки сзади не было. Народ отбивался от кайт, и возничий выжимал всё возможное из лошади. А та, с перепугу, могла рвануть с такой дурью, что завязшие оси распрощались с телегой. Тем более, если помчалась не вперёд, к далёкому противоположному берегу, а развернулась назад. Именно на это и похоже, уж очень низко зарылась телега, сильно перекосившись набок. Такое ощущение, что стоит на одной колёсной паре.

Часть поклажи вывалилась в воду, где течение могло далеко унести груз, прежде чем он напитается водой. А если и недалеко, попробуй отыщи его на дне. Но среди того, что осталось, Кашик разглядел то, что бросать никак нельзя.

Жадность не позволяет, да и сам он раб приказа хозяев, требующих любыми способами спасать ценные грузы. Ведь если не доставить в факторию кое-что важное и не самое дорогое, у тамошнего народа может возникнуть соблазн покрыть нехватку более дорогими заменителями. То есть тем, что они там добывают, и что должны сдавать. А это — убытки, которые

купцам не нравятся.

Развитие ступеней просветления, атрибутов и навыков — сложный процесс. И для того, чтобы выжимать максимум, аборигенам приходится питаться не как попало, а по системе. Единственный надёжный способ — это принимать особые вещества, получаемые из растений, животных, грибов и некоторых минералов. Всё это добро я называю одним словом — специи. Но у жителей Рока используется множество терминов, они в этой важнейшей области сокращения не приветствуют.

Специй надо много, самых разных. Обоз перевозил десятки их мешков, распределённых по разным повозкам. Самые ценные на телеге Кашика, дешёвка на всех прочих. Но дешевизна — относительная. Копеечных специй не бывает, все они стоят или дорого, или очень дорого, или дорого баснословно.

Меня послали за мешком самых никчемных. Может это особым образом обработанные проросшие семена чешуйчатого щелевика. Именно ими успешно занимался Тшими. Только у него получалось выращивать это капризное растение на здешней земле, сохраняя и преумножая его силу. Или пыльца лилового гриба, которую можно собирать в лесах и рощах по относительно безопасному правому берегу Красноводки. Она подороже будет, но великим сокровищем тоже не назовёшь, даже беднякам доступна.

В общем, цена этого невзрачного мешка невелика, но куда больше, чем моя жизнь. Кашик ничуть не огорчится, глядя, как меня рвут на части кайты. То есть, конечно, огорчится, но вовсе не из-за моей гибели. Ему будет жаль, что самый простой способ спасения обозного имущества не сработал.

Мне плевать на его специи, но не плевать на себя. Потому с самого начала повёл себя неспешно. Каждый шаг делал с осторожностью, стараясь не выдать своё продвижение всплеском.

Мать пыталась меня растить, как нормального ребёнка. А это подразумевает систему обучения. На учителей у неё средств не было, потому, в основном, сама этим занималась. Плюс подключала иногда всех, кто могли рассказать что-нибудь полезное. Мне приходилось строить из себя слабоумного, потому нечасто задавал таким рассказчикам дополнительные вопросы. Но когда услышал историю про нападение кайт на всадника, переправлявшегося через Красноводку, заинтересовался. Провёл аналогию с земными пираньями и начал уточнять. Потом выслушал несколько похожих рассказов от других людей. И понял, что речь идёт о принципиально иных рыбинах. Но чем-то они были схожи со знакомыми мне водными хищницами.

Только скорее не с пираньями, а с акулами.

Кайт привлекает движение и запах. Если не выдать себя ни тем, ни другим, есть шанс, что они меня за метр не почуют. Конечно, это только предположения, но ни один из выслушанных мне рассказов им не противоречил. Наоборот — подтверждали.

Тело у меня худое, но для своих лет рослое. Потому вода здесь, неподалёку от телеги, доставала мне лишь до нижней части груди. Течение успело унести муть, но как я ни пытался вглядываться, ни намёка на присутствие кайт не заметил.

До самых последних шагов.

Уже примеривался к злосчастному мешку, как вдруг метрах в десяти впереди и правее всплеснулась здоровенная тёмная торпеда речной хищницы. Я даже успел разглядеть, что в пасти она сжимает окровавленную грудную клетку, в которой уже не хватало доброй половины рёбер. Где-то там, на дне, продолжается пир над разбросанными останками тех, кому не повезло. Скорее — заканчивается. Мяса на костях почти не осталось, последнее догрызают.

Возничий успел освободить лошадь. Вон, болтаются на течении обрезанные постромки. Думаю — это к худшему, ведь прожорливым рыбам досталось не так много добычи. Как только прикончат остатки, начнут дружно носиться по округе в поисках добавки.

Надо успеть сделать все дела до того, как это случится.

Показалось, или в ноги толкнуло подводной волной от проплывшей рядом твари? Страх — лучший стимулятор воображения. Сейчас мне казалось, что все кайты Красноводки собрались вокруг меня, прочёсывая каждый сантиметр водного пространства.

Хвататься в таких условиях за мешок — опаснейшая затея. Я ведь даже не знаю, что там за специи. Если минеральная пыль из горько-солёных озёр, мне его с места не сдвинуть, а если что-то полегче, могу завалиться с ним на первом же шагу.

Потому попытался отвлечь кайт единственным доступным мне способом. Осторожно вытянул руку и одну за другой отпустил три заскорузлых от крови тряпки. Подхваченные течением, они начали стремительно удаляться, создавая вокруг себя ореолы притягательного запаха. Он очень интересен мельчайшим обитателям Красноводки. Плавающие насекомые и их личинки, мальки различных рыб и даже пресноводные креветки кишат здесь повсюду. Они такое не пропустят, устроят суматоху, которая может издали привлечь серьёзных созданий.

Одна из тряпок скрылась с негромким всплеском, возле второй на миг показалась спина, увенчанная спаренным чёрным плавником. Прекрасно, на такой шум должны пожаловать все

кайты, которые крутятся поблизости. Не знаю, сработает моя уловка с побегами синельника или нет. Говорят, эти бестии чуют яд и не трогают самые лакомые приманки. Но чистую кровь на тряпье игнорировать не должны. Пока они поймут, что вкусной еды там нет, мне надо успеть отсюда убраться.

Мешок оказался подъёмным. Даже не мешок — мешочек. В такой и десяток килограмм муки не поместится, а то, что в нём сейчас находилось, по плотности приблизительно ей соответствовало. Но это для обычного человека — мелочь. Со мной всё сложнее. Происходи это до нападения на усадьбу, я бы тут же свалился. Но тело, уже чуть свыкнувшееся с усилившимся амулетом, не подвело. Пусть и с трудом, но я взгромоздил поклажу на плечо. И даже успел развернуться.

А затем окаменел. Потому что волна, толкнувшая тело в этот момент, не показалась. Я даже тень успел увидеть. Меня едва не задела огромная кайта. Возможно — самая здоровенная в Красноводке. Размером с крокодила-людоеда. Она направлялась в сторону всплесков, которые устраивал её собрат на пути следования брошенных в реку тряпок. Чуть ближе, и врезалась бы в меня своим бугристым носом. Да и сейчас до твари может дойти, что я не похож на корягу или куст водорослей. Вернётся и проверит.

На зуб.

Ниже по течению всплеснулось так, будто там кони резвятся. Скосив взгляд, увидел не слишком большую кайту, вокруг которой крутились плавники ещё нескольких. Их явно заинтересовало игривое поведение собрата.

Да, эта тварь вела себя странно. Держась на поверхности, судорожно изгибалась во все стороны, то и дело шумно ударяя хвостом. На миг успел увидеть в раззявленной пасти тёмные лоскуты, застрявшие среди выстроившихся в два ряда изогнутых зубов. И ярко-жёлтую палочку тоже заметил.

Мой замысел сработал. Не так, как я рассчитывал, но сработал.

Синельник — интересное растение. На правом берегу встречается не везде и редко в больших количествах, на левом — широко распространённый ползучий кустарник. Его свежесрезанные стебли по упругости схожи со сталью. Правда, уже через час-другой теряют это свойство. Детворе, забавляющейся с этим материалом, приходится срезать новые и новые. Я, наблюдая за жизнью аборигенов, не мог этого не заметить.

Стебли были очищены от шкуры, заточены с двух сторон и скручены в тугие рулончики, обёрнутые тряпьём. Я предполагал,

что кайты могут проглотить их целиком, а желудочный сок у этих созданий настолько сильнодействующий, что его применяют в некоторых алхимических рецептах, как эффективнейший растворитель. То есть, был шанс, что в утробе твари ткань быстро сдастся, высвободив деревянную пружину. Что-то наподобие проделывали эскимосы при охоте на белых медведей. Только вместо синельника они использовался китовый ус, скрытый в замороженном комке жира. Тот размягчался от тепла в брюхе и «поражающий элемент» распрямлялся, нанося острыми концами фатальные ранения.

Но кайты чуют яд и прочие каверзы. Вот и здесь, наверное, заподозрила какой-то подвох. Однако голод и возбуждение не позволили оставить притягательно пахнущий предмет. Попыталась разжевать тряпку, и это получилось. Стебель высвободился в вертикальном положении, пробив пасть вверху и внизу. Теперь рыбина не могла закрыть рот и к тому же вела себя странно. Двигалась так, будто её частично парализовало. Или сильный шок, или что-то повредило всерьёз.

Судя по тому, как вели себя прочие кайты, они поняли, что тут намечается пирушка для каннибалов. И выстраивались в очередь, собираясь со всей округи. Я рисковал оказаться на пути очередной твари, так что, двигаться не прекращал. Но и не торопился с этим.

Быстрое перемещение — верная смерть.

Вы наносите значительный урон кайте. Кайта мертва. Вы один из виновников её гибели. Ваше деяние признано первой в вашей жизни победой над противником: кайта (частичное участие).

Победа над кайтой.

Получен малый символ ци — 2 штуки

Захвачен знак навыка — «кровавое чутье»

Первая победа над противником: кайта (частичное участие).

Получен малый символ ци — 2 штуки

Получено малое личное воплощение атрибута — «ловкость»

Надписи догнали меня на полпути к берегу. Даже не пришлось ради их прочтения погружаться в себя. Я уже настолько успел свыкнуться с изменениями, что фиксировал их, не напрягаясь. Не в полной мере, конечно, ну да это сейчас и не требовалось.

Итак, раненую кайту добили агрессивные сородичи. Но ПОРЯДОК решил, что я внёс немалый вклад в убийство, щедро меня за это вознаградив.

Настолько щедро, что теперь надо хорошенечко подумать над дальнейшими действиями. Ситуация из тех, где, возможно, прежних моих знаний недостаточно.

Потому что все мои знания по этому вопросу — теория. А теория, не закреплённая практикой, — неполноценна.

Глава 11. Вода в решете

Ступени просветления: неизвестно
Атрибуты: нет
Навыки: нет
Состояния: нет

Если попытаться представить, что меня не выкрали из родного мира, ради принесения в жертву, а, допустим, я застрял в навороченной компьютерной игре, можно запросто подобрать аналоги местным реалиям.

Если игра ролевая, классическая, с развитием персонажа, её важнейший показатель — уровень. В Роке ему соответствуют ступени просвещения. Значимые вехи, переход между которыми возможен только после набора определённого количества «ци». С этим, как и со всем прочим, у меня всё плохо. Я как был нулевым, таким и остался. Разве что открылась шкала-кольцо, демонстрирующая, сколько именно ци мне необходимо скопить в себе, чтобы совершить переход (или, как говорят игроки — «апнуться»).

Сами по себе ступени ничего не дают. Они не делают аборигенов сильнее, ловчее, выносливее, не усиливают их магические способности. Каждые семь ступеней предоставляется возможность открыть один талант. Как правило, это ценная особенность, но не сказать, что она делает человека на порядок могущественнее. Так что, если не вникать в прочие детали, может показаться, что здешний аналог «уровня» — это всего лишь статусная цифра.

Однако от этой цифры много чего зависит. Так, на каждой ступени имеется лимит на количество связанных с ней атрибутов. Всего их пять базовых разновидностей. Я их называю Выносливость, Сила, Ловкость, Восприятие и Дух. Первые три получаются и развиваются достаточно легко. В большинстве случаев они доступны с рождения. Поэтому такой набор имеется даже у простолюдинов. А вот последними двумя обзавестись куда сложнее. Как правило, их заполучают аристократы и люди к ним приближённые.

Если ты в процессе заполнения ступени не развил заодно и все доступные на ней атрибуты, переиграть это уже не получится. Допустим, ты обычный крестьянский сын, получивший первый уровень просто по факту стандартного рождения, наличию в тебе силы твоих предков и прочих полагающихся почти всем младенцам подарков. У твоих небогатых родителей нет возможности пичкать тебя правильными специями и поднимать

одно из важнейших состояний. Потому на этой ступени ты не сможешь развить до упора больше шести атрибутов. Причём, их количество не может совпадать друг с дружкой. Если поднимать всех их, получится, что один будет на тройке, второй на двойке, а третий на единице. Это — самое распространённое распределение. Те, кто на нём сидят, именуются «чистые омеги». Самые неудачливые, которые и столько не набирают — это «низовые омеги», «недо-омеги», «полу-омеги». В общем — отбросы, дно Рока.

Вроде меня.

Обычно крестьяне до трёх развивали Выносливость, до двух Силу, до единички Ловкость. Распределение нормальное, совпадений величин показателей нет, плюс максимально развивалось именно то, что в первую очередь важно для простого труженика. Им ведь пахать от рассвета до заката. Вот так и набиралась шестёрка. Дальше брали новую ступень, где также развивали очередную шестёрку.

И так, развивая ступень за ступенью, поднимались выше и выше. Процесс этот потенциально бесконечен, его останавливает лишь могила. Причём смерть можно оттягивать дольше, если развиваться гармонично, открывать правильные навыки, не гробить здоровье вредными привычками, вовремя платить целителям за омоложение и, конечно же, не забывать про специи.

Атрибуты — это не только статусные показатели. Они и правда делают тебя сильнее, выносливее и прочее-прочее. Плюс на них завязывается большинство полезных навыков.

Навык — это серьёзно. Например, если тебе удастся заполучить навык «лучник», ты, при соблюдении ряда условий, сможешь превратиться в неплохого стрелка, ни разу при этом не прикоснувшись к луку. Хотя так, конечно, поступать нежелательно, ведь практическое закрепление — это важнейшая часть гармонического развития.

Чтобы открыть навык «лучник», понадобится знак навыка (личный или простой). Его с незначительным шансом можно получить, победив противника с таким навыком (так достаются стартовые знаки). Или удачно вписаться в ситуацию, где тебе полагается вознаграждение, как это случилось со мной, когда помогал раненому. Также есть смысл тренироваться до седьмого пота, пока ПОРЯДОК не сочтёт тебя достойным и предоставит именно то вознаграждение, ради которого ты изматывал себя.

Вот только открыть ты его всё равно не сможешь, если у тебя не припасена единичка Ловкости. Такое вот жёсткое требование. И далее, прокачав навык до десяти, остановишься, если твоя ступень просвещения не вторая, а Ловкости не набралось три

единички.

За точность цифр не ручаюсь, но принцип развития именно такой. То есть, можно не посещать университеты и не учиться у мастеров. И тренироваться тоже необязательно. Хотя, конечно же, это не будет лишним. Но всё это уступает главному, — надо развивать свои скрытые параметры.

Тот же Тшими выращивал специи не только потому, что у него руки золотые. Он был достаточно развит и имел набор прокачанных навыков, которые помогали справляться со столь непростой задачей. Растения, с которыми он работал, требовали к себе особого отношения, обеспечить которые может лишь тот, кто соответствует требованиям. Казнив его, моя мать зарезала ту самую золотокладующую курицу. Камай не зря тогда озадачился, ведь заменить такого мастера у нас некем, только у него при столь приличной ступени просвещения имелся требуемый набор атрибутов и прочего.

Создать профи с нуля — тоже вариант. Но на это уйдут годы и годы, потому что развитие навыков — процесс долгий и дорогостоящий.

Итак, вернёмся ко мне. Я своего рода убогая аномалия Рока — подросток тринадцати местных лет, у которого вообще нет ступеней просветления. Не получил первую при рождении, и дальше это не исправилось, несмотря на всяческие старания моей мамаши. Сколько ци в меня не вливали — без толку.

Как вода в решето.

После нападения на усадьбу кое-что изменилось. Я получил доступ к своего рода интерфейсу, при помощи которого мог наблюдать за своими внутренними изменениями и частично ими управлять. Например, вижу частично заполненное кольцо, символизирующее процесс прогресса ступени. Если забить его ци полностью, я, наконец, открою то, что другие получают по праву рождения. Для этого ведь много не требуется.

Звучит прекрасно, но на деле всё не так радужно.

Да я, если говорить прямо, пока что ничего радужного в этом не вижу.

Итак, если верить цифрам, которые я сейчас наблюдаю в показателях своей никчемнейшей ступени перерождения, для перехода на следующую мне необходимо набрать восемьсот восемьдесят восемь единиц ци. Смотрится прекрасно, как «блатной» номер на машине, что, скорее всего неспроста, а символизирует нечто для меня непонятное.

Ну да не в этом суть.

Благодаря событиям в усадьбе, моё кольцо частично заполнилось. Когда я первый раз покопался в себе, в нём

насчитывалось шестьдесят две единички. То есть, оставалось набрать ещё восемьсот двадцать шесть.

Цифра не безнадёжная, но космическая. Насколько мне известно, при рождении среднестатистический младенец получает порядка первых сотен ци, и этого вполне хватает для получения первой ступени просветления. Дальше некоторым приходится набирать больше, но это происходит за счёт того, что обеспеченные родители не просто воспитанием занимаются, они ещё и развивают вместилища своих детей. Ведь чем больше в тех первородной энергии, тем больше возможностей им доступно.

Экая удача мне свалилась. Прям с самого старта. Вообще ничего расширять не надо, и без того уже шире некуда.

Но, разумеется, радоваться преждевременно. И дело не в том, что недостающие восемьсот двадцать шесть надо где-то найти, а это непросто.

Дело в том, что сейчас моя нулевая ступень заполнена только на шестьдесят единиц из восемьсот восьмидесяти восьми. А я совершенно точно помню, что при первом изучении новостей их было шестьдесят две.

После того, как спас мешок специй, тоже проверил и насчитал шестьдесят одну. В этом путаницы быть не может.

Как так? Набранное «базовое ци», вроде как, снизить можно, но на это потребуются колоссальные усилия врагов или другие страшные невзгоды. Да и не факт, что номер выгорит.

У меня, конечно, иной случай. Враги здесь ни при чём, мой «нулевой резервуар ци» течёт, как проржавевшее оцинкованное ведро. Если темпы утечки не снизятся, через несколько дней я стану пустым, каким был всегда. И почти не сомневаюсь, что это всё, это конец — это необратимый возврат в исходное состояние. То есть, я стану обычной развалиной, развивать которую не получается. Для поддержания жизни смогу рассчитывать лишь на амулет, который придётся как-то заряжать. Перспективы этого туманны, если не сказать хуже.

Да как только кто-нибудь узнает, что на шее у подобранного беспризорника скрыта столь ценная вещь, я тут же её лишусь. Невидимость предмета вряд ли его спасёт, с этой загвоздкой, скорее всего, справиться несложно.

Итак, задача номер один — не уйти в ноль.

В данный момент у меня за душой двадцать три малых символа ци и четыре средних. Первые дают по единичке, вторые по дюжине. То есть, в сумме я могу заполнить вместилище на семьдесят одну. По моим прикидкам, в сутки теряю шесть-семь, так что, это более чем на неделю отодвинет печальную перспективу обнуления. С учётом текущего уровня, до обнуления

остаётся около двадцати дней.

Но что будет дальше? Самостоятельным трудом я сегодня заработал шесть единиц. И, насколько мне известно — это очень серьёзная цифра. Обычному крестьянину и за месяц не всегда столько получать удаётся. Если рассматривать случившееся, как редкую удачу, больше мне такое свершение не повторить. И это значит, что в перспективе, весьма недалёкой, обнуление неизбежно.

Что ещё можно сделать? Попытка активировать знак «начинающий целитель» провалилась. Число навыков, открытых на ступени, должно соответствовать числу атрибутов, полученных на ней же. Атрибутов у меня ноль. Открыть я могу лишь один — Ловкость. Повезло с кайтами, получил личное воплощение этого атрибута. Но ведь открыть его — полдела. Дальше его придётся развить до упора, ситуация похожа с вместилищем ци. От матери мне досталась одна малая суть ловкости, она прибавит в прогресс атрибута единичку, а всего их, скорее всего, потребуется несколько десятков.

Насколько мне известно, минимум для неудачников — это ровно десять. Меньше никак. То есть, открывать ловкость смысла нет. Я её не доведу до требуемого заполнения. И это не единственная проблема. Дело в том, что, активируя атрибут личным воплощением, я получу на него единичку прогресса. И если там тоже всё вытекает, как ци, это бессмысленный шаг. Ведь почти тут же потеряю набранное.

Итак, задача номер два — раздобыть стартовые воплощения других атрибутов и средства для их развития. Единственный известный мне путь их получения — это победы над противниками, у которых развиты соответствующие атрибуты. С кайтами мне повезло. Ничтожнейший вклад в убиение одной хищницы ПОРЯДОК счёл заслуживающим вознаграждения. А то, что эти бестии ловкие — нет никакого сомнения. Эдакие живые торпеды, стремительные и смертоносные, иначе у них быть не может.

Задача номер три — заполнить вместилище ци. Не исключено, что после этого утечка прекратится. То есть, надо мной перестанет висеть дамоклов меч обнуления.

По-хорошему, эту задачу надо ставить на первое место. Но я человек частично здравомыслящий и потому понимаю, что столько ци добыть непросто. Как уже прикидывал, шесть заработанных за день единиц — это фантастическая удача. Все, что доводилось слышать до сих пор, подсказывало, что, возможно, такая фортуна улыбается раз в жизни.

И далеко не у всех.

Итого, мне потребуется восемьсот с лишним, что даже без учёта постоянной утечки — целое состояние. Да-да, ведь символы ци — вполне себе товар. Одного малого достаточно, чтобы купить себе простецкой еды на пару дней. Хотя в последнем — не уверен, ибо слабо ориентируюсь в ценах. Да и они должны плавать от региона к региону, ведь наша затерянная в северных дебрях усадьба и деревня с немногочисленными подданными — это ведь далеко не весь мир.

Нет, мне никогда столько не заработать. Значит, я жив, пока работает магия амулета. Как только он разрядится, мне каюк.

Стоит вместилищу ци опустеть и, скорее всего, силёнок у меня резко поубавится. А я и сейчас далеко не живчик, несмотря на явный подъём. Если упаду до обнуления — прощайте нынешние возможности, не говоря уже о перспективах их роста. В таком состоянии двигаться и что-то делать смогу, но вот спасение мешка специй мне уже не повторить. Даже без груза сходить к середине брода и обратно не получится.

Итак, очень скоро я стану никчемной развалиной, а затем трупом. Если не успею ничего придумать до этого момента.

Хотя, это я неправильно выразился. Придумать — не проблема, проблема — сделать.

Даже с резко усилившимся амулетом и открывшимся резервуаром ци я сейчас мало на что гожусь. А все способы, направленные на быстрое увеличение внутренних параметров, требуют от исполнителя проявления недюжинных способностей.

Не представляю, как из этого выпутаюсь, но выпутаться придётся. Иначе — смерть.

Ещё недавно я мечтал умереть. Поквитаться с некоторыми людьми, после чего завязать с этим жалким существованием. Но сейчас даже со столь убогими новшествами передо мной открываются кое-какие перспективы. Я впервые почувствовал себя живым. И это даёт надежды на изменения в лучшую сторону.

В ту сторону, где я буду уже не калекой, полностью зависимым от ненавистной стервы, которую приходилось называть матерью.

Я стану тем, кто сумеет позаботиться о себе сам.

Глава 12. Фактория Черноводка

Ступени просветления: 0 (60/888)
Атрибуты: нет
Навыки: нет
Состояния: нет

Лихолесьем или Темнолесьем на севере детей пугают. Да и взрослые не очень-то радуются при упоминаниях левобережья Красноводки. Всем известно, что там, за рекой — тянутся земли страха, населённые ужаснейшими чудовищами. Самые страшные порождения ночных кошмаров, создания, в которых структуры ПОРЯДКА уродливо переплетены со щупальцами Хаоса. Людям в таких краях не место, но, увы, жадность человеческая сильнее любого ужаса. Очень уж много ценного прячут здешние земли. И чтобы урвать толику от богатств, придётся собирать серьёзные силы. Но даже так нет никаких гарантий, что предприятие завершится успешно и без потерь.

Обоз двигался по Темнолесью второй день, и если не брать во внимание вчерашнее происшествие на переправе, ничего опасного за всё время не происходило. Да и то нападение географически случилось на границе. Я тогда подумал, что чем дальше на север, тем печальнее, однако всё оказалось наоборот.

Да я даже зайца ни разу не видел. О том, что лес не вымер полностью, свидетельствовали лишь следы лап и копыт по берегам луж, разлившихся на дороге. На глаза попадались только птицы. Обычно — мелочь пернатая, реже сороки, вороны и горлицы. Пару раз в чаще хлопало крыльями что-то посерьёзнее, да вчерашним вечером Атами подстрелил здоровенную птицу, которую Крол назвал мудрёным словом, а я для себя запомнил, что это глухарь. Уж очень она на него походила.

Сосны, ели, реже кедры и лиственные деревья, похожие на дубы, каштаны и даже самые обыкновенные берёзы, или что-то, на мой неопытный взгляд от них неотличимое. По обеим сторонам от дороги частенько тянулись полосы густого кустарника, но ни разу никто не попытался выпустить из них стрелу.

Лишь однажды наткнулись на признаки угрозы. Дорога в том месте перевалила через затяжной подъём. Лес на его вершине рос скудный, здесь хватало обширных полян, усеянных россыпями валунов. На самой большой из них чернели головешки частокола, окружавшего несколько обгорелых груд брёвен. Пару лет назад или чуть больше это были какие-то постройки, но огонь поработал здесь так хорошо, что определить их предназначение

нельзя.

У обочины вытянулась цепочка одинаково нестарых могил. В каждую вбит наскоро выломанный дрын, в расщепе которого закреплён круглый кусок коры. Для местных это всё равно, что для христианина крест.

На кладбище совсем не похоже, а похоже на торопливо устроенные похороны. Очевидно — хоронили обитателей этого места, и вряд ли все они одновременно скончались от естественных причин.

Единственное свидетельство опасности здешних краёв проехали в обычном темпе. И никто не проявил к нему интереса. Очевидно, обозникам прекрасно известна и дорога, и то, что на ней располагается. Им давно уже надоело разглядывать руины, и они не считают, что здесь может что-то угрожать сильнее, чем в иных местах.

* * *

Приближался вечер, когда Рисер неожиданно свесился с телеги и протянул мне руку:

— Залазь ко мне пацан.

Гадая, в чём причина его великодушного предложения, я ухватился за грубую ладонь, попытался было ухватиться второй рукой за край движущейся со скоростью пешехода телеги, но воин легко выдернул меня с дороги.

Миг, и я уже сижу на соломе, а он протягивает мне пласт хлеба с ломтем желтоватого сала:

— На вот, пожуй. На ходу жевать — это совсем не то.

С таким утверждением не поспоришь. Напрягает только невиданная щедрость Рисера. До сих пор благородных поступков за ним не замечалось, как и внимания к моей особе. Кормился я дважды: вчерашним вечером и сегодняшним утром. Оба раза это была грубая каша из общего котла. Спасибо, что разваривали её по крестьянскому обыкновению. То есть, она получалась твёрдая, хоть кусками режь. Своей ложки у меня не было, как и миски. Но выдавали мне немного, комок легко помещался на ладони, прикрытой от жара лопухом. Приканчивал пайку я в пару минут. Впервые за всю вторую жизнь у меня проснулся аппетит, причём зверский. И столь жалкие подачки насытить его не могли, о еде думал постоянно. Потому пить приходилось литрами, это хоть немного заглушало голод.

Хлеба Рисер не пожалел. Да и сала прилично выделил. Это куда получше деревянной каши, в процессе приготовления

которой ни масло, ни мясо не пострадали. В общем, у меня есть шанс наконец-то наесться.

Рисер, косясь уцелевшим глазом, покачал головой:

— Тебе к целителю надо. Не иначе, как глист большой завёлся. Уж больно лихо жуёшь.

— Спасибо, — наконец-то догадался я поблагодарить.

— Деньги твои Кашик прибрал, — сказал Рисер.

Я непроизвольно напрягся, но жевать не перестал.

А воин продолжил:

— Тебя Атами заметил. Ты лежал в траве, шагах в полста от дороги. Мы с ним тебя принесли. Трава под тобой сильно мятая была. Видно, что ты там давно лежал. Может даже не один день. Повезло тебе, что зверьё лицо не обглодало. Кашик тогда подошёл и деньги твои забрал. Ты на нас с Кролом думал, но мы тут ни при чём. Кашик сказал, что мертвецу монеты не нужны.

— Но я не умер, — впервые за время разговора я оторвался от еды, чтобы высказать очевидную истину.

— Да, не умер, — кивнул Рисер. — Не знаю, что с тобой было, но от той хвори и следа не осталось. Слабоватый ты какой-то и странный. Руки у тебя не крестьянские. И взгляд не такой, как у простых пахарей. Да ты весь какой-то не такой. И Кашик деньги тебе не вернёт. Жадный он. Загребущий. Всё, что к нему попало, это с концами. Ты помог мне, а я не собака последняя, чтобы такое забывать. Денег тебе не дам, у самого их нет, но маленько поделюсь едой. На первое время пригодится, а дальше уже сам крутись. И посоветую, что здесь, да как. Запоминай, всё что говорю, повторять не стану. Фактория эта — гиблое место. Видел развалины на поляне?

— Видел.

— Это пост факторский был. Даже не поняли тогда, что с ним случилось. Просто сгорел. И вся поляна сгорела вместе с ним. Дождей долго не было, высохла она сильно. Хорошо, что лес не занялся от пожара. Следов потому не осталось, а те, что были, непонятные. И тела некоторые выглядели скверно. У кого-то руки не хватало, а у кого-то и головы. Огонь такое сотворить не мог.

— А кто тогда, если не огонь? — спросил я.

— Кто-кто… Да кто-то. Не поняли мы, что это было. Вот такие дела тут случаются. Так что первый мой тебе совет: от фактории далеко не уходи. Она тут уже десяток лет простояла, а это для Темнолесья добрый срок. Может ещё столько же простоит, раз так удачно поставлена. И здешние давно уже о ней знают и стараются лишний раз не приближаться. Научены бояться. Страх, это иногда получше высоких стен защита получается. Вот и пользуйся. Второй мой совет посложнее будет. Держись за свою

свободу. Ты Кашику никто, тебя в поле подобрали. Этот живоглот захочет сбить с кого-нибудь за тебя пару монет. Шли его далеко. Ты свободен, долгов за тобой нет. Свободного просто так в холопы не запишешь. Он, конечно, может так дело провернуть, что ты не отвертишься. Ты ведь простой пацан, а он прожжённый. Но за тебя много не получишь, а за пару монет он сильно напрягаться не станет. Так что шанс у тебя хороший. Ну а третий мой совет, он важный самый. Найди кого-нибудь сильного. Заинтересуй его. Покажи, что ты ему полезный. Не забывай про свободу, но держись подле него. Делай всё, чтобы он тебя прикрывал. Ты слишком слаб, сам по себе ты в таком поганом месте не выживешь.

— А если вернуться с обозом на юг? — не удержался я от вопроса.

— Путь неблизкий, за это время Кашик десять раз придумает, как тебя прибрать к рукам. Две монеты — не деньги, но и просто так на голову не упадут. Захомутает он тебя. И уж поверь, там, на юге, жизнь маслом не намазана. Для таких, как ты, не намазана. Слабакам везде плохо. Если хочешь, можешь, конечно, попробовать. Но я бы на твоём месте отсюда не дёргался. Темнолесье — опасное место. Но оно, как бы, честнее других будет. Иногда проще здесь, чем на юге. Я тебе всё сказал. Думай сам теперь. Те, кто думать не умеют, здесь живут ещё меньше, чем слабаки.

* * *

К Черноводке обоз добрался незадолго до заката. Речь идёт и о фактории, и о реке по которой эта фактория получила название.

Местность здесь значительно отличалась от почти плоской равнины правобережья. Последние часы обоз преодолевал одну холмистую гряду за другой. Землю нередко прорывали скалы, каменных развалов повсюду не счесть, а ручьи прорезали себе местами узкие русла с вертикальными стенами такой высоты, что падение с неё прикончит даже чистого омегу с десятой ступенью просвещения.

Близость реки не угадывалась до последнего, несмотря на то, что лес в этом месте не был дремучим и часто отсутствовал на обширных пространствах. Черноводка открылась внезапно. Она здесь будто по рву протекала, её правый берег представлял собой сплошную скалу высотой метров в тридцать. И скала эта была даже не вертикальной, а хуже — обратно наклонённой стеной нависала над тёмными водами.

Сама река шириной не уступала Красноводке. В этом месте она разделялась на два одинаковых рукава, огибающих скалистый остров. Та его часть, которая находилась внизу по течению, была такой же высоты, как правый берег. И с двух видимых мне сторон такая же обрывистая. Зато сверху получилась плоская поверхность площадью около гектара.

Нижняя часть острова раза в три больше по площади, но ровных местечек на ней почти нет. Сплошные каменные изломы, уступами спускающиеся к реке. Заканчивался этот кавардак галечниковой косой, протянувшейся вдоль реки метров на двести.

Фактория располагалась в возвышенной части острова. От его неровной части её прикрывала грубо возведённая стена из больших камней, почти не обработанных. Метра четыре высоты этого сооружения и вбитые перед ней колья доказывали, что здесь есть чего опасаться.

С остальных сторон стена тоже была, но высотой уступала почти в два раза. Люди там больше уповали на природную защиту вертикальных обрывов. Лишь в одном месте поставили подобие башенки с закрывающимся проходом, ведущим сквозь неё.

Меж этим проходом и похожей башенкой на правом берегу протягивался подвесной мостик длиной около семидесяти метров. Два толстенных каната, служившие ему основой, несложно перерубить, после чего факторию останется лишь штурмовать с нижней части острова. А там и стена серьёзная, и туда ещё как-то попасть надо.

Сама фактория представляла собой тесное скопище построек из брёвен. Камень на них почему-то пожалели. В основном — невысокие жилые дома и хозяйственные сооружения, лишь в центральной части возвышались хоромы в два этажа.

Обоз заметили. По раскачивающемуся мосту потянулась цепочка встречающих. Перебравшись на берег, местные обитатели останавливались, собираясь в толпу. Или появление гостей столь важное событие, что полагается чуть ли не всем выходить навстречу, или эти люди займутся разгрузкой телег. Ведь повозки по узкому и шаткому мостику не пройдут. Да там даже лошадям делать нечего. Значит, все эти бочки, мешки и ящики придётся таскать вручную.

— Эй! Тунеядцы! — прокричал Кашик, обернувшись к хвосту обоза. — Шевелите живее ногами, вы почти дома!

Глава 13. Живой товар

Ступени просветления: 0 (60/888)
Атрибуты: нет
Навыки: нет
Состояния: нет

— Глупый мальчишка, я ведь тебе лишь добра желаю.

Голос Кашика прозвучал странно. Складывается впечатление, будто он и правда желает мне добра, а не пытается отвертеться от неприятных вопросов.

К тому же он от них отвертеться уже успел. Как и предостерегал Рисер, стребовать назад свои деньги у меня не получилось. Кашик с самым честным видом выкатил мне встречный счёт, в котором фигурировало спасение от звериных клыков (которое я не заказывал), комфортабельная поездка на повозке (большую часть которой я на своих двоих прошёл) и, разумеется, кормёжка. Судя по словам главного обозника, она включала и завтрак, и обед, и ужин, и даже полдник. Причём — сплошные деликатесы сдобренные дорогущими специями.

В общем, задолжал я столько, что моих денег и на половину оплаты не хватит. А расплачиваться как-то надо. Причём, прямо сейчас.

Я упрямо покачал головой:

— Ячменная каша и одной монеты не стоит. И ещё я спас из реки мешок твоих специй. Да ты за них должен вернуть не только все мои деньги, да ещё и доплатить столько же.

— Эта работа ничего не стоит, — буркнул обозник. — Всем было тяжело, всем пришлось что-то делать. Ты не отбивался от разобойников, тебя защитили мои люди. Если бы не они, тебя бы убили. И после этого ты требуешь плату за тот мешок? Экий ты наглец. Мало тебя пороли, ой мало. Да и чего кочевряжишься? Ведь у господина Эша тебе будет хорошо. Ты слаб, ты ни на что не годен. Твой господин будет о тебе заботиться.

Я снова покачал головой:

— Нет. Я свободный человек. У меня нет и никогда не будет господина.

— Хочешь подохнуть от холода и голода? Зимой здесь это часто случается с такими, как ты.

— Зато я умру свободным.

— Да что ты вообще понимаешь в свободе? Тупой ты пацан. Ну и хрен с тобой, делай, что хочешь. Но когда будешь подыхать от голода, вспомни мои слова. Может тогда дойдёт, что Кашик желал тебе только добра.

Обозник отвернулся, показывая, что разговор окончен.

В принципе — нормально. Да, я не возвратил свои деньги, но и не попал в кабалу к какому-то господину Эшу. Уж не знаю, что там за забота прилагается, зато точно знаю, что я этому неведомому хозяину не более чем дешёвая рабочая сила. А с такой здесь церемониться не принято. Не далее как вчера пришлось бродить по броду, кишащему кайтами. И Кашик считал, что это вполне нормально.

Нет, хозяин мне однозначно не нужен.

Холопы — это не рабы. Это люди, частично потерявшие свободу, но имеющие возможность её вернуть. Одни попадают в это состояние на ограниченный срок, другие потенциально навсегда. Однако таких можно выкупить, или они сделают это самостоятельно, накопив средства.

Хозяин не имеет право убивать холопа или подвергать серьёзным физическим наказаниям без веской причины. Однако в его силах сделать жизнь зависимых людей невыносимой. Или подставить с заданием по доставке очередного мешка из застрявшей посреди реки телеги. К тому же, для тех, кто имеют власть над людьми, законы в отношении зависимых носят рекомендательный характер. И чем дальше от цивилизованных мест, тем меньше на них обращают внимание.

Здесь такая глушь, что дальше некуда. В Лихолесье хозяин может творить с холопом, что угодно. Особенно с таким слабым одиночкой, как я.

Будь возможность, я бы держался от такого места подальше. Однако альтернативы нет. Сам я не выживу в лесу, а уговаривать Кашика взять меня назад, на юг, это двойной риск. Он ведь за время пути непременно придумает способ пристроить меня повыгоднее. Обставит всё так, что не отвертишься. И вряд ли мне это понравится. Ну и не надо забывать про события в усадьбе. Убийцы пришли поставить кровавую точку в летописи клана Кроу. Но пока я жив, ни о какой точке не может быть и речи. Так что, весьма вероятно, меня там ищут с такой тщательностью, что не пропустят, если вернусь.

Да, подростков моего возраста и внешности там немало. Однако я буду пришельцем без родных и друзей. Это уже бросается в глаза. Плюс по истечении срока амулет потеряет силу. И тогда я стану полной развалиной, что весьма удивит окружающих. Здесь может и нет Интернета, но необычные новости разносятся быстро. Остаётся лишь гадать, что случится быстрее: моя смерть, которая без материнской заботы не заставит себя долго ждать; или появление тех, кто жаждут завершить дело с постановкой последней точки в клановой летописи.

В общем, я и так прикидывал, и эдак. По всему выходит, что оптимальный вариант — отсидеться в глуши. А это значит, что придётся остаться в фактории.

Но в неё ещё надо как-то попасть. Пока обозники и приданные им грузчики сваливали поклажу перед мостом, чуть в сторонку согнали всех холопов и несколько добровольцев, заявившихся сюда ради заработка. Ну и меня заодно с ними. То есть всех, кто должны были здесь остаться.

Около получаса нас игнорировали. И местных и обозных больше заботил груз. И особенно сильно их беспокоило то, что часть его пропала. Кашик отчаянно ругался и размахивал руками, рассказывая здешним хозяевам о снайпере, бьющим точно в глаз за сотню шагов, о застрявшей телеге, о матёрых кайтах, наведённых на брод чьей-то злой магической волей. Жаль, я не всё сумел расслышать из-за хоровой матерщины грузчиков. Но, судя по жестикуляции и отдельным пробившимся словам, нас атаковала стая монстров из фильма «Челюсти», а из кустов постреливала дивизия Робин Гудов и Вильгельмов Теллей. Лишь невероятный героизм главного обозного и доблесть его правой руки — Атами позволили отделаться всего лишь одной жалкой повозкой. Плюс, часть ценного груза с неё получилось спасти. Естественно, о том, что в этом есть и моя заслуга, упоминать постеснялись.

Держать нас на камнях до полуночи не стали. Разобравшись с грузом, высокопоставленные встречающие проследовали к нам. Не считая Кашика, было их трое и выглядели они совершенно по-разному. Один похож на сутенёра невысокого пошиба. Несмотря та тёплый вечер поздней весны, на плечи накинул шубу из дорогих мехов, а на голову шапку, высокую цену которой помимо мехов определяли массивные позолоченные украшения. Перстней и печаток нацепил столько, что при первом взгляде мне показалось, что их на нём больше, чем пальцев.

По всему видать, что это сам Эш — представитель «Трёх семёрок» и главное лицо в фактории Черноводка. Судя по тому, что мне удалось вытянуть из Рисера и Крола по пути, никем другим эта ходячая витрина мехового магазина быть не может. Очень уж настойчиво выпячивает богатство, плюс плоское лицо выдаёт уроженца востока, а Эшами там чуть ли не каждого второго называют.

Кто остальные два — без понятия. Увы, но мои спутники не очень-то делились сведениями, да и сами мало что знали. Они ведь обозники, надолго в фактории не задерживались. Да и любознательностью не отличались. Одно очевидно — это люди, у которых здесь есть власть. Здоровенный громила и невзрачный

мастеровой средних лет. Первого можно принять за телохранителя, но что здесь делает второй? Он не похож на человека, у которого есть власть. Хотя, если приглядеться, взгляд у него непростой. Это явно не рядовой работяга, это кто-то посерьёзнее.

Кашик, глядя на нас с таким видом, будто наблюдает самое отвратительное зрелище во Вселенной, с презрением протянул:

— Ну что, черви, теперь вам придётся работать, а не попусту харчи переводить. Это Эш, ваш новый хозяин. Всё, что сказал Эш, должно исполняться беспрекословно. Если Эш вас чем-нибудь огорчит, жаловаться на него вы будете самому Эшу. Вот этого господина зовут Макир. Он мастер горного дела. Те из вас, кто мечтают побыстрее отдать свои долги, должны доказать, что они могут ему пригодиться. У него самая выгодная работа, но кого зря он к себе не возьмёт. А вот это наша знаменитость, Гуго Обоерукий. Он во многих местах прославиться успел. Думаю, некоторые из вас слышали о нём плохое. Не верьте слухам, они врут, Гуго гораздо хуже, чем о нём говорят. Он следит за тем, чтобы здесь всегда и везде был порядок. А потому следить приходится за многим и многими. Всё запомнили?

— Где здесь мои холопы? — нетерпеливо спросил Макир.

Кашик указал на столпившихся отдельно семейных крестьян:

— Вот ваши лодыри.

— А почему двое лежат? — уточнил старший горняк.

— Дык говорю же, лодыри. Кайты их маленько покусали, вот и рады поваляться.

— Здоровых мужчин почти нет. Одни бабы да дети сопливые. Ты кого к нам опять привёз, Кашик? — сурово вопросил Эш.

Обозный суетливо пожал плечами:

— Кого дают, тех и везу. Я-то тут при чём? Ведь моё дело маленькое. Да и есть хорошее. Раз бабам мужиков не хватает, это разве плохо?

— Бабы или беременные, или страшнее, чем Гуго, — скривился Эш. — На таких лезть, это не радость, а работа получается.

— Ну не вечно же им беременными быть, — разумно ответил Кашик. — Как родят, так посимпатичнее станут. Задницы у некоторых, что надо, есть за что ухватиться. Мужиков у них не осталось, там вся деревня вдовами забита, не знают, куда девать. Вот и решили, что вам здесь свободные бабы пригодятся.

Эш невесело усмехнулся и покачал головой:

— Свободные бабы, это конечно хорошо. Но в шахте у Макира от них нет толку. А нам прямо сейчас нужны новые руки, ведь мы начали бить второй штрек. Макир думает, что новая жила будет

богаче прежней. Только как это проверить, если мастеров нет? К нам привозят тех, у кого нет навыков горного дела. И не всех получится обучить профессии. Да и время на это уходит. Прорва времени. Проклятое время, вечно его не хватает. Добывать от нас требуют сейчас, а не в будущем. И как мне теперь поступать?

Обозник пожал плечами:

— Это твоя фактория, а не моя. Моё дело — обоз. Я грузы вожу, а не советы тебе раздаю.

— Не хочешь, значит, советовать? Ну да, тут никто не захочет. Потому что нечего советовать. Ладно, я напишу письмо, и ты лично его доставишь. Раз грузы возишь, письмо тоже довезёшь. А что по остальным людям?

Кашик указал на отдельно стоящее многочисленное семейство:

— Эти не в долгах, этим приговор десять лет. Но здесь за пять можно освободиться, такой уговор был, вот и согласились. Вон тот старик — опытный горняк. А вот это его сын, тоже горняк. Жаль, не такой опытный, как папаша, но что-то умеет.

— Где получили навыки? — спросил Эш.

— Старший много где помахал киркой, а сын его на каменоломнях под Сатнарсаном в межсезонье подрабатывал.

— Всего лишь каменоломни… — скривился глава фактории. — Да и опытный старик не очень-то меня радует. Это конечно лучше, чем тупые навозники, но толку-то от его больных костей… Кто ещё?

Вперёд шагнул крепкий мужчина чуть старше тридцати лет и, не обращая внимания на попытки Кашика его перебить, представился:

— Вольная семья Дар. Я Дар Свенций, охотник. Высокие навыки капканов на мелкую дичь и ловушек на крупную. Есть особый навык складывания зверя. Высокий навык незаметности в лесу. Прокачиваю копьё и лук. Хорошо поднятый навык разделки дичи. Высшие силы забрали у меня старшего сына, но подрастает младший. У него тоже есть задатки охотника. Жена травница, но мор, который забрал сына, лишил её зрения. Различает лишь свет и тьму. Дочка тоже травница, вот только навык её так же слаб, как она сама. Но скоро сможет помогать семье. Я хочу провести здесь несколько лет, чтобы заработать на свой охотничий пост. И, конечно же, в первую очередь надо вернуть зрение жене. Она хорошая травница, а здесь для неё много работы.

Эш одобрительно кивнул:

— Без работы ты у нас не останешься. Если покажешь себя хорошо, мы поговорим о ссуде на гильдейского целителя. Вот таких, Кашик, привози сколько угодно. Таким мы всегда рады.

Свенций, вот, знакомься с Гуго. Он объяснит тебе порядок раздела добычи и определит в команду. Это всё, Кашик, или ты прячешь в телеге пару элитных мастеров по работе с высшими рудами?

Обозник оглянулся с таким видом, будто и правда собрался показать специалистов высшего класса. Но, увы, таковых за его спиной не оказалось. И вообще, нераспределённым остался всего лишь один человек.

Кашик указал на меня:

— Вот мальчишка ещё прибился по дороге.

— Беглый? — без угрозы уточнил Эш.

— Говорит, круглый сирота из свободной семьи. Мор всех забрал. Он на севере много народа выкосил.

Эш покачал головой:

— Он не похож на северянина. Черты лица тонкие, как у многих имперцев. И глаза почти синие. Редкий цвет даже у имперцев, а уж у наших так вообще не бывает.

— Да какая вам здесь разница, кто он и откуда? — заявил на это Кашик. — Обычный мальчишка. Руки и ноги на месте, работать сможет.

Макир покачал головой:

— Мне в шахту такой не нужен.

— Ну да, ты имперцев терпеть не можешь, это все знают, — насмешливо произнёс главный обозник.

— Да мне плевать, кто топтал его мамашу и бабок. Кожа да кости, его в моей шахте сквозняком пришибёт. Зачем мне такой смешной работник?

— Всего лишь вторая ступень? — прищурился Эш.

— Да, — смело ответил я.

Вольный человек должен уметь говорить за себя сам, а не доверять это вороватым обозным.

— В твоём возрасте некоторые до пятой добираются, — ухмыльнулся Эш. — Небось, ещё и неполный омега?

— Будущий альфа, — тем же тоном заявил я, уверенно глядя в глаза главного человека в фактории.

Тот на это рассмеялся:

— Какой забавный малец. Видно характер. Даже жаль, что бесполезный. Отдать его нашим карасям, так они такого борзого живьём съедят. Это уже не караси, это какие-то волчата подросли.

— Может к Толстому Ору его определить, — нехорошо ухмыльнулся Гуго Обоерукий.

— Нехорошо так с вольными поступать, — задумчиво ответил Эш. — Да и Толстяк любит мальчиков не каких попало, чтобы такие же, как он. В смысле, чтобы пухлые.

Мысли Эша, похоже, витали где-то далеко от меня. К тому же он нетерпеливо оглядывался, будто кого-то поджидал.

И, похоже, дождался.

По висячему мосту прошли ещё трое. Парочка плечистых мордоворотов в лёгких доспехах из кожи и каменного тростника тащили худощавого немолодого мужичка с оплывшим от побоев лицом и слипшейся от крови бородой. Приблизившись, они заставили его встать на колени, застыв по обе стороны от него.

Эш указал на эту сцену, грозно пояснив:

— Мамук присвоил то, что принадлежит фактории Черноводка. За это Мамук будет наказан. Если притронетесь к тому, что принадлежит фактории, с вами случится то же самое. И если не сможете отрабатывать хлеб, который едите, тоже будете наказаны. Здесь все работают. Лодыри у нас долго не живут. Зарубите это на своих носах. Давайте, покажите Мамуку, что он не прав.

— Милости! Смилуйтесь! — заорал избитый, завалившись на истоптанную землю, щедро изгвазданную лошадиным навозом. — Я ведь не смогу работать! Не смогу! Как же я тогда отдам долг?! Милости! Милости прошу!

Пара молодчиков, не обращая внимания на повторяющиеся вопли, навалились на Мамука. Миг, и его правая рука отставлена в сторону. Ещё миг, и будто из воздуха материализовался плоский камень.

А затем Гуго, неспешно приблизившись, вытащил из-за пояса топор, небрежно крутанул в ладони, чуть присел и нанёс жесточайший удар плоской стороной оружия. Ладонь оказалась меж каменной наковальней и увесистым железом. Даже за пятнадцать шагов я прекрасно расслышал омерзительный треск раздробляемых костей.

Боль или страх тому причиной — не знаю. Но Мамук даже не вскрикнул. Просто затих, расслабился, повиснув на руках мучителей. Сознание потерял, или даже сердце не выдержало.

Не самая плохая смерть, если подумать. Ведь даже я, не особо искушённый в медицине человек, понимаю, что кисть раздроблена до состояния, за которым даже на Земле может последовать ампутации. Или, в лучшем случае, её восстановят, но вот о былой функциональности не может быть и речи. Здесь, в Роке, Мамуку потребуется целитель с хорошо развитым навыками. А это стоит хороших денег, коих у него, скорее всего, нет.

Эш почему-то обернулся на меня и, как ни в чём ни бывало спросил:

— Ну как малец, рад, что попал на Черноводную?

— Пока что не уверен, — честно ответил я.

— И что же тебе здесь не понравилось?

— Вы так и не сказали, куда мне идти. А вы здесь главный человек, я не могу сделать этот выбор без вашего слова.

— Интересный ты малец… — одобрительно заявил Эш. — Может даже выживешь. В работники тебя не возьму. Мал ты и ни на что не годишься. Но у нас любой может на кашу заработать, если не лодырь.

Повернувшись к Гуго, он насмешливо произнёс:

— Определи его к Безмозглому.

— Так у нас почти все безмозглые, — равнодушно заметил громила, пряча топор обратно за пояс.

— Я про Бяку.

— К упырю? Да он же его ночью сожрёт.

— Ну так никто этому мальцу лёгкую жизнь не обещал. Голова у него точно есть, а у Бяки есть почти всё, кроме неё. Глядишь, из двух таких калек один кривой работник получится. Эй, Кашик, если у тебя всё, иди за нами. Надо попробовать того вина, которое ты привёз. И если оно такое же кислое, как в прошлый раз, мы тебе точно все зубы пересчитаем.

Глава 14. Бяка

Без изменений

То, что с Бякой что-то не так, я понимал изначально. Ну да я не в том здесь положении, чтобы брезговать назначением и потому пришлось смолчать.

Когда первый встречный молодой мужчина на вопрос, где здесь можно найти команду Бяки, ничего не ответил, а просто рассмеялся, я понял, что глубина проблемы несколько больше, чем я рассчитывал.

С этим Безмозглым что-то очень и очень нечисто.

Но мужчина, посмеявшись, всё же сжалился:

— Нет у него никакой команды. Это над тобой кто-то пошутил. Глаза у тебя слишком синие, над такими у нас шутить любят.

— Если это так, получается, Эш у вас большой шутник.

— Ты что, новенький? — резко стал серьёзным мужчина.

— Да. Меня зовут Гед, и господин Эш назначил меня в команду Бяки Безмозглого.

— Тогда ты попал, малец. Серьёзно попал.

— Может и так. Но хорошо, если вы подскажете, где эту команду искать. Уже темнеет, а я в вашей фактории первый раз.

— У Бяки нет команды, — повторил собеседник. — Бяка — упырь.

— В каком смысле? — не понял я.

— Да в прямом. Его мать с упырём согрешила. Бегала к нему в лес, пока пузо не выросло. Народ разозлился на это дело и сжёг их подворье. Только она и спаслась, да выродка своего спасла. Устроилась в факторию, здесь ведь всем насрать на то, кому она подмахивала. Даже мужика себе нашла, такого же непутёвого, как сама. Устроились на новый пост, а тот возьми, да сгори. Всех там убили, кроме Бяки. Тот сам добрался до фактории и скулил здесь ночью перед мостом, просил впустить. Тёмное дело какое-то. Поговаривают, что детей взрослые в лес отправили, когда всё началось. Но добраться до Черноводки смог лишь Бяка. Вот и ходят слушок, что он их того. Не зря же говорят, будто упыри ничем кроме человечины не питаются. А у детишек мясцо небось нежное, сладкое.

На последних словах мужик причмокнул, от чего меня передёрнуло.

Тот, заметив мою реакцию, хохотнул и указал влево:

— Да не трясись ты. Наш упырь кашу жрёт за милую душу. Но ты это… поосторожней с ним. Сам понимать должен. Иди до

конца главной стены. Там в углу сарайчик будет. Вот в нём Бака и обитает. Никого там рядом нет, никому не охота возле упыря спать. Мы все удивляемся, что ему до сих пор голову не проломили. Не любят у нас упырей. Есть за что.

Про упырей я знал немногое. Разумеется, знания не из первой жизни, это я просто наиболее подходящий термин подобрал. Но что там ничего хорошего не говорили, что здесь успел наслушаться всяческих негативных суеверий. В основном информацию по этой теме получил от прислуги, ведь всевозможные страшилки у них в почёте. Фильтровать глупости благодаря богатому опыту и наблюдательности я умел прекрасно, и потому сложилось впечатление, что не всё так жутко, как говорят.

Никакие это не вампиры, происходящие от людей, покусанных другими вампирами. Меня эта мифология ещё в первой жизни напрягала, в детстве. Всё не мог понять: если упыри происходят таким вот методом, откуда появился первый из них?

Здешние вампиры даже в легендах сильно отличаются от наших. Это я всего лишь аналогию подобрал. Ну а в реальности это всего лишь иная раса. Да, на вид странноватая, но поставь того же пигмея рядом с рослым белокожим скандинавом, и необразованная личность может предположить, что это разные биологические виды.

Да, собственно, на протяжении значительного периода земной истории так и считалось. То в пожизненное рабство определяли лишь за цвет кожи, то в зоопарке показывали, наряду с диковинными зверьми. Здесь, в мире, похожем на наше Средневековье, трудно ожидать иного отношения. Великое Очищение, как принято называть грандиозную резню, случившуюся при завоевании южанами северных земель, привела, в том числе, к уничтожению здешних анклавов упырей. Инородцев убивали просто за внешний вид. Скрыть его сложно, потому спасения не было. По слухам, лишь немногие спаслись, уйдя за Красноводку с немногочисленными уцелевшими представителями старых обитателей этих краёв — обычных людей. Те, в отличие от пришельцев, прекрасно уживались с другими расами.

Похоже, с одним из потомков этих упырей мне здесь придётся выживать в одной команде. Хочется верить, что дело действительно только в расовых отличиях, что все слухи про пристрастие к человеческой плоти не более чем глупые страшилки.

Тьма сгущалась быстро, но фактория не настолько велика, чтобы долго разыскивать сарайчик, местоположение которого мне

расписали столь подробно. Однако разум взрослого и много чего повидавшего скептика боролся с малолетним вместилищем, не желающим торопиться знакомиться с Бякой. Меня буквально ноги не несли. Даже мозг предавать начал, нашёптывая, что в этом полностью ненормальном мире можно столкнуться с такими вещами, о которых на Земле представления не имеют.

В общем, мне не улыбалось на ночь глядя приходить к кому-то, о ком поговаривают не самые приятные вещи.

Ниже по реке сверкнула молния, спустя несколько секунд до ушей донёсся раскат грома. Гроза приближалась, первые тяжёлые капли уже начали постукивать по дранке, покрывавшей крыши домов.

Если я прямо сейчас не спрячусь под крышу, быстро вымокну до последней нитки. А с моим никчемным здоровьем это грозит нешуточными последствиями.

Переборов детские страхи, поспешил вперёд. Туда, где скорее угадывался, чем просматривался, маленький сарайчик. Односкатное низенькое сооружение, вписанное в угол меж стенами фактории. В таком дрова хранить, или кур держать, но никак не людей. Однако альтернативы нет: или там, или на улице.

Двери не было, узкий проём закрывался толстой тростниковой циновкой. Холодные капли колотили по спине уже столь часто и сильно, что мне не понадобилось собирать всю свою решимость в кулак. Решительно приподнял преграду и полез во мрак, царивший внутри.

И оттуда, из этого мрака, навстречу ринулось что-то омерзительно-белёсое, страшное, явно нечеловеческое. В лицо ударило чужое дыхание вперемешку с шипящими звуками, складывающимися в слова:

— Не трооооооожь! Оно моёёёёё! Моёёёёё!

В небесах громыхнуло так, что земля подо мной содрогнулась. При вспышке молнии я рассмотрел подробности того, что со мной разговаривало.

И тогда я заорал. Заорал страшно, душераздирающе.

Вместе с упырём. Тот тоже во всю мощь глотки закричал, вполне по-человечески и дернулся назад, заваливаясь. При вспышке очередной молнии я заметил, как он, не поднимаясь, на четвереньках улепётывает в дальний угол сарайчика.

А затем стало абсолютно темно. Это я, неловко разворачиваясь, нечаянно освободил угол циновки, и теперь при вспышках молнии света почти не прибавлялось.

Следующие полчаса были, наверное, самыми долгими в моей жизни. Но не сказать, что ужасающими. Будь дело совсем плохо,

меня бы не остановила непогода. Да лучше под ливнем ночевать, чем с потусторонней сущностью, способной высосать тебя досуха.

Но голова всё ещё при мне, и потому вспомнил все предшествующие рассуждения и заодно прикинул, что никто не станет держать в фактории настоящего вампира. Люди могут говорить всякое, это у них не отнять, но реальность такова, что Бяка — странновато выглядит, но употреблением в пищу мне подобных не занимается.

И даже более того, он боится меня не меньше, чем я его. Скорее, даже больше. Я вот сижу возле входа, настороженно посматривая в его сторону, а он там время от времени скулит и всхлипывает. Если эти звуки не особенность его расы, или личные привычки, получается, Бяка там чуть ли не рыдает в два ручья, а вот у меня и в мыслях нет слёзы проливать.

Гроза начала удаляться, зато сверху прямо начало капать на макушку. Крыша явно не в порядке, по звукам можно определить, что это далеко не единственная протечка.

С трудом найдя себе местечко, где на голову не струилась вода, я с осуждением произнёс:

— Лодырь ты, Бяка. Мог бы крышу починить.

— Оно моёёёё, — неуверенно протянули в ответ.

— Да твоё оно, твоё. Не знаю, что, но твоё.

— Отбирать будешь? — недоверчиво уточнили из угла.

— Да сказал же, твоё это. Я уважаю право частной собственности.

— Моё. Оно моё. Оно у меня останется, — жалким тоном добавил к этому Бяка и осведомился о самом важном: — Бить сильно будешь?

— За что тебя бить?

— Не знаю. Мне никогда не говорят. Просто бьют и отбирают то, что моё. Ты, наверное, тоже так хочешь сделать, да?

— Угу, прям мечтаю. Да успокойся ты уже. Я не подраться пришёл, меня Эш к тебе в команду назначил.

— Эш?! Команда?! Нет никакой команды. И Эшу нет дела до меня. Ты обманщик!

— Ничего я не обманщик. Я с обозом приехал. И Эш сам сказал, что я теперь с тобой.

— Я понял, — напрягшимся голосом ответили из мрака. — Эш собирается отнять моё. Нет! Не отдам! Оно моё!

— Да как же с тобой сложно! — простонал я. — Не нужен ты Эшу. И я ему не нужен. Плевать Эшу на нас обоих. Сказал, что ты урод бесполезный, и что я тоже калека. Из нас двоих получится один нормальный работник. Работать мы с тобой вместе будем, ты понял? Может даже карьеру сделаем. Поднимемся, большими

людьми станем, переселимся в сарай побольше. Ну, чего скулишь? Мы с тобой одинаковые, нет смысла друг друга бояться.

— Не отберёшь? — недоверчиво уточнили из мрака.

Однообразный диалог начал надоедать. Потому я перешёл к тяжёлой артиллерии, дабы доказать, что не посягаю на неведомую собственность собеседника:

— Нет. Не отберу. Я даже с тобой поделюсь. Хочешь хлеба с салом?

— Конечно, хочу. Но нету.

— У меня есть.

— Я знаю.

— Откуда знаешь?

— Запах сказал.

— Нюх хороший, да?

— Сало пахучее, — захлёбываясь слюной, ответил Бяка.

— У тебя ножа нет? — спросил я.

— Никак зарезать меня удумал?! — резко насторожился упырь.

— А если голову включить? Как я сало тебе дам? Кусок большой, его резать надо.

— Ты поделишься со мной салом?! — с эмоциональной смесью недоверия и отчаянной надежды уточнили из темноты.

— Да, поделюсь. И хлеба дам. Хлеба мало и он чёрствый. Но зато без плесени.

— Рейнская мука, — со знанием дела заявил Бяка. — Нет ножа у меня. Но есть щепка. Острая она. Сало отрежет. Если шкурка не жёсткая, шкурку тоже отрежет.

— Хорошая идея. Только тяжело в темноте это делать.

— Сейчас станет светло, — загадочно пообещал Бяка.

Проблему освещения упырь решил уже знакомым мне способом. Где-то в тёмном углу у него хранилась крохотная соломенная клетка, в которой сидело несколько жирных местных светлячков. Такая же была у Крола. По словам обозника, если этих насекомых хорошо кормить, они могут целый год экономить свечи и факелы.

Не сказать, что это лампа на сотню ватт, но мрак в сарайчике рассеялся. При скудном переменчивом свете я разглядел Бяку подробнее и пришёл к выводу, что здесь не бояться, а плакать надо.

Ростом меня природа не обделила, в этом я не уступал большинству мальчишек своего возраста. Вот с комплекций — это да, сэкономила. Моё слабое тело не получалось откармливать и физически нагружать. Оттого я получился болезненно-хрупким, будто страдающий от неизлечимой смертельной болезни.

Что, в сущности, соответствует истине.

По Бяке не понять, сколько ему лет. Черты лица и правда напоминают вампирские, а они существа без возраста. В принципе, если скрыть ненормально-острую нижнюю челюсть и такие же причудливые уши, лишь меловой оттенок кожи подскажет, что перед тобой необычный человек. В остальном это низкорослый и такой же, как я, болезненно-худощавый подросток. Одежда состоит из сложного нагромождения рваного тряпья, на голове запущенный колтун, ноги босые и грязные до черноты. При этом упырь не благоухает немытой вонью, похоже, что с гигиеной он может и не тесно дружит, но знаком.

Сало Бяка смаковал так, как лакомки конфеты и мороженное не смакуют. По всему заметно, что такая еда для него является редчайшей роскошью.

Не удержавшись, я спросил:

— Ты что, давно сало не ел?

Тот, призадумавшись, неуверенно ответил:

— Я не помню сало. Помню запах. Нюхать дают. Есть не дают.

— Жадные твари.

— Да, жадные, — согласился Бяка. — И моё отбирают. Всё время отбирают.

При последних словах он покосился на меня с подозрением.

Покачав головой, я заявил:

— Ты же видишь, я не отбираю, я наоборот делюсь. Сала немного у меня, а делюсь. Вот кончится сало, кончится хлеб, кто меня кормить будет? Ты, что ли?

— Я бы покормил. Ты добрый, тебя можно кормить. Но у меня нет ничего.

— И чем же ты питаешься?

— Утром работу дадут. Если сделаю, покормят. Салом не покормят, кашей покормят.

— А за работу платят?

— Кашу дают. Утром дают. И вечером дают. Днём не дают.

— Понятно.

— Но могут кашу не дать. Тогда голодным спать буду. Как сегодня. Работу сделал, но отобрали всё. Ничего не принёс сдавать. Сказали, нет работы, значит, и каши тоже нет. Теперь буду сытым. Сала мало, но вкусное оно, — Бяка выразительно покосился на мешок, в котором я держал остатки.

— Сало экономить надо, — заявил я на его намёк. — Если завтра еду не добудем, останемся голодными. Кто у тебя еду отобрал?

— Караси.

Вспомнив разговор с начальством фактории, я, тем не менее,

задал глупый вопрос:

— Тебя что, рыбы ограбили?

— Нет. Они не рыбы. Это пацаны местные. Нехорошие они. Сатат, Якос, Таши и ещё малой Татай с ними теперь. Карасями их называют, потому что они сети чистят от травы и мусора. И сушат сети тоже они. И Сатат, Якос, Таши и ещё малой Татай рыбу чистят иногда. А ловят её не они. Ловят старшие. Старшие меня не трогают. Только обзывают и подзатыльники дают. А Караси драться лезут. И когда злые, всё отнимают.

Бяка показал на левый глаз. Заплывший, с налившимся синяком под ним, он смотрелся красноречиво.

— А что за работу тебе дают? — продолжил я расспросы.

— Да всякую. Вчера поливать огороды помогал.

— А здесь разве есть огороды?

— Есть. Вниз надо спускаться, там есть грядки. Камни вокруг, земли мало. Маленькие грядки.

— Понятно. И за это кашу давали?

— Да. Кормили. А старая Мегера позавчера дала мне луковицу. Не очень большую, зато сочную и почти не гнилую. А сегодня сказала рвать черемшу. Я нарвал много, но когда поднимался, Караси отобрали корзину.

— Ну ты им хоть навалять успел?

— Нет, — Бяка опустил голову. — Их трое, а с малым Татаем теперь четверо. Хорошо, что не сильно побили.

— А убежать, или пойти другой дорогой?

— Снизу только одна тропа. И я медленно бегаю. У Сатата почти шестая ступень просвещения, мне от него никак не убежать.

— Не знаешь, куда нас завтра пошлют?

— Наверное, снова черемшу скажут рвать, — предположил Бяка. — Обоз пришёл, сало в бочках привёз. Сало с черемшей вкуснее, чем без черемши.

— А какой смысл черемшу у тебя отбирать? — спросил я. — Ведь задание именно тебе дают.

— Задание даёт старая Мегера, или хромой Рукко. А Караси черемшу относят в трактир к Толстому Ору. Он им за это даёт вкусную еду. Не кашу.

— Получается, они на тебе зарабатывают, а ты остаёшься голодным?

— Да. Они теперь всегда так делают. Всегда отбирают моё. Все хотят отобрать моё, — Бяка снова покосился на меня нехорошо, но тут же виновато отвёл взгляд, показывая, что ко мне претензий нет, просто привычка дурная.

— А в трактире, говоришь, еда вкусная?

— Пахнет вкуууууустно… — чуть не всплакнул Бяка. — Толстый Ор плохой человек. Но еды у него много. И вся вкусная.

— Завтра, значит, черемшу вдвоём собирать будем, — заявил я.

— И тебя побьют. И меня побьют. Нас обоих побьют. И всё отберут.

— Нет, Бяка, не отберут. Ведь нас теперь двое.

— Ну и что? У двоих тоже отбирать можно.

— Нет, нельзя. Ты у нас всё здесь знаешь. В этом твоя сила. А моя сила не отдавать то, что я заработал.

— Так они не спрашивают, они просто забирают.

— Даже если у них это получится, я всех их занесу в свой чёрный список.

— Это что такое? — заинтересовался Бяка.

— Это магия. Моя магия. Магия моего рода. Все, кто попадают в мой чёрный список, рано или поздно умирают.

— Ты маг? — настороженно уточнил упырь.

— Не совсем. Но моя магия работает. Не сомневайся, всё будет хорошо.

Уточнять, что за всё время из моего чёрного списка смерть добралась лишь до Трейи, я не стал.

Как и то, что моя так называемая мать погибла не от моей руки.

Незачем моему невеликому войску знать о столь деморализующих подробностях. Завтра у нас намечается схватка, следовательно, боевой дух полагается держать на высоте.

— Бяка, у тебя какая ступень просветления?

— Третья.

— И ты, конечно же, омега?

— Да. Говорят, я слабый омега. Я не понимаю в этом. Меня не учат.

— Ничего, я тебя научу. Лет тебе сколько?

— Я не знаю. Зимой Мегера сказала, что мне уже пятнадцать, наверное, исполнилось.

— О! Да ты большой.

— Сатат больше. Ему тоже пятнадцать, но он выше меня. И он сильнее.

— Ничего. Чем больше шкаф, тем громче падает.

— Ты хочешь уронить на Сатата шкаф? И где же мы здесь шкаф возьмём? И как дотащим до тропы?

— Нет, не совсем. Забудь про шкаф, это не наш метод. Давай спать. Не то не выспимся.

— Давай. Давно надо спать. Когда спишь, есть не хочется.

Глава 15. Нож с сюрпризом

Без изменений

Как это частенько бывает, утром о случившейся грозе напоминали лишь грязь и лужи. На синем небе ни облачка не видать, солнце поднимается чистое, без дымки на горизонте.

Поспешно перекусив скромными порциями хлеба и сала, мы отправились на поиски работы. Пожилая женщина, к которой меня привёл Бяка, выдала нам корзину, покачав при этом головой и сообщив, что вчера её вернул малой Татай, причём от черемши в ней остался только запах. Всё прекрасно понимая, она попросила на этот раз донести собранное к ней, а не к толстому Ору, иначе работники шахты снова окажутся без вкусной приправы к похлёбке.

Несмотря на имя, которым в моей первой жизни обзывали злобных женщин, Мегера оказалась столь добра, что выдала нам по куску вчерашней ячменной каши. Чудовищно невкусная еда, но нашей команде требовалась энергия, потому оба рассыпались в благодарностях.

Затем Бяка провёл меня к проходу в главной стене. На ночь его закрывали створки крепких ворот и железная решётка, но при свете дня здесь всё нараспашку. Ведь внизу, на склоне, зеленеют десятки клочков огородов, занимающих все ровные участки. А у подножия темнеет навес, под которым сушатся сети. Народ, занимающийся сельским хозяйством и рыбной ловлей, постоянно шастает туда-сюда, держать здесь постоянную охрану, дабы отворяла путь, фактория себе позволить не может.

Спускаясь по извилистой тропе, я старался запоминать всё, что попадается на глаза. Ну и анализировать не забывал. Огороды не впечатлили. Они совсем не похоже на продуманные до мелочей грядки Тшими. Обычная зелень и лёгкие в выращивании овощи с корнеплодами. Ни ягодных кустарников, ни деревьев плодоносящих не видать. С такими растениями справится любой человек, ведь специализированные навыки не потребуются. Прикажи мне, даже я сумею прополоть да полить. Однако эту работу выполняли исключительно женщины и девушки. Прямо сейчас прошли мимо двоих, махавшими деревянными тяпками.

У рыбаков увидел кое-что поинтереснее. Лодку вытаскивали на берег, а пара мужчин не напрягаясь, тащили навстречу нам корзину с уловом.

Проходя мимо, я, разумеется, на него взглянул и разочаровался. Килограмм семь-восемь некрупной рыбы. В фактории живут и работают сотни людей всех возрастов, им такая

добыча на один зуб.

Внизу при нашем появлении невысокий белобрысый парень отвернулся от вытащенной лодки и спросил:

— А где Караси?

— Я не знаю, — трясущимся голосом ответил Бяка.

Одно упоминание о недругах основательно выбило его из колеи.

— Да побери их Хаос! — мрачно прогудел парень. — Сети надо чистить. Сегодня одну траву наловили, рыбы почти нет.

— Может завтра улов будет лучше, — вежливо заявил я.

— Откуда ему быть лучше? Мелочь кайт здесь всё заполонила. В сети они не идут, чуют. Всю нормальную рыбу распугали. Из-за них даже не искупаешься на глубине. Вот же твари… Чего уши развесили?! А ну валите отсюда, пока не всыпал!

Отходя, я шепнул:

— Какой-то он необщительный.

— Это же Рурмис. Он злой очень. И он двоюродный брат Сатата, — опасливо пояснил Бяка. — Сатата если кто обидит, он сразу к нему ябедничать бежит.

— То есть, если мы навешаем Статату, нам придётся иметь дело с этим коротышкой?

— Ага. Снова всё отберут. Не дам им ничего! Не дам! Оно моё! Моё!

— Мне уже интересно становится, что же ты так сильно прячешь за пазухой, — усмехнулся я и, заметив, как напрягся Бяка, поспешил его успокоить: — Да всё нормально. Это я так шучу. Прячь там хоть корону императора, это твоё личное дело.

— А ты точно не хочешь забрать моё за сало? — боязливо утонил Бяка.

— Нет. Я понятия не имею, что ты там такое бережёшь, но оно явно подороже моего сала. И давай уже к делу перейдём.

— К делу? — не понял упырь.

— Черемша. Где она?

— Дальше надо идти. Где коса из мелкой гальки, там она вырастает. Быстро растёт. Рвать надо молодые стебли. Самые молодые. Они мягкие. Старые сильно жёсткие и не пахнут вкусно. И такие горькие, что во рту от них больно. Есть их даже свинья не станет. Молодые тоже горькие, но немного жевать можно. Я их ем, когда собираю.

— Голыми руками собираешь?

Бяка показал ладони, иссечённые многочисленными порезами.

— Вот. Это черемша так делает.

— Так зачем руками? — удивился я. — Ножом надо.

— Да, надо, — согласился Бяка. — Но у меня же нет ножа.

— Ты ночью без него сало резал. Неужели здесь ничего не придумал?

— Черемша не режется щепкой. Она даже молодая крепкая. А на старой повеситься можно. В прошлом году Рогалос так и повесился. Вот там, где рыбаков навес. Нарвал черемши, сплёл шнурок и повесился. Висел там с вороной на голове, пока не сняли. Красиво было.

— Какие-то у тебя странные понятия о красоте. А чего повесился? Он что, решил проверить, выдержит ли его эта трава?

— Зачем проверять? И так все знают, что выдержит. У него жена родила рыжего младенца с квадратной челюстью. Такая же, как у Огненного Пага. Рогалос пошёл бить Пага, а вместо этого Паг побил его. Тогда Рогалос спустился с горы и повесился. Он всегда был странным.

— И правда странный, — согласился я и остановившись, присел.

— Ты чего? — удивлённо спросил Бяка. — Черемша дальше растёт.

— Ты же сказал, что дальше коса из мелких камней. Правильно?

— Да.

— А мне нужны большие камни. Нам нужны.

— Зачем нам камни?

— Затем, что мы сделаем из них ножи.

— Ножи? Как можно сделать ножи из камня?

— Не уверен, что ножи получатся первоклассные, но это лучше, чем резать руки об траву, на которой ваши рогоносцы вешаются. Ищи вот такие камни.

— А почему такие?

— Потому что это правильный камень. Из него наши предки и ножи делали, и топоры.

— Никогда мне о таком не рассказывали, — удивился Бяка.

— Тебе тут много чего не рассказывали. Радуйся, теперь ты со мной в одной команде и сможешь узнавать интересные вещи. Ты читать, кстати, умеешь?

— Читать?! — переспросил Бяка таким тоном, будто я осведомился у него, умеет ли он летать на Луну без космического корабля и скафандра.

— Понятно, — вздохнул я. — Случай запущенный. Будем лечить.

* * *

Вы изготовили предмет: нож из кремнёвого лезвия с рукоятью из переплетённых стеблей старой черемши.

Получен малый символ ци — 2 штуки

Получено личное воплощение атрибута — «сила»

Получен личный знак навыка — «начинающий камнетёс»

С изумлением уставившись на сообщение, полученное от ПОРЯДКА, я перевёл взгляд на виновника происшествия.

Это убожество ножом называть так же уместно, как драный валенок туфелькой Золушки. Неровный клин, с превеликим трудом выколоченный из кремня. Ради этого уродца я разбил несколько глыб, напрягаясь при этом до потемнения в глазах. Из всего полученного материала лишь один осколок подходил для моего замысла. Осторожно обколотил один его край, формируя рукоять, которую затем обернул измочаленными стеблями черемши. Та росла, будто стрелки лука высотой до метра, а иногда и больше. И чем побег старее, тем крепче жилы. Такие порвать голыми руками нереально, приходилось камнями перепиливать.

И вот он — результат. Грубая пародия на ножик с лезвием сантиметров в семь. Благодаря природным свойствам кремня, острота приличная, но бритвенной её не назовёшь. Старую черемшу таким резать непросто.

Ну да дело не в ноже. Точнее, в нём, конечно. А ещё точнее — в том, как на эту жалкую поделку отреагировали высшие силы Рока.

Они удостоили меня чести признать моё мастерство. Да-да, вот эту пародию на нож сочли актом творения. Ремесленники высоких ступеней получают ци и всё прочее за редкие шедевры. А мне свалилось несколько подарков за уродливое убожество.

И что делать?

Что-что… Известно что — камни колотить.

Протянул нож Бяке:

— Это тебе.

— Мне?

— Да, тебе. Теперь это твой нож, ты его владелец.

Подарок будто испарился, с такой быстротой Бяка выхватил его у меня из руки.

Воровато оглядываясь, компаньон вкрадчиво-торжествующим голосом заявил:

— Моё!

— Да твоё оно, твоё, — подтвердил я. — Режь им черемшу, а я пока попробую себе нож сделать. Один на двоих, это как-то маловато.

На этот раз я был опытен, и потому знал, что выбирать

следует куски кремня самых неровных очертаний. Именно из них получались осколки нужной мне формы. Вот только с размерами у них не ладилось, потому с полчаса убил, прежде чем получил новую заготовку. Не такую удачную, как в первый раз, но и не сказать, что значительно уступает. Тратить время на новые опыты не хотелось.

Ещё полчаса ушло на завершение работы, и вот в моей ладони лежит новый нож. На сантиметр короче подаренного Бяке, зато удобнее обхватывается и смотрится симпатичнее. За такое изделие начинающего троглодита должны дать не меньше, чем за первый.

Вот только ПОРЯДОК мой трудовой подвиг проигнорировал. Ни намёка на подарок, или ходя бы пустое поздравление.

Мысли в голове начали складываться в замысловатый ответ. Но, увы, информации не хватало.

Покосившись в сторону Бяки, убедился, что тот всецело увлечён процессом срезания пучков черемши. Уже успел набить одну корзину и взялся за вторую. Инструмент ему явно понравился, так зачем лишать коллегу удовольствия, отнимая у него часть лакомой работы?

Потому я вновь принялся сражаться с кремнем.

На этот раз мне потребовалась особая заготовка. Десяток глыб перевёл, но результата так и не добился.

Сдавшись, выбрал пяток обломков приблизительно нужной формы и попытался доделать их аккуратными и точными ударами. Три сломал, но из четвёртого, наконец, получил то, что хотел.

К тому времени Бяка плотно набил обе корзины. Вернувшись ко мне, он уставился на заготовку и покачал головой:

— Этот нож какой-то тупой. Плохой получился. Сделай другой.

Разглядывая увесистый клин, я задумчиво заметил:

— Нет, это будет не нож, а кирка.

— Но зачем нам кирка? Нас ведь не посылают в шахту. И на рудник если и пошлют, дадут железную. А эта не подходит, она сломается сразу.

— Это не для шахты. Это будет наше оружие.

— Оружие? Зачем нам оно? Мы ведь не воины. И не охотники.

— Ты что, вечно собрался черемшу резать? — спросил я, и сам же себе ответил: — Эта работа для мелких и ни на что не годных неудачников. Это не наш путь, мы с тобой вырастем сильными и опасными. А всё потому, что у нас будет страшная каменная кирка.

— Тогда делай её поскорее, — заволновался Бяка, внезапно осознав, что без кирки у него не жизнь, а жалкое существование.

С рукоятью пришлось повозиться. Я подозревал, что результаты, полученные «как зря» ПОРЯДОК не примет. Значит, к выбору заготовки и её обработке следует относиться с максимальной серьёзностью.

Долго бродил по берегу, заваленному вынесенным рекой хламом. Наконец при помощи кремнёвых обломков подпилил подходящий сук, сломал его в одиночку, отказываясь от помощи Бяки, потому что хотел провести чистый эксперимент.

Затем часа два провозился, при помощи каменного ножа устраивая надёжный пропил. Справившись с этим, закрепил в нём кремнёвый клюв горизонтально, после чего крепко обмотал соединение перекрученными стеблями старой черемши.

Вы изготовили предмет: кирка из кремнёвого клина с рукоятью из рябины.

Получен малый символ ци — 2 штуки

Получено личное воплощение атрибута — «сила»

Получен личный знак навыка — «начинающий камнетёс»

Получен личный знак навыка — «начинающий столяр»

Вот теперь я, вроде бы, получил недостающий пазл. Ну и подарки от ПОРЯДКА тоже радуют.

Итак, все мои знания в этой области подсказывают, что в случае с лечением Рисера, ранением кайты, изготовлением первого ножа и этой кирки мне доставалось необычайно щедрое вознаграждение. С учётом ничтожности этих деяний в лучшем случае ПОРЯДОК мог расщедриться на пару символов ци. Ну и если сильно повезёт, на личный знак, открывающий соответствующий навык, а то и на воплощение атрибута.

То есть: пара единичек ци, один знак и одно воплощение. Но это если действительно очень повезёт. Такое случается раз в год и, конечно же, далеко не у каждого.

Мне же, как видно по последнему случаю, везёт так, что за раз могу отхватывать больше. Учитывая то, что удача меня предпочитала игнорировать, выглядит как-то странно. Это будто раз за разом выигрываешь в лотерею. Только со вторым ножом вышел прокол, но, кажется, я понял, в чём дело. Мои изделия слишком никчемные, то есть, некачественные. И материал низовой, и работа не профессиональная, без использования открытых навыков. За такие ПОРЯДОК если что-то и подкидывает, то лишь в первый раз, как поощрение. И сколько ни пытайся эту работу повторить, больше ничего от него не получишь.

Сегодня я стер ладони до крови, получив за это, помимо

прочего, четыре малых символа ци. В моей протекающей нулевой шкале насчитывается ровно девяносто единиц. Если сделаю ещё что-нибудь наподобие ножа и кирки, но только оригинальное, вероятно, покрою суточные потери.

Но этот путь сложный, трудоёмкий и бесперспективный. Сколько ещё уникальных изделий я смогу вытащить из скудных ресурсов галечниковой косы? Копьё, дубина, палица с каменными шипами, бумеранг, праща, лук… Много чего можно придумать, если напрячь мозги. Да за ту же полноценную верёвку, сплетённую из старой черемши, возможно, что-нибудь дадут.

И что дальше? Если предположить, что нас всё время станут направлять за зеленью, Бяке придётся работать за двоих, пока я мучаю натруженные руки. И целый день будет уходить на то, чтобы покрывать потерю из-за непрерывно улетучивающейся ци. Да, возможно я не допущу обнуления, но и прогрессировать не смогу.

Хотя с последним возможны варианты. Допустим, можно открывать атрибуты. Вдруг с ними всё в порядке, и они не начнут уменьшаться с каждый днём. Но этому мешает печальное обстоятельство, — на их открытие затрачивается ци. Если не ошибаюсь, при активизации атрибута её понадобится сто единичек. Нужно открыть ещё один, снова отсчитывай сотню. Исключения из правила делается только для того, что получают при рождении: стартовые Сила, Ловкость и Выносливость.

Увы, с этим мне не повезло. Значит, надо полагать, что платить придётся за всё. То есть, у меня сейчас попросту нет такого количества ци, чтобы активировать хотя бы один атрибут из трёх доступных — на пробу. И что совсем нехорошо, при текущем положении вещей мне столько набрать не успеть. Я, возможно, сумею долго удерживаться от обнуления. Буду доливать в свою прохудившуюся бочку всё, что добуду. И дотянув до истощения заряда амулета превращусь в прежнюю развалину.

А это конец.

Потому, хотя руки чесались залить полученные четыре единички, я не стал это делать. Тактически правильный ход являлся стратегическим шагом назад.

А назад нам идти не надо. Я ведь только-только начал ощущать вкус жизни. Такое впечатление, будто все эти ходы кровь в моих жилах оставалась холодной, как у покойника. А сейчас она забурлила, закипела, меня тянуло на подвиги, на великие свершения, я ощущал в себе силы перевернуть мир.

Всего лишь эйфория. Много ли надо вчерашнему инвалиду.

Но если я это потеряю — это всё. Какое бы чудо ни случилось потом, вряд ли оно меня поднимет. Потому что я это не перенесу,

я попросту сломаюсь.

Не знаю, что там хранит упырь, но то, что досталось мне от ПОРЯДКА, я не отдам.

Без этого мне не выжить.

— Слушай, Бяка, а в фактории торговцы есть? У кого можно покупать одежду, нитки и всё такое?

— Если есть за что, купить можно всё. Только у меня ничего нету. Ничего, — упырь тревожно ухватился за грудь, где держал своё неведомое сокровища и обретённый сегодня нож.

Протянул кирку Бяке:

— Держи. Это тоже твоё.

— Моё?! Оно правда моё?!

Как мало некоторым надо для счастья…

Глава 16. Искусство войны, караси и сомы

Без изменений

С каждым шагом градус решительности Бяки снижался. Он и так был близок к нулю, а как только начали подниматься по тропе, вообще в минус ушёл.

— Может переждём до темноты? — робко предложил упырь. — Можно спрятаться в тех корягах, где ты выламывал рукоятку для кирки.

— Спрятаться? Я так понимаю, ты уже пробовал это делать, но не очень-то получилось?

— Ну да. Там негде прятаться. Находят. Гады.

— Нет, Бяка. Забыл, что ли? Мы с тобой сильные и опасные. Сильные и опасные от мелкой рыбёшки не прячутся.

— Караси бывают крупными, — возразил упырь.

— Да, бывают. Крупными и жирными бывают. Это ведь хорошо. Люблю жирную карасятину. И ты полюбишь. И вообще, мы черемшу должны принести сейчас, или не видать нам вечерней каши.

— Доедим хлеб и сало, — мечтательно протянул Бяка. — Надо съесть самим, пока не отобрали. Караси вон там, за вторым поворотом. Они там часто играют, пока меня ждут.

— А почему там? Почему не подходят к тебе на косе? — уточнил я.

— Зачем на косе отбирать? Оттуда им самим придётся нести корзины. А тут я почти до стены сам доношу. Им так удобно.

— Сейчас мы им устроим забавные игры, — зловеще протянул я. — Держи кирку покрепче и сделай такой вид, будто ты сто лет не пил кровь и хочешь заняться этим прямо сейчас.

— Но я не хочу пить кровь.

— А ты представь, что хочешь. Ты всё время этого хотел. Они хотят отобрать у тебя твоё. Но они не поняли, с кем связались. Ты очень хочешь впиться в горло малого Татая. Сладкое нежное горло ребёнка. А потом киркой проломить череп Сатату. С такой силой проломить, чтобы его глаза вылетели и повисли на ниточках. Потом следующий удар, и Таши падает на землю. Лицо его в крови, он воет от боли и собирает по земле свои зубы. А Якос смотрит на всё это, и его штаны становятся мокрыми и тяжёлыми.

— Если я проломлю череп Сатату, он умрёт. За убийство Эш меня на кол посадит. Или повесит под мостом, если будет в

хорошем настроении.

— Не надо никого убивать. Просто представляй, что так и будет. Смотри перед собой, у тебя перед глазами должна стоять именно такая картина. Ты должен поверить сам, что мы можем этих Карасей порвать на лоскуты. И даже Эш за это ничего нам делать не станет.

— А почему это не станет? — усомнился Бяка.

— Потому что он сегодня добрый, как никогда.

— Что-то на него не похоже.

— И ещё он побоится со мной связываться.

— Почему побоится?

— Потому что я умею читать и писать. И у меня есть родовая магия: чёрный список. Кого в него запишу, тот умирает долго и мучительно.

— Как? — опасливо уточнил упырь.

— Сначала он гниёт, и трупные черви пожирают всё, что выпирает из его тела: пальцы, нос, уши, руки и ноги. Потом от него начинает…

— Мне хватит, больше я не хочу такое слушать, — побледнел Бяка, что при его меловой коже раньше казалось невозможным.

Задушевная беседа помогла скоротать время пути. Вот, наконец, мы вышли из-за поворота, и я действительно увидел Карасей. Шайка малолеток играла во что-то непонятное, подкидывая короткие палочки над тремя продолговатыми ямками. Все четверо были так увлечены процессом, что сразу нас не заметили. Пожалуй, можно даже рвануть мимо них. Пока очухаются, окажешься метрах в двадцати выше по тропе.

Только какой смысл? Ловкости у меня меньше, чем у Сатата. Догонит запросто. Бяка, вон, убежать от него не может.

Да и вечным отступлением войны не выигрываются.

Поэтому я даже не подумал притормозить или ускориться. В таком же темпе приблизился к четвёрке, и пользуясь тем, что все они были обращены к тропе спинами, коварно пнул под коленку среднего по росту из старшей троицы, и когда тот начал заваливаться, добавил ещё раз, точно в середину обтянутого серыми портками зада.

Вышло удачно, как и рассчитывал. Подросток завалился на грудь среди игровых ямок, приложившись при этом лицом о землю.

— Что за кретинские игры на моей дороге?! — рявкнул я, продолжая движение. — Ещё раз здесь увижу, отправлю на похороны.

Нагло и слишком примитивно. Но это всего лишь дети простолюдинов, предоставленные сами себе. Ноль образования,

мышление незамутнённое. Такие по голосу понимают, что к ним обратился сам барин, а не какое-нибудь отрепье обозное. А речь у меня отработанная, а я ведь, как-никак, здешний аристократ. Главное, давить сходу и быстро удаляться. Как только до них дойдёт, что происходит, это всё. Речами уже пронять не получится.

Честную драку со всей шайкой мы не потянем. Тело моё не потяжелело ни на килограмм, суставы болят так, будто их на дыбе пытали, мышцы тоже слезами обливаются. Сказываются последствия резкого подъёма показателей амулета. Здесь не сказка, здесь реальность, и если какой-то атрибут резко подрос, его вместилище старается адаптироваться в максимально кратчайшие сроки. И то, что это сопряжено с негативными ощущениями, преградой не является. Так что, эйфория накрыла только мою голову, а всё, что ниже шеи к военным действиям ещё не готово.

Ну а Бяка страшен только киркой. Которую, увы, он скорее выбросит, чтобы легче бежать было, чем пустит в ход.

Противники нам попались не самые расторопные. Пока поверженный мальчишка жевал землю, остальные ошеломлённо косились то на него, то на нас.

Наконец, самый мелкий, должно быть тот самый Татай, завизжал как девчонка:

— Урод! Урод уходит! Вот он!

Указывая, разумеется, на Бяку.

Ну а я, на ходу чуть обернувшись, ткнул в спутника пальцем и тем же тоном, полным неоспоримого превосходства заявив:

— Заткни пасть. Этот со мной.

— А… ну да… я же не знал, — залепетал Татай.

— Теперь знаешь, — равнодушно бросил я, продолжая шагать наверх.

Сейчас возможны два варианта развития событий. В первом Сатат быстро проанализирует происходящее и попытается нас остановить. На этот случай я знаю что делать, но и подставляться не желаю, потому шагаю пусть и с достоинством, но не сказать, чтобы медленно.

Второй вариант: мозг Сатата не отличается быстродействием. Или его сильно обескуражит появление у Бяки наглейшего спутника.

Дойдя до стены, я, не оборачиваясь, с усмешкой произнёс:

— Он выбрал второй вариант.

— Ты о чём сейчас сказал?.. — приглушённо спросил Бяка.

— О том, что мы сильные и опасные. Видел, как мы их?

— Ну да. Здорово ты Якоса уронил. Я хотел ему ещё

добавить, но пожалел.

Великая сила крепостных стен. Стоило Бяке за них зайти, и смелость его в одно мгновение удесятерилась.

* * *

Торговца звали Сом, что, после удачно прошедшей встречи с Карасями, казалось забавным. С рыбиной, являвшейся его земной тёзкой, его также роднили роскошные усы. Ну и упитанное телосложение тоже подходило.

Нас он встретил неприветливо.

Едва мы оказались на пороге склада, который заодно служил ему торговой точкой, как толстяк рявкнул:

— А ну проваливайте, пока я плакать вас не заставил!

— Уважаемый Сом, мы к вам пришли по делу.

— Это какие у вас дела ко мне могут быть? Своровать что-то хотите? Ну, валяйте, вперёд. Я даже ребят Гуго звать не стану, я сам вам руки оторву.

— Мы хотели бы у вас купить кое-что, — продолжал я оставаться вежливым, хотя это стоило мне немалых усилий.

— Ну надо же! Они хотят купить. Да у меня удачный день, такие клиенты на пороге. Только товар денег стоит, а их у вас, шаромыг малолетних, нет и быть не может. Проваливайте, вам сказано!

— Вы ведь принимаете малые символы ци?

Вид у торговца тут же стал слегка заинтересованный. Тут я всё рассчитал верно. Денег у нас и правда быть не может, им неоткуда взяться. А вот ци всем здесь заправляющий ПОРЯДОК раздаёт с элементами непредсказуемости. Иногда может за серьёзное деяние ничего не капнуть, а иногда на ровном месте единичку-другую срубаешь. Так что, самые слабые подростки способны на этой теме заработать. А уже они сами решают, в себя добытое вложить, или обменять на что-нибудь.

Расставаться с тем, в чём так остро нуждаюсь, жалко до слёз. Но это инвестиция в будущее, это то, что может помочь выбраться из мрака бесперспективности.

Если повезёт.

Степенно кивнув, Сом ответил:

— Конечно, принимаю. Но цена на них невелика, это ведь всего лишь малые символы. Чего вам надо-то?

— Крючки рыболовные есть?

— Конечно, есть. Вам какие надо?

— Можно посмотреть на все, что есть?

— За смотр я плату не беру. Но чтобы руками не лапать. Рыбу, стало быть, собрались половить?

Разглядывая предложенный ассортимент, я медленно кивнул:

— Да, хотим попробовать.

— Зряшная затея. Вокруг острова путной рыбы давно уже нет. Только кайты носятся. Они со всей Черноводки собрались, к воде подходить страшно. Так-то они вкусные, а печень у них вообще ух и знатная. Но на удочку не идут. Хоть с донкой, хоть с поплавком, хрен их словишь. И в сети с ловушками тоже не идут. Хитрющие твари.

— Знаю, — снова кивнул я. — И с лодок гарпунами их бить не получается. Неделю назад одну подстрелил охотник. С высоты обрыва заметил и попал из лука. Но она утонула, не досталось ему ничего, кроме малого символа ци.

— Ты же вроде из новых, откуда столько знаешь? — удивился Сом.

— Да так… ушами работать умею.

— А сам откуда? — продолжал допытываться торговец. — Из имперцев будешь?

— Нет, я родился на севере и никогда не был на землях Империи.

— Да ты на больше на крысоволка похож, чем на северянина, — недоверчиво заявил Сом.

— И всё же я северянин. Мне вот эти два крючка можно?

— На кой тебе такие здоровенные крючки? Говорю же, не осталось здесь нормальной рыбы.

— Мне нужны именно такие. И ложки у вас есть? Металлические?

— Прям металлические? Ты что, аристократом решил сделаться? — хохотнул Сом. — Вон, пара медных завалялась.

— Беру обе, — обрадовался я тому, что количество ложек совпадало с количеством облюбованных крючков. — И можно им ручки отпилить?

— А жрать ты ими тогда как будешь? — заинтересовался торговец.

— Есть секретные способы. И ещё вот здесь и вот здесь дырки сделать можно?

— Что-то у тебя совсем странные ложки получаются. Ты что это такое задумал?

— Дырявые ложки, это уже не ложки, это особые амулеты моего рода, для памяти предков, которых до смерти истязали в сырых темницах, — не моргнув глазом, соврал я.

— А чего это их там до самой смерти замучили? Что такое сотворили твои предки? Душегубством промышляли?

— Они были до последнего верны своему господину. А его клан, увы, проиграл войну.

— Ну, тогда да, тогда это дело святое. Верность чтить полагается, всё правильно. Хотя у нас для этого амулеты не нужны, но у всех свои порядки.

— И ещё мне нужна проволока тонкая. Вроде, больше ничего. Найдёте?

— Найду. С тебя за всё четыре малых символа.

Да уж. Совпадением с количеством ложек не ограничилось. Ведь символов ци у меня именно четыре.

Покачав головой, я улыбнулся:

— Мы ударим по рукам, когда на сдачу дадите нам еды.

— Какую сдачу? Нет там никакой сдачи. Сухарей пару дам, и проваливайте.

Да уж, торгуется Сом не очень. Да и цены у него ломовые.

Но это тот случай, когда пройтись дальше по базару не получится. На всю факторию он единственный торгаш с нужными нам товарами. Договариваться с мастерами выйдет дороже.

Очень жаль, что Сом так недружелюбен с клиентами.

* * *

Возвращаться в сарай я не торопился. Сдал заготовленную черемшу, получив от Мегеры щедрую порцию каши. Добрая женщина, не пожалела. Плюс её впечатлило количество душистой зелени. Да и качество тоже, ведь жёсткие основания стеблей упырь теперь не трогал. Срезал повыше, самую сочную часть.

Затем я забрался вместе с Бякой на стену, где, любуясь прекрасным видом на реку и раскинувшейся на левом берегу лес, мы смолотили и кашу от Мегеры, сухари от Сома, и почти всё сало от Румиса. Оставили чуть на завтра, чтобы поутру не браться за дело с почти пустым брюхом.

С кормёжкой надо что-то решать. И решать срочно. Мой организм переживал невиданный подъём. Мускулатура внезапно вспомнила, что ей надо увеличиваться, всё прочее тоже требовало своё, перестраиваясь на новый лад. Чтобы развиваться полноценно, требуется полный набор «кирпичиков»: белки, жиры, углеводы, витамины и микроэлементы. И, конечно же, особые специи Рока, без которых внутренние параметры останутся далёкими от максимальных значений.

Правда, учитывая объём вместилища моего ци, хотя бы в этом отношении ПОРЯДОК сделал исключение (что сейчас играет против меня). И кто знает, может моя ненормальность настолько

велика, что и атрибуты поднимутся сами по себе до высших значений.

С ними, в отличие от навыков, всё непросто. Количество атрибутов — это всего лишь цифра. В одной единичке твоей Ловкости может оказаться разное абсолютное количество. Если атрибут развит прилично, тебе на его получение потребуется, допустим, сорок штук малой сути Ловкости. Если он минимален, достаточно и десятка. И вот один человек экономит на спициях и потому качает Ловкость быстро, вкладывая минимум. А второй раздул её до состояния дирижабля, тратя в четыре раза больше. И тот и тот могут поднять атрибут до десятки. Но у первого в неё будет вложено сто штук малой сути, а у второго четыреста. И если эта пара затеет схватку, где важна именно чистая Ловкость, без навыков, первый проиграет однозначно.

Потому ни в чём не нуждающиеся аристократы — не простые альфы. Они альфы с завышенными атрибутами.

Не знаю, кто из меня выйдет, и выйдет ли вообще, но если уж начну поднимать свои параметры, надо изначально стараться делать это так, как полагается благородной особе.

Амулет мой, конечно, всего лишь эрзац. Временное решение проблемы. Но не исключено, что вшитые в него атрибуты работают в усиленном режиме. В них, возможно, условно влито если не по максимуму, то близко к нему. Если быстро приведу тело в норму, буду выглядеть приличным омегой на второй ступени просвещения.

И таким пробуду меньше двух месяцев, после чего жизнь моя завершится.

Если не найду выхода из тупика, в который загоняет меня время и неослабевающая утечка ци.

* * *

Основной материал построек фактории — древесина. Как правило — ошкуренные брёвна, подогнанные друг к дружке при помощи единственного инструмента — топора. Сушить ошкуренные стволы полагается долго, на что далеко не всегда находится время. Да и работать со свежим материалом куда проще. Потому большую часть домов и прочих сооружений возводили из сырого леса.

Климат на севере такой же сырой, как этот материал. Потому очень скоро перед обитателями фактории встал вопрос борьбы с гнилью. Решали его традиционным способом. Дожидались засушливого периода и обрабатывали брёвна кисляком.

Точный рецепт этой дряни я не знаю. Но зато прекрасно знаю, что если видишь вёдра с маслянистой жидкостью, держись от них подальше. Их, как правило, держат где-нибудь за углами, где никто не бродит. Там они должны стоять месяц-другой, пока кисляк не дозреет.

При этом жидкость разделяется на несколько слоёв. Верхний — та самая, похожая на тёмное масло. В глубине скапливается тяжёлая фракция, смолисто-чёрная и слегка вязкая, будто не слишком густой кисель. Именно этой липкой субстанцией обрабатывают нижние венцы деревянных построек. Это существенно продлевает им жизнь.

Перед использованием верхнюю фракцию сливают, после чего торопятся выполнить работу. При этом стараются дышать пореже, а ругаться почаще. Последнее обстоятельство я не мог не заметить, а пытливый ум, запертый в неполноценном теле, быстро разузнал о причинах негативного поведения шудр.

Дело в том, что нижние слои кисляка смердели так, что скунсы вешались от зависти. Вонь настолько ужасающая, что эта работа считалась самой не престижной. Даже чистка выгребных ям куда приятнее. Те, кому не повезло этим заниматься, обматывали лица тряпками, пропитанными душистыми зельями и затыкали носы восковыми пробками. Но помогало это мало.

— Высшие силы! — давясь словами, простонал Бяка. — Как же оно воняет!

— А я тебя предупреждал, что ведро надо поднимать осторожно. Если разболтаешь, всё перемешается. Вонь такая пойдёт, что глаза выест.

— Гед, зачем нам это?!

— Супец сварим, — невозмутимо заявил я.

— Суууп?! Нееееет! Я не буду есть суп из кисляка! — перепугался упырь.

— А зря, он наваристый получится. Да шучу я, шучу, откуда там навару взяться. Сейчас ещё одно ведро прихвачу, и пойдём.

— Ещё одно ведро?!

— Так тут ведь как раз парочка стоит. Нельзя их разлучать. И вообще, два лучше, чем одно.

— Гед, давай лучше просто пойдём домой. Уже поздно очень, Караси не будут нас караулить так долго.

— Сунь Цзы говорит, что ты не прав.

— Кто он такой? Я его не знаю. Такого в Черноводке нет.

— Говорят, он был мудрецом и стратегом. Много полезного говорил и записи после себя оставил. Знаешь, что он говорил про правила ведения войны?

— Не знаю.

— Он говорил, что главное правило заключается в том, что не надо полагаться на то, что враг не придёт. Полагаться надо на то, что у тебя в руках. То есть на то, с чем его встречать.

— И что у нас в руках?

— Ты сам прекрасно видишь, что в руках у нас вёдра с кисляком. Пошли, пока Караси и правда не устали нас ждать. Кстати, ты не врал, когда говорил, что хорошо видишь в темноте?

— Я ведь упырь. Я вижу лучше тебя. Но вижу плохо. Кошки видят лучше меня. Зато я чую. Кое-что. Чую, что нас будут бить. Наверное, сильно.

— Спокойно, Бяка. Я полководец, а ты мой единственный воин. Я обязан тебя беречь, иначе какой из меня полководец без воинов? Всё будет хорошо, вы в шаге от победы. Только помоги натянуть верёвку, а потом мы заставим наших врагов умыться слезами унижения.

* * *

От осторожно принесённого ведра воняло не так сильно, как из разверзнутой зловонной бездны позади уборной, но всё равно сидеть рядом с ним не очень-то приятно. Однако приходилось терпеть. Увы, сумеречным зрением природа меня не одарила, так что, удаляться от своего главного оружия чревато тем, что не успею его применить в нужный момент.

Ведро под одной рукой, а другая ухватилась за уголок разодранного мешка, накинутого на здоровенную клетку со светляками. Она должна висеть на углу крепости, но я решил, что если переместить её метров на десять, ничего страшного не случится. К тому же именно в это время происходит пересменка в главной башне, следовательно, глазастым наблюдателям некоторое время будет не до меня и моих тактически замыслов. Да и эта часть фактории располагается частично в мёртвой зоне. Не зря же именно здесь я решил дать Карасям главный бой.

Начало сражения со своей позиции я видеть не мог, зато мог предполагать, что именно там происходит. Четвёрка недругов, расположившихся у сарайчика, изнывала от нетерпения, ожидая, когда же мы наберёмся смелости и покажемся. Ничего поумнее столь примитивной засады они придумать не смогли. А сейчас, в полной темноте, им становится холодно и неуютно. Невольно закрадывается желание наплевать на всё и отправиться спать. Ну а завтра, при свете дня, спокойно выловить наглецов и поступить с ними так, как полагается.

Сидеть во мраке молча — это занятие не для них.

Переговариваются о чём-то, убивая время беседой. И за своими словами не слышат, как к ним коварно подкрадывается тот, для кого полной темноты не существует.

И в руках у него страшное оружие.

Глаза диверсанта безошибочно выделяют главнокомандующего вражеской армией. Шаги становятся короче и вкрадчивее. Вот уже он так близко к цели, что противники начинают нехорошо морщится, ещё не понимая, что почуяли запах своего разгрома.

И вот, будто кинжал из-под плаща, из мрака наносится ошеломляющий удар.

Ну, то есть, не совсем удар. Может маленько и стукнуло, тут ведь идеально всё рассчитать сложно. Но вообще предполагалось обойтись без серьёзных физических травм.

Моральных это ограничение, разумеется, не касается.

Я насторожился, расслышав где-то вдали по проходу, который вёл вдоль стены, непонятную возню. Похоже, процесс начался.

А затем в темноте послышался неописуемый крик. В одном мощном звуке слились безумная ярость, непонимание, страх и невыносимое отвращение в сочетании с великой обидой на несправедливость бытия. Удивительно, как много пытается поведать миру человек, после того, как стаскивает с себя наполненное выдержанным кисляком ведро, надетое на голову злодейскими руками.

Но выведенный из строя главнокомандующий — это ещё не вся армия. Не затронутые вероломным нападением бойцы помчались за диверсантом. Благо тот бросился в проход, чуть подсвеченный отблесками пары «биологических светильников» располагавшихся на стене прямо над ним.

Вот и подошло моё время.

Дождавшись, когда мимо не очень-то спешно промчится Бяка, я, больше полагаясь на уши, чем на зрение, дождался, когда один за другим покатились три преследователя. В отличие от упыря, низко натянутую верёвку они не видели и даже не подозревали о её существовании.

Скинув тряпку с клетки, я слегка осветил район намечающегося злодейства. Пнул в бок уже почти поднявшегося Якоса, дабы не забывал про знакомство с моей ногой и заодно завалился на двух своих подельников. А затем потянул за верёвку, набросив на троицу рыболовную сеть, которую они перед этим столь любезно ради нас высушили.

Дальше слегка отхлестал всех троих гибкой веткой, заставляя паниковать, суетиться, принимать опрометчивые решения и,

следовательно, безнадёжно запутываться.

А потом неспешно вернулся к фонарю, и подхватил ведро, не забыв перед этим обернуть ладони лопухами, дабы не испачкался.

Примерился и расплескал содержимое на всю троицу, никого не обделив.

У малого Татая оказался очень звучный голос. Да и Сатат, отплевываясь от последствий унижения, продолжал орать что-то невнятное, то и дело срываясь на вой голодающего волка. Со стороны башни засверкали отблески факелов, да и среди домов наметилось движение. Народ тут пуганый, ночной переполох без внимания не остался.

Оставив Карасей разбираться с ситуацией самостоятельно, я последовал по заранее намеченному маршруту отхода. Лишь в одном месте пришлось затаиться, пропуская мимо стражника с зажжённым факелом. В остальном всё обошлось без происшествий. Даже на финише, где изначально предполагал встретить сложности, никого не оказалось. Сатат или сам ушёл дальше по проходу, или его увели к основному месту событий. Голос у него звонкий, узнаваемый, на всю факторию что-то орать продолжает.

Бяку я нашёл на месте. Тот, забившись в угол сарайчика, клацал зубами. Наверное, от избытка положительных эмоций.

Прислушиваясь к шуму на улице, я утомлённо-довольным голосом заявил:

— Мы отогнали врагов от нашего жилища. Ну как тебе битва?

— Они нас за это убьют! Убьют! Если не сегодня убьют, убьют завтра!

— Тут за убийство на кол сажают.

— Вот Эш и убьёт! — не отступал от своего Бяка.

— И за что нас убивать? Мы просто делали свою работу. И делали хорошо. А Караси нам мешали. Вот мы им и объяснили, что нельзя вести себя так плохо.

— Караси нас точно убьют. Точно. И они ещё и Рурмиса приведут, — чуть потише заявил Бяка. — Поймают толпой и убьют.

— Забудь. Им завтра весь день придётся отмываться. А может и послезавтра. Кисляк — это серьёзно.

Не сдержавшись, я рассмеялся.

Бяка несколько секунд пытался предаваться печали, но потом тоже присоединился к веселью.

Вот только смех у него был скорее истерический, чем радостный. Ну да ничего, пообщается со мной подольше, научится радоваться, как нормальный человек. Я его быстро хорошему научу.

А если сам не справлюсь, Караси помогут.

Глава 17. Сафари для сумасшедшего

Без изменений

— А не назвать ли вас Дерьмецы?.. — задумчиво произнёс Эш. — Это звучит получше, чем Караси. Да и правильнее будет. Очень уж вам подходит.

Четвёрка наших недругов старалась смотреть куда угодно, лишь бы не на главу фактории, а при его последних словах Татай даже губы раскатывать начал, собираясь расплакаться от великой обиды.

Эш развернулся на меня с Бякой:

— Или лучше вас так назвать?

Я пожал плечами:

— Если фактория Черноводка станет сильнее оттого, что меня с Бякой назовут командой Дерьмецов, пусть так и будет. Это ведь в общих интересах.

Уставившись на меня как-то странно, Эш спросил:

— Да ты кто вообще? Только не рассказывай, что с крестьянского двора сбежал. Скулы острые, губы тонкие, глаза синие, держишься слишком уверенно. Из тебя такой же крестьянин, как из меня продажная девка.

Подпустив в голос нотки загадочности, я пояснил:

— Я наследник престола, путешествую по своим землям инкогнито, и не имею права раскрывать свою личность. Так что, прошу прощения, но вынужден промолчать.

— Да ты и правда крестьянского навоза сроду не нюхал, — уверенно констатировал Эш. — Если и сбежал, то не со двора, а с балагана, где актёры и шуты. Руки бы тебе переломать за то, что учудил, но если это сделать, чем ты тогда дерьмо из уборной вычёрпывать станешь?

— А можно как-нибудь обойтись без вычёрпывания? — деловито уточнил я.

— Неееееет, — протянул Эш. — Ты будешь это делать. Голыми руками будешь делать. И дружок твой, упырь, тоже будет дерьмо черпать. И эти дерьмецы вам помогут. Там, в яме, как раз познакомитесь поближе. Может даже подружитесь и перестанете честному народу спать мешать. А за то, что так нас повеселили, я прикажу вас даже покормить. Я так на представлении шутов базарных не смеялся, как над тобой, Сатат. И хватит уже плеваться. Понимаю, что твой рот помнит плохие вещи, но хватит. Впредь не забывай, что пасть не везде можно раскрывать.

— Прошу прощения, а можно уборной заняться во второй половине дня? — поинтересовался я.

— А чем тебе первая не понравилась? — удивился Эш. — Быстрей начнёшь, быстрей разделаешься. Оно что с утра, что вечером воняет одинаково.

— Дело в том, что на первую половину для у меня запланирована рыбалка. Рыбы фактории не хватает, вот и решил поймать кайту пожирнее.

Эш закатил глаза:

— Да тебе и правда быть шутом великим, когда подрастёшь. Если, конечно, раньше не повесят за шуточки. И ты знаешь, я, пожалуй, ещё посмеюсь. Хорошо посмеюсь. Даю тебе время до полудня. Если не поймаете за это время кайту, вычерпаете из уборной всё то, что дерьмецы вычерпать не успеют. А потом второй уборной займётесь. Да и моим нужником тоже. Чего ему без дела стоять. Караси тогда другими делами займутся, вы и без них справитесь.

— С этим всё понятно, — деловито кивнул я. — А на что мы можем рассчитывать, если добудем кайту?

— Первый раз такого наглого пацана вижу, — покачал головой Гуго, всё это время молча посмеивающийся в сторонке.

— Угу. Наглее не бывает, — согласился Эш. — Ну да я человек справедливый. Кайту, так и быть, себе оставляйте, делайте с ней что хотите и помните мою доброту. А с уборными Дерьмецы сами разберутся, без вас. Нам ведь и правда нужны хорошие рыбаки, а хорошим рыбакам не с руки в дерьме копаться.

Последние слова были переполнены насмешкой, но я кивнул с самым серьёзным видом:

— Благодарю вас, господин Эш. Теперь всё понятно.

— Понятно, говоришь? Тогда валите с глаз моих. И не забудьте, в полдень я должен видеть вас всех шестерых в одной яме. Попытаетесь схитрить, я над вами так пошучу, что смеяться даже Гуго не захочет. А Гуго у нас тот ещё весельчак, он ржал даже тогда, когда болотная зубатка жевала яйца Вэйга. Вэйгу было не до смеха, и вам тоже смешно не будет.

* * *

— Я даже рад, — потерянно произнёс Бяка, когда мы спускались к косе. — Теперь мы будем чистить уборные сами. Это хорошо, что сами. С Карасями я делать это не хочу. Нехорошо получится, если мы и они. Плохо только, что уборных будет три. Но это лучше, чем одна, но с Карасями.

— Их группировка вынужденно сменила название, —

напомнил я.

— Я боюсь их так называть, — засомневался Бяка. — Ещё побьют. То есть побьют обязательно. И сильно.

— Ты ведь считаешь, что смерть мы уж заработали. Так зачем бояться каких-то тумаков? И вообще, говорю же тебе, забудь про них.

— Как можно забыть?

— А так и забудь. В ближайшее время они к нам точно не сунутся.

— Почему?

— Потому что я даже не думал, что Эш так взбеленится. В разборки мальчишек полез. Несолидно это для такого человека.

— Но ведь нельзя шуметь ночью. Это правило.

— Всё равно не его уровень. Скучно ему, наверное. Вон как обрадовался, что мы его посмешили. Даже Карасей не забыл, отблагодарил за доставленную радость новым названием.

Бяка злорадно хохотнул:

— Да. Это было жестоко. Мне понравилось. Это будет меня радовать при чистке выгребных ям.

— Ямы пусть Дерьмецы чистят. У них и название подходящее для такой работёнки. А мы с тобой будем ловить кайту.

— Я думал, ты про рыбу шутишь.

— Какие шутки? Зря мы что ли, столько добра покупали вчера у Сома? Мы это не просто так брали, мы готовились охотиться на кайту.

— Охота на кайту? — голос Бяки был полон скепсиса. — Ложки дырявые: две; крючки бронзовые, кованные: два, проволока медная, ювелирная. Как можно вот этим охотиться?

— В охоте главное, это охотник, а не то, чем он охотится, — я выразительно указал на свою голову.

— Ясно, — вздохнул Бяка. — Если будем работать хорошо, за четыре дня вычерпаем все три уборные. Ещё и кормить пообещали. Я почти этому рад. Дерьмо у нас Караси отобрать точно не смогут.

* * *

Кайты — рыбины умные. Разве что мелкая способна сглупить, или в состоянии дикого возбуждения, как случилось с моей жертвой на переправе через Красноводку. Как и всякие существа порядка, развиваясь, они обзаводятся атрибутами и навыками, причём набор у них специфический. Благодаря этому их не заманить в сети и ловушки, и они игнорируют вкусные приманки

с укрытыми в них крючками. Яды тоже чуют прекрасно. Осторожность и агрессивность уживаются в них гармонично, на рожон не лезут.

Один лишь раз я столкнулся с исключением из правил. Когда впервые увидел кайт. Они тогда дружно набросились на предложенные им кровавые тряпки. Но надо признать, что те ловушки были неэффективны. Одной рыбине повредило рот, но не фатально. Она бы сумела освободиться от здоровенной «занозы», но собратья не дали. Слишком много их в одном месте собралось, слишком возбуждены. Они ведь создания одиночные. Плюс способ, которым их туда согнали — непонятен. Он мог сильно отразиться на поведении рыб, принуждая к нетипичным для них действиям.

Как бы там ни было, в итоге ПОРЯДОК признал, что я внёс свою лепту в процесс убиения рыбины, за что полагается награда.

И тогда же я заметил, что кайты реагируют на движение. И до этого о таком слыхал, но там столкнулся воочию.

Затем уже в фактории поговорил с народом. В основном с Мегерой. Как ни странно, она знала многое об обитателях Черноводки. И даже припомнила, как однажды обронила в реку колечко. Простое, медное, оно упало на мель. Достать несложно, да только река не позволила. Откуда ни возьмись вынеслась длинная тень и проглотила украшение, не позволив ему достигнуть дня.

Вот тогда-то пазл и начал складываться.

Начищенная ложка, лишившаяся ручки. С одной стороны закреплён массивный крючок, с другой накручено проволочное кольцо, за которое примотана тонкая бечёвка из размочаленных стеблей старой черемши, связанных поодиночке. Пока они свежие, на них вешаться можно (проверено бедолагой Рогалосом). Мы с Бякой со всей дури тянули её в разные стороны, но лишь узлы крепче стали, порвать не удалось.

Второй конец снасти я обвязал вокруг пояса. Это чтобы не потерять в случае чего. У меня ещё есть запасной комплект, но он последний, другой уже покупать не на что. Да и время на возню с ним потратим, что чревато. Ведь до полудня не так уж и долго ждать, а три уборные вычистить, да ещё и голыми руками — это чересчур.

Глядя, как я забредаю в воду, Бяка упавшим голосом спросил:

— Ты собрался охотиться на кайт вот этим?

— А есть другие предложения?

— Есть. Пойдём чистить уборные. Эш прав, быстрей начнём, быстрей закончим.

— Охотники не чистят уборные. Сейчас все кайты будут

нашими.

Расчёт мой был прост. Здесь, в этой местности, а может и во всём Роке, блеснением хищных рыб не занимались. Простейшие поплавочные удочки и донки использовали, а такое вот — нет. Применяли живцов на крючках, но хитрые кайты коварное подношение игнорировали, а все прочие любители такого лакомства возле острова не появлялись, распуганные самыми опасными хищниками реки.

Первые броски у меня не задались. Я раскручивал тяжеленную блесну над головой и отправлял её прочь от берега. Увы, но шнур не уходил так далеко, как хотелось бы. Плюс тонул неохотно, да ещё и путался через раз, заставляя терять бесценное время.

Пришлось сменить тактику. Мы переместились поближе к горе. Здесь галечниковая коса переходила в развалы валунов, в том числе и здоровенных. Один из таких, удобно-плоский, лежал метрах в семи от берега, едва выступая из воды.

На нём я расположил шнур змейкой, после чего снова взялся крутить блесну. На этот раз она улетела, как надо, размотав все три десятка шагов. Тащить её назад — занятие несложное, а вот делать так, чтобы она при движении «играла», провоцируя хищников на атаку — куда сложнее.

Так что, первый час ушёл только на обучение. Результаты начали улучшаться к его исходу, но, увы, это были успехи лишь в теории лова. С практикой дела совсем плохи: никто не бил по блесне и не сопровождал её до камней, по которым я перемещался после трёх-четырёх забросов.

В чём же дело? Блесна какая-то не такая? Но ведь голодная кайта среагировала на простое медное кольцо, уроненное в реку. Неужели и правда чуют крючок? Как так? Ведь таким способом, на кусок металла, их не ловят. Откуда рыбы могут знать, что эту заманчиво поблёскивающую штуковину хватать не стоит?!

Перед глазами начали вырисовываться зловещие тени трёх сооружений, в которых обитатели фактории справляли свои естественные надобности. Даже зло начало разбирать за то, что их не вынесли за стены. Вот что им стоило подвесить уборные над рекой? Ведь тут с трёх сторон почти вертикальные обрывы. И тогда бы проблема выгребных ям вообще бы не возникала.

Покосился на солнце. Эта самая большая блесна в здешней системе ползёт к зениту чересчур быстро.

И как только доползёт, уборные уже не будут тенью перед глазами.

Будет плохо.

Будет очень плохо.

Это всем провалам провал.

И тут, дабы добить меня окончательно, шнур вытянулся в струну. Блесна и раньше цеплялась за камни и затопленные брёвна. Бывало, я даже принимал это за удары хищника, делая подсечки. Но отличия замечались сразу, ведь снасть при этом не играла от рывков потенциальной добычи.

Вот и сейчас зацеп был неподвижный. Или даже хуже — мёртвый. Потянув на себя, я не сдвинул блесну ни на миллиметр. Если она угодила в затопленный коряжник, это, скорее всего, конец — придётся изготавливать новую снасть.

Эх, зря сместился к скале. Здесь, среди камней, застряло немало деревьев, принесённых течением. И это только те, которых видно с невеликой высоты очередного валуна. Кто знает, что скрывается под водой.

Сделав шаг к краю камня, сразу же отчаянно рванул назад, заваливаясь, налегая всем телом. Однажды с такого рывка уже удалось высвободить засевшую блесну, так почему бы не попробовать это повторить.

Но тщетно. Шнур вытянулся в струну уже не образно, а физически. Хоть бери, да играть на нём начинай. И всё без толку, снасть не высвобождалась.

А затем случилось то, к чему я не был готов. Что-то на другом конце шнура с успехом проделало то, что у меня не получилось. То есть, дёрнуло с такой неудержимой дурью, что я, не удержавшись, слетел с камня, погрузившись в воду с головой.

Вчера меня занимал теоретический вопрос: умею ли я плавать. Так вот — на воде держаться точно умею. Только что это выяснил. Насчёт передвижения не знаю, потому как перемещался я сейчас не по своей воле, а увлекаемый кем-то, тянувшим за другой конец шнура.

Похоже, мне попалась подводная лодка. Атомная. Очень уж мощно тащит. Но субмарины в Роке неизвестны, следовательно, это ошибочный вариант. Ну да, нетрудно догадаться, что мне удалось таки подцепить кайту. Но я рассчитывал на куда более скромный улов, ведь не раз слышал, что крупных хищниц возле острова не замечали.

Похоже, понятие размера у местных склонно к преуменьшению. Даже странно как-то, ведь прекрасно помню, что земные рыбаки поступали строго наоборот.

Ненормальный мир…

Можно выхватить нож и перерезать шнур. Но очень неудобно лезть в карман, когда всеми силами пытаешься не дать утащить тебя на дно. К тому же видел, что кайта тащит прямиком к торчащему из-под воды дереву. Я должен оказаться рядом с ним,

а это шанс зацепиться и попытаться побороться с рыбиной.

Так просто расстаться с шансом увильнуть от чистки сортиров — это не мой стиль.

Проявив чудеса изворотливости, я выгнулся в нужный момент, достав обеими руками за тонкий сук. Он тут же с хрустом переломимся, из-за чего я вновь погрузился с головой. Но тут же выскочил на поверхность и в обнимку ухватил второй. Да ещё и ногами успел его оплести. Спасибо рыбине — она начала огибать темнеющий впереди камень, и шнур вовремя дал слабину.

Теперь надо держаться. Просто держаться. Не позволить рыбине снова покатать меня на водных лыжах.

Причём — без лыж.

Мой единственный шанс, — вымотать кайту, заставить её растерять бодрость. И тогда, возможно, моих невеликих сил хватит, чтобы вытащить добычу на берег. Он ведь вон, рукой подать, хищница всё это время вдоль него тащила. Метров десять проплыть, и ноги должны коснуться дна.

Рыба снова вырвалась на простор и, выбрав слабину шнура, дёрнула так, что я, рывком вжавшись в сук, всем телом ощутил каждую его неровность, каждую трещинку старой древесины. Хорошо, что кайта пытается протащить меня сквозь опору. А она крепкая, такую и крокодилу не сломать. Сам бы я ни за что не удержался, спасибо моему великому уму, что он заранее успел прикинуть, как лучше расположиться.

Да что за бред у меня в голове? Откуда там интеллектуальному величию взяться? Умный человек в столь нелепую ситуацию не угодит. Меня, вершину эволюции, топит в холодной весенней реке примитивнейшая рыбина.

— Геееееед! — донеслось от берега.

Повернув голову, я увидел, что Бяка добрался до места событий и замер на урезе воды, уставившись на меня абсолютно круглыми глазами.

— Чего тебе?! — прохрипел я, пытаясь хоть чуть-чуть подтянуть рыбу к себе, одновременно упираясь в сук животом и контролируя положение ног, с силой его оплетающих.

— Гед, я плавать не умею!

— А я что, тебя заставляю?!

— Гед! Она тебя сожрёт!

— Нет! Сожрут её! Готовься помогать вытаскивать!

— Гед, прощай! — упырь продолжал орать ересь уже через плач, не понимая, что я ему говорю. — Гед, хочешь, я покажу тебе то, что моё?! Хочешь узнать, пока живой?! Гед, ты же мой друг, тебе можно показывать! Всё равно ты никому не сможешь

разболтать!

Мне действительно было интересно, что же так тщательно прячет Бяка за пазухой, изредка украдкой разглядывая. Однако момент не располагал к любознательности. Рыбина, наконец, перестала тупо тянуть в одну сторону. Шнур снова ослаб, его едва заметное движение было связано с медлительным у берега течением, а не с перемещением кайты.

Да где же она?!

Я начал волноваться.

Передо мной взметнулся бурун, из которого показалась здоровенная рыбина. Со всей дури врезавшись распахнутой пастью в ствол дерева, она неуклюже рухнула назад в родную стихию и начала медленно погружаться, совершенно при этом не шевелясь.

Да её же просто-напросто оглушило, когда она сослепу решила, что виновато в происходящем сухое дерево. Из-под воды не углядела, что снасть тянется к суку, за который я пытаюсь удержаться. Вот и отшибла себе мозги.

Как долго она останется в таком состоянии? Неизвестно. Но это — шанс.

Не мешкая, я оттолкнулся от дерева и торопливо направился к берегу. Надо же, оказывается, я умею плавать. И даже не сказать, что это получается медленно. Вот только дно почему-то не оказалось там, где я рассчитывал. Пришлось почти до Бяки добраться, прежде чем ноги нащупали опору.

Вскочив, начал торопливо сматывать шнур. Поначалу процесс пошёл лихо, к тому же я его существенно ускорил, не заботясь об аккуратности. Пусть хоть в гордиев узел запутается — наплевать. Главное результат, а снасть, если что, можно переделать заново.

Старой черемши на косе хватит всех кайт переловить.

Затем шнур натянулся, сматывать его стало непросто. Не знаю, сколько веса в этой рыбине: глаза подсказывали, что килограмм пятнадцать, а вот руки считали, что там вся сотня.

От пережитого физического и нервного напряжения меня уже колотить начало. Но я тянул и тянул, с хрипом хватая ртом воздух и не замечая, как зубчатые прожилки в размочаленном шнуре то и дело режут ладони.

Не знаю, почему реку назвали Черноводкой. Вода-то в ней чистейшая. Даже вздрогнул, когда увидел, как ко мне, прижимаясь к дну, подкрадывается длинная тень. Очень похоже на крокодила, намеревающегося позавтракать.

Кайта всё ещё оглушена. Но мне показалось, что хвост её колышется не только из-за течения и моих усилий. Потому напряг последние силы, подтаскивая добычу, и, удерживая шнур левой

рукой, правой полез в карман.

Чёрт побери! Да где он! Потерялся! Проклятый нож вылетел из неглубокого кармана, пока разъярённая рыбина таскала меня по реке.

Развернулся к Бяке, стоявшему на том же месте. Глаза у него сейчас были не просто круглыми, они удерживались от выпадения по неизвестным мне причинами.

— Дай нож! — крикнул я.

— Это моё! — перепугано ответил упырь.

— Дай мне нож!!! — проорал я так, что даже оглушённая кайта дёрнулась, а Бяка подпрыгнул чуть ли не метр, тут же после этого бросившись ко мне.

Ухватив протянутый нож, я, напрягшись, яростно закричал, приподнимая голову рыбины на поверхность. Она уже дёргалась всерьёз, вот-вот и снова начнутся заплывы по холодным водам Черноводки.

Примерившись, опустил правую руку, вбив кремнёвое остриё в темя. Рыбина выгнулась так, что одна моя нога потеряла опору, и я, приседая на второй, завалился в воду, продолжая наносить удар за ударом. Повезло, что кайта толком в себя не пришла, её движения были вялыми и непродуманными. Она лишь мешала мне работать, не более.

После второго удара, удачно нанесённого в уже проделанную рану, под рукой что-то хрустнуло и рыбина извернулась так, что я опрокинулся на спину. Но это всё — больше активных действий не было. У кайты лишь хвост бессильно подрагивал, рывки, с которыми не получалось совладать, прекратились.

Похоже, я таки добрался до мозга.

Не останавливаясь на достигнутом, нащупал рану, выдернул нож, всадил его снова, надавив от души. Перехватил кайту под жаберную крышку, на коленях потащил добычу к берегу. Сил хватало лишь добраться до уреза, где кое-как поднялся и не своим голосом прохрипел:

— Киркуууууу!..

Мир, и ладони сомкнулись на деревянной рукояти. Ещё миг, и каменный клюв с треском вбивается в голову рыбине.

И ещё раз.

И ещё.

Четвёртым ударом вбил кирку так глубоко, что не смог выдернуть. Так и преодолел последние шаги, таща кайту одновременно за рукоять и за натянутый шнур. Сил выволочь добычу на сушу полностью не хватило, она осталась наполовину на галечнике берега, наполовину в воде.

А сам я обессилено завалился спиной на камни, и тяжело

дыша, бездумно уставился на чистейшие небеса, на фоне которых ПОРЯДОК демонстрировал мне длиннющий список доставшихся наград.

Вы ловите кайту неизвестным способом. Вы наносите значительный урон кайте. Вы наносите фатальный урон кайте. Кайта мертва. Вы победили кайту (четвёртая ступень просвещения).

Неизвестный способ

Получен великий символ ци — 3 штуки

Получено личное великое универсальное воплощение атрибута — 1 штука

Получен великий общий знак навыка — 1 штука

Получено личное великое воплощение состояния «Улучшение просветления» — 1 штука

Получено великое общее универсальное состояние — 1 штука

Победа над кайтой

Малый символ ци — 26 штук

Получено личное воплощение атрибута «Ловкость» — 4 штуки

Получено личное воплощение атрибута «Выносливость» — 7 штук

Получено личное воплощение атрибута «Сила» — 2 штуки

Получен малый общий знак атрибута — 1 штука

Захвачен знак навыка — «кровавое чутье» — 1 штука

Захвачен знак навыка — «распознавание ядов» — 1 штука

Захвачен знак навыка — «распознавание ловушек» — 1 штука

Захвачен малый общий знак навыка — 11 штук

Получен личный знак навыка — «рыболов» — 1 штука

Вы *изготовили неизвестный предмет. Вы использовали неизвестный предмет. Вы успешно использовали неизвестный предмет. Зачтено открытие: неизвестный предмет.*

Изготовление неизвестного предмета

Получен малый символ ци — 7 штук

Получено личное воплощение атрибута — «Ловкость»

Получен личный знак навыка — «начинающий ювелир»

Успешное использование неизвестного предмета

Получен большой общий знак навыка — 1 штука

Получено большое общее универсальное состояние — 1 штука

Открытие неизвестного предмета

Получен великий символ ци — 3 штуки

Получено личное великое универсальное воплощение атрибута — 1 штука

Получен великий общий знак навыка — 2 штуки

Получено личное великое воплощение состояния «Равновесие» — 1 штука

Получено великое общее универсальное состояние — 2 штуки

Получен великий общий знак атрибута — 2 штуки

Вы можете дать название неизвестному предмету

Слов было много. В разы больше, чем я видел от ПОРЯДКА за всё время с того самого дня, когда прозрел зрением Рока.

Но я не читал слова и не изучал цифры. Я просто лежал, тяжело дыша. И когда мечущийся вокруг меня и кайты Бяка, наконец, соизволил начать вытаскивать рыбину на сушу, до меня окончательно дошло, что именно сейчас произошло.

И только тогда бегло пробежавшись по цифрам, я, с трудом совладав с дыханием, обессилено произнёс:

— Бяка, знаешь, кто мы?

— Кто ты, я теперь знаю точно, — возбуждённо протараторил Бяка. — Ты сумасшедший. Да ты полностью псих!

— Нет, неправильно. То есть да, правильно, конечно. Но не в этом дело. Мы с тобой победители. Мы её победили.

Вы даёте неизвестному предмету название: блесна.

Вы назвали новый предмет.

Получен великий общий знак навыка — 3 штуки

Вот теперь точно всё. Я не только победитель, я ещё и первооткрыватель чего-то нового.

Невиданного доселе предмета.

В Роке невиданного.

Я открыл рыболовную блесну.

Не Колумб с его Америкой, конечно, но, судя по тому, что я успел разглядеть, ПОРЯДОК счёл это достойным деянием.

Глава 18. Великая гора сокровищ

Без изменений

Гуго присел над окровавленной и облепленной песком тушей кайты, сунул пальцы в дыру, оставленную киркой, поковырялся в ней зачем-то и, обернувшись к Эшу, сказал:

— Я такой большой кайты с прошлого года не видал. Эгеро подстрелил её с Соколиного камня. Точно в голову попал, повезло, что ко дну сразу не ушла. Наши вообще их редко ловят. Эй, пацаны, вы что натворили? Вы что, этой хренью её убивали? — громила указал на кирку в руке Бяки.

— Да, — ответил я. — А что, разве это плохо?

— Дурачки вы оба. Вы ей мозги выпустили. Мозги кайры — хорошая специя.

— Мы не знали. Нам за них ничего не говорили.

— Ну так теперь узнали.

Пожав плечами, я резонно заявил:

— Вернуть мозги на место не получится. Извините.

— Мозги, печень, икра, если есть: всё это специи, — любезно просветил Гуго. А чешуя идёт на корм курам, у них от неё яйца крупнее становятся.

Рассказывая этого, мужчина обернулся в сторону Рурмиса и ещё пары рыбаков, почти подростков. Все трое скромно жались к своему навесу, выпученными глазами уставившись на громадную кайту. Наших с Бякой усилий хватило лишь на то, чтобы дотащить её до этого места, прежде чем сверху спустилось большое начальство, оповещённое наблюдателями о том, что на косе творится что-то несусветное.

Рыбаки под взглядом руководства потупились, а Гуго с ухмылкой произнёс:

— Сколько вы сегодня из сетей вытащили? Небось, как всегда?

— Ну так с бреднем сейчас не походишь, — начал оправдываться Сатат. — Там ведь кайты всех от мели отогнали, да и вода холодная.

— Вот где кайты, — Гуго указал на мёртвую рыбину. — А бредень ваш ночью наверху оказался. Им там Карасей наловили. Прям ночью и наловили. Жирных карасей, пахучих. Вы гляньте, кто у нас рыбачит лучше, чем вы. Эти мальчишки сами глазам своим не верят. Но поймали ведь.

Насчёт неверия, Гуго прав на все сто. Я не понимал, как такое могло получиться. Эта кайта немногим торпеде уступает. Хоть бери, да линкоры ею топи. Ну, может я, конечно, преувеличил, но

в мой рост она точно вымахала. Сколько же в ней весу? Уж явно не меньше двадцати килограмм. А скорее все тридцать.

Эх, нет весов, чтобы точно зафиксировать трофей. Да и метрическая система в Роке не принята. Как переводить местные фунты и прочее в килограммы — не представляю. Только очень приблизительно — на глаз, а это несерьёзно.

Поймав на себе взгляд Эша, я попытался принять самый невозмутимый вид. Не очень-то, наверное, получалось, ну да куда деваться, как-то ведь разговор начинать надо.

Указав на рыбину, я с пафосом заявил:

— Мы сказали, что поймаем кайту, и мы её поймали. Теперь мы можем забыть о том, что случилось ночью?

— Забывать о таком не надо, — нехорошим голосом заявил Эш. — Когда что-то забывают, может возникнуть желание это повторить. Не стоит вам повторять такие шутки. Шутки это дело такое… они не всегда заканчиваются весело. И не для всех…

— Понял, — кивнул я. — Будем бережно хранить в памяти. Но я вообще-то имел ввиду другое.

— Да я прекрасно понял, что ты имел ввиду, пацан с ловким языком. Ты, должно быть, прямо в него свои знаки атрибутов вкладываешь, очень уж хорошо он работает. Моё слово крепче камней, на которых стоит фактория. Я сказал, что вы свободны, значит, вы свободны. И можете забирать свою добычу. А можете не забирать. Я даю вам выбор.

Взгляд Эша из тяжёлого стал оценивающим. И оценивал он меня.

Продавать, что ли, собрался?

— Что за выбор?

— Вы можете уйти со своей рыбой и делать с ней всё, что хотите. Никто вас не станет заставлять чистить нужники. А можете оставить рыбу для фактории. Жареная кайта, это то, чему всегда рады наши горняки. Нечасто она у них бывает. Да и специи из её печени лишними не будут. Если оставите, вам за неё ничего не дадут. Только покормят кашей, на ужин. Но Дерьмецов освободят от наказания. Они не станут вычёрпывать все уборные до дна. Выбирайте: или рыба ваша, или не ваша.

— Рыба ваша, — не колеблясь, ответил я.

Бяка при этих словах зашатался, будто по башке дубиной схлопотав, еле слышно что-то пробормотав. Я разобрал лишь одно слово «моё», произнесённое через горькие слёзы.

Мне показалось, или в глазах Эша промелькнуло одобрение?

Глава фактории степенно кивнул:

— Это был правильный выбор. Самый правильный. Я сказал себе, что если ты поступишь именно так, я сделаю тебе хорошее

предложение. Вас бы обоих выпороть, как следует, но я считаю, что от вас может быть польза. Твоей команде я могу отдать подвал под угловым амбаром. Там раньше держали руду, пока не перенесли печь к посту. Сухой и тёплый подвал, там лучше, чем в сарае. И вас будут кормить утром и вечером. Будет каша, будет хлеб, будет масло и солонина, будет похлёбка и жареные кабачки с огородов. Будет всё то, чем кормят горняков, охотников и всех остальных. Взамен вы каждый день будете сдавать корзину мяса кайт. Обычную мерную корзину. Полную. Именно мясо кайт. Печень и мозги фактория у вас купит. Чешую тоже. Это справедливо. Тут все добытчики специй всегда получают плату. А с лишним мясом можете делать, что хотите.

Вспомнив размер корзины, увиденной вчера, я медленно покачал головой:

— Господин Эш, это прекрасное предложение. Но кайты непредсказуемы. Сегодня попалась одна, на три корзины, а завтра и послезавтра их может вообще не быть.

— Разумно, — согласился Эш. — Но когда мяса будет много, вы сможете сдавать по две корзины, или по три. Вас двое, а корзина не такая уж и большая. Старайтесь хорошо, и она всегда будет полной. Вы станете людьми фактории, а не прибившимися к ней бродягами. Значит, вам полагаются знаки фактории. Повесите их на грудь. Пускай всякие шалопаи видят, что трогать вас нельзя. Они ведь уже не вас тронут, а саму факторию Черноводку. За такое у нас ломают те руки, которыми трогали.

Бяка, пребывавший в шаге от обморока всё то время, которое прошло после моего великодушного ответа Эшу по поводу судьбы улова, резко приободрился, покосившись на меня чуть ли не с мольбой. Ну да, ему не могло не понравится то, что мы получим защиту от Карасей.

— А если мы не справимся? — уточнил я.

— Если не справитесь, вернётесь в свой сарай. И я буду очень вами недоволен. Вот эту рыбу я считаю за три дня, — Эш указал на кайту. Вы меня и посмешили, и удивили. За такое не жалко наградить. Но на четвёртый день вы должны принести новый улов. Или раньше. Иначе сами знаете, что будет. Несколько дней вас могут и подождать. Всякое в жизни случается, а рыба и правда может ловиться, а может и нет. На то она и рыба. Но только несколько дней. Не затягивайте с этим.

* * *

Глядя, как пара дюжих стражников легко уносят наш улов,

прихваченный к шесту завязками из всё той же старой черемши, Бяка всхлипнул:

— Большая рыба была. Теперь рыбы нет.

— Ты не рад, что мы получили новое жильё и двухразовое питание?

— Я сейчас себя съесть готов.

— И когда здесь ужин горнякам дают?

— Они с поста в сумерках возвращаются. Но кормить раньше начинают.

— Сильно раньше?

— Несильно.

— Тогда нескоро, — прикинул я, взглянув на солнце.

— Опять черемшу жевать придётся, — вздохнул Бяка. — Горькая она. Надоела очень.

Поморщившись, я покачал головой:

— Нет, эту горечь мы сегодня жевать не станем. Купим нормальной еды у Сома.

— У тебя есть, чем платить?

— Конечно же, есть. Я ведь сказал купим, а не украдём. Пошли.

* * *

Сом на месте не обнаружился, дверь его была закрыта. Искать сердитого торгаша не стали, направившись в трактир. Здесь нам за пару малых символов ци удалось озолотиться. Пласт вчерашнего жаркого из кабана, краюха хлеба, большой кусок сыра, пара небольших ломтей сала с прожилками мяса, вязанка полосок вяленой оленины и даже уголок медового пирога.

Сорить деньгами я не хотел, но у желудка имелось иное мнение. Во мне будто прорва разверзлась, требуя всего, что тут есть, да побольше. Я за неделю раньше не отправлял в желудок столько, сколько сейчас готов смолотить за раз.

Только дайте.

От вида такой роскоши у Бяки, привыкшего к пустой каше и горькой черемше, случился паралич речевого аппарата. В том смысле, что ел он молча, не пытаясь хоть слово вымолвить. Меня тоже на разговор не тянуло. Неспешно жуя, я вглядывался в себя, проводя сложнейшие в своей жизни расчёты.

Я прикидывал, что и как сейчас начну менять в той надстройке, которую телам аборигенов предоставляет ПОРЯДОК.

А свалилось на меня столько, сколько некоторым за всю жизнь не светит увидеть. Количественно я, может быть, загибаю,

зато по качественной составляющей не поспоришь.

Итак, из чего, собственно, состоит эта самая надстройка ПОРЯДКА? Для удобства её можно разделить на четыре блока.

Первый — ступени просветления. Своего рода уровни игры под названием Рок. С ними всё просто — это простые фляжки, в которые по очереди заливается ци. Как только заполняется до верху одна из них, получается плюс одна единичка, и ты тут же оказываешься на следующей ступени.

Второй блок — атрибуты. С ними сложнее. Изначально на одной ступени можно получить шесть единичек. Каждая единичка — своего рода аналог вместилища ци, только заливается не этой вездесущей энергией, а знаками атрибутов. Плюс, по каждому атрибуту отдельно фиксируется, сколько именно единичек знаков на него затратил. Потому что ёмкости всего, что есть в «надстройке» могут изменяться в процессе самосовершенствования. Кушай специи и делай прочие дела, и вместо исходных десяти единиц, полагающихся на один атрибут, он сможет расшириться до пятидесяти. Это максимум, который можно заработать обычным путём, и достичь его трудно. В итоге развитие атрибута усложняется, но человек, у которого они задраны до небес, в Роке способен творить такие чудеса, которые только киношным суперменам доступны.

Количество атрибутов в одной ступени не может совпадать. Поэтому большинство простых людей качают что-то до единички, что-то до двойки, что-то до тройки. Но есть ещё два атрибута, получить которые непросто: восприятие и дух. Если удастся их развить, придётся развивать ещё кое-что для расширения лимита. Лишь сумев полноценно открыть на ступени все пять атрибутов, ты достигнешь максимума развития. Это называется — альфа-ступень.

Атрибут Восприятие даёт боевую энергию: особый вид энергии, используемый для самых эффективных боевых навыков. Что-то вроде игровой маны, только для воинов. А Дух работает уже для магов, это и есть сама мана. То есть, у тебя открываются две расходуемые шкалы. Если потратил запасы, жди восстановления. Те, кто не получили эти атрибуты, не могут стать полноценными воинами или магами.

Те, у кого они есть — элита Рока. Круче не придумаешь. Тут люди так и делятся: на омег, к коим относится девяносто с лишним процентов населения, бет — тех, у кого количество видов атрибутов в среднем близко к четырём на ступень, и этих самых альф.

Атрибуты дают физическую и магическую силу, ловкость в бою и повседневном труду, и, конечно же, выносливость, без

которой ни поработать нормально не получится, ни подраться.

Третий блок — навыки. Тут проще, чем с атрибутами, хотя есть свои сложности. Допустим, ты где-то добыл навык «холодное оружие». Развивая его, ты всё успешнее и успешнее обращаешься с дубинами, кинжалами, мечами и копьями. То есть — универсально работает. Но, доведя его до десятки, придётся или остановиться, или выбрать специализацию. Например — копьё. Но то же «копьё» при удаче можно заработать в бою сразу, готовое, не развивая его из низового навыка. Редкие случаи, но бывает. Такие вот сложности.

Навыки ты можешь открывать какие угодно, лишь бы их требованиям соответствовали твои текущие атрибуты. И количество навыков может быть любым, но не выше суммарного количества завершённых атрибутов. То есть, в данный момент я мог открыть ровно ноль, потому как родных атрибутов нет, а те, что даёт амулет, ПОРЯДОК не признаёт. Это я уже проверил, не сдержался.

Четвёртый блок — состояния. Сами по себе они не дают прямые усиления, а воздействуют на возможности того, что есть. У подавляющего большинства обитателей Рока этот блок пуст. Его чертовски трудно развивать даже аристократам. Ведь надо как-то обеспечивать детям или хотя бы подросткам свершения, за которые может выпасть отличная награда — стартовое состояние. А это и сложно, и рискованно. Оттягивать получение очередных ступеней просветления можно недолго, растрачивая ци на открытие доступных атрибутов и навыков. Дело в том, что у нормальных людей оно не льётся в пустоту из дырявого вместилища, а наоборот, постепенно накапливается, даже если не прилагать к этому никаких усилий. То есть, к моему возрасту, хочешь ты того или нет, а три-четыре ступени взять придётся.

Это, разумеется, если речь идёт о нормальных подростках, к коим я не отношусь.

Состояние Равновесие считается самым ценным. Одна завершенная единица Равновесия добавляет возможность открывать лишний атрибут на ступени просветления. То есть, рядовой крестьянин сможет не шесть развивать, а семь. Лишь бы количество не совпадало — это незыблемый принцип. Допустим: единичка ловкости, две силы и четыре выносливости. Условие соблюдено, и вся семёрка на руках.

Состояние «улучшение просветления» тоже ценится высоко. С ним всё просто — одна единичка этого состояния добавляет десять единиц объёма к текущему и последующим вместилищам ци. То, что было до неё, как и со всеми прочими параметрами, поправить нельзя. То есть, надо изначально развиваться

правильно, иначе ошибки останутся с тобой до могилы.

Зачем вообще повышать ци? Да затем, что от общего количества собранной в тебе первозданной энергии зависит много чего. Например, чем её больше, тем лучше защищён твой разум от ментальных атак. Плюс, в каждом человеке есть то, что я перевёл на привычный для меня язык как «тень ци». Это своего рода отражение текущего количества ци. Запасы этого отражения используются во многих навыках, обычно — созидательных, но, бывает, и для военных требуются. Потратив часть, или полностью, придётся дожидаться восполнения. Оно происходит само по себе, причём неспешно. В общем — однозначно полезная вещь. Никому не помешает.

Состояние «Улучшение восприятия» увеличивает скорость восстановления энергии, используемой воинами. Регенерацию «маны» у магов можно подстегнуть развивая состояние «Улучшение духа». Ну а состояние «Тень ци» позволяет быстрее восполнять затраченную «теневую ци».

И последнее, весьма вкусное состояние — «Мера порядка». Чем оно выше, тем больше щедрот от высших сил тебе перепадает. Тех самых трофеев от ПОРЯДКА. Развивать очень сложно, даже самые великие аристократы нечасто могут похвастаться парой-тройкой единичек на этом параметре.

Вот такие четыре блока, из которых один для большинства недоступен, а другие полноценно развивать может лишь ничтожная часть обитателей Рока. Потому и получается, что аристократы здесь правят не просто по праву крови, а потому что они на порядки сильнее простолюдинов. И сила эта не только в параметрах. Она воздействует на тела, закрепляясь к ним. Подозреваю, помимо всего прочего, она изменяет генетический аппарат. Или воздействует на наследственность иными способами. Это многое объясняет.

Из поколения в поколения наиболее одарённые тянулись к себе подобным, экспериментируя с навыками и прочим. Они рождались от могущественных родителей, чтобы в своё время породить потомков от родителей не менее одарённых. Вступая в схватки с демонами и чудовищами, результат которых мог изменить победителя до искажения генетического аппарата. Великие деяния приводили к появлению великих династий.

Такая селекция производилась тысячелетиями. В итоге внутренние структуры у представителей аристократических кланов значительно отличались от тех, в ком не было примесей «голубой крови». Так, в порядке вещей считалось рождение детей с изначальными открытыми четырьмя атрибутами, а то и с пятью. Плюс их сразу можно было развивать не по минимуму

вместимости, а по средним значениям, а то и максимальным. Так что годовалый карапуз мог легко побороть двухлетнего крестьянского сынка, а подросток способен голыми руками изувечить пару вооружённых взрослых.

Разумеется, столь одарённые дети рождались не во всех случаях. Исключения из правил нередки. Во многих случаях недочёты природы удавалось исправить, во всех прочих вырастал потомок вроде как голубых кровей, но к которому относились с жалостью, а то и с презрением.

Я — самый наглядный тому пример. Сын матери из древнейшего рода и отца, личность которого неизвестна. Одно понятно — он был далеко не простолюдином. Скорее всего, даже одарённее Трейи, судя по её намёкам. Мать, как раз, не очень-то блистала талантами. Тот случай, когда родилась не первосортной, и ослабевшему клану не удалось исправить её недостатки в раннем возрасте.

Меня исправить тоже не получилось. Я родился не просто неполноценным, я родился никаким. Редкое отклонение от обычного порядка вещей. Такое случается и у простолюдинов, и у аристократов. Обычно ребёнок без атрибутов и первой ступени умирает в первые дни. Иногда держится месяц и даже более. Но конец всегда один, и долго его ожидать не приходится.

Я протянул тринадцать лет. Тринадцать лет по мерилам Рока. Сколько по земному времени — не знаю. Я ведь здесь в положении нищего попаданца, которого занесло в чужой мир без эталонов килограмма, метра и секунды.

Почему я пережил всех прочих — отдельная история, в которой мне известны лишь отдельные детали. Не факт, что когда-нибудь узнаю её полностью.

И вот, сегодня, у меня появился шанс стать нормальным. Или хотя бы приблизиться к этому состоянию. Я, наконец, рискнул, активировав один за другим два личных воплощения атрибута Сила. В моём состоянии тускло подсветилась одна звёздочка из шести возможных. И указатель на ней показывал, что я набрал на ней две единички. Всего надо накопить их от десяти до пятидесяти, и тогда я получу один полноценный атрибут.

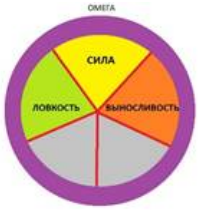
Но я не знаю, не станут ли накопленный балы уходить так же, как уходит ци. Потому это пока что эксперимент.

Ци уходит со скоростью от пяти до семи в сутки. Если завтра проснусь и обнаружу обе единички на месте, вложусь в себя по полной.

Очень уж страшно таскать при себе такие сокровища. Начинаю понимать Бяку.

Это моё.

Никому не отдам.

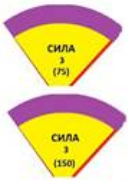


Таким в Роке рождается обычный человек.

У младенца первая ступень просветления, в которой размещается 200-300 единиц ци (и столько же тени ци).
У младенца открыты три арибута ПОРЯДКА: Ловкость, Сила и Выносливость.
У младенца строгий лимит: на одной ступени он может активировать только шесть атрибутов. Активные атрибуты не могут быть равны друг другу. То есть, можно развить 3 Сила, 2 Ловкость, 1 Выносливость. Или 4 Выносливость, 2 Ловкость. Допустимы любые сочетания атрибутов, но обычно выбирают схему 3-2-1 (как в первом примере). Родившись, ребенок начинает набирать ци даже без сознательного усилия. Если этот процесс не ускорять, за два-четыре года он может набрать вторую ступень просветления.

Так в Роке выглядит ступень просвещения альф.

Альфы, как правило, аристократы. Как правило, они рождаются омегами, но богатство и связи позволяют им развиваться. Также у высших аристократов могут рождаться дети-альфы. Или беты (когда открыты 4 атрибута).
У детей, рожденных альфами и бетами, первая ступень просветления может вмещать до 500 и более ци (и столько же тени ци). За исключением редких случаев, такой младенец не может развить на одной ступени больше шести атрибутов. То есть активизировать на одной ступени все пять атрибутов не получится (не позволит правило, при котором активные атрибуты не могут быть равными в пределах одной ступени).



У атрибутов есть два цифровых параметра: количество и наполнение.
Количество - это количество активных атрибутов. То есть тех, которые человек прокачал знаками атрибутов и активизировал.
Количество активных атрибутов - важные показатель, потому что развитие навыков требует определенного количества определенных атрибутов.
Наполнение - это параметр, показывающий силу атрибута. На одной единичке атрибута может быть от 10 до 50 единиц наполнения (это лимит для стандартного развития. Его можно увеличивать, но очень сложно).
На примере слева вверху показано, что на первой ступени просветления у человека активировано три атрибута Сила, с общим наполнением 75. То есть 25 на единичку. Это значит, что человек, который откроет столько же Силы, но при наполненнипо 50, получит в сумме 150. Грубо говоря будет в два раза сильнее (пример слева внизу).
Лимит наполнения - случайная величина. В среднем, он выше у детей аристократов (младенцев). И его можно повышать (самый распространенный способ улучшения, это хорошее питание с употреблением множества разных специй. Если довести наполнение Силы до 50, дальше все новые активированные атрибуты Силы будут получать наполнение 50. Эта цифра может снизиться при сильном и продолжительном падении уровня жизни: плохое питание, нет специй). Поднять наполнение уже активизированных атрибутов нельзя.

Количество навыков ПОРЯДКА не может превышать сумму атрибутов. То есть, если человек активировал 3 Силы, 2 Выносливости и 1 Ловкость, он может открыть только шесть навыков.
Очень редко и очень немногие могут получить неприязанный навык, сверх лимита. И тогда в примере выше у человека на 6 атрибутов может быть 7 навыков.
Развитие навыков требует затрат ци. Ци снимается от текущей заполненности прокачиваемой ступени просветления. Ци из уже закрытых ступеней просветления брать нельзя (если считать ступени просветления аналогами уровней), получается, что нельзя потерять уже набранные уровни).

ПОРЯДОК жестко лимитирует развитие. Но оставляет возможность расширять лимиты. Для этого надо развивать состояния.

Всего известно шесть состояний.

Состояние Равновесие – одна единица этого состояния добавляет возможность открывать лишний атрибут на ступени просветления. То есть, получив единичку состояния Равновесия, можно на одной ступени открывать не 6 атрибутов, а 7. То есть расширяются лимиты количества атрибутов.

Состояние Улучшение просветления — одна единичка этого состояния добавляет десять единиц объема ци к текущей и последующей ступени просветления. То есть можно расширять лимиты источника ци.

Состояние Улучшение восприятия - увеличивает скорость восстановления энергии, используемой воинами (эта энергия открывается при развитии воинского атрибута – Восприятие).

Состояние Улучшение духа - увеличивает скорость восстановления энергии, используемой магами (эта энергия открывается при развитии магического атрибута – Духа).

Состояние Тень ци - увеличивает скорость восстановления теневой ци (теневая ци есть у всех, ее максимум равен количеству единиц ци в источнике. Используется в основном для ремесленных навыков).

Состояние Мера порядка – увеличивает шансы получения трофеев при победах над противниками и иных свершениях.

На примерах слева и справа условные крестьянин и аристократ - омега и альфа.

Омега развивался стандартно и ему не повезло с наполнением атрибутов. Оно у него минимальное, исправить это он не смог (простолюдинам это сложно). Альфа развивался изначально на максимуме (это редкость, но возможно). Также изначально сумел открыть три единицы состояния Равновесие (это не просто редкость, это похоже на чудо, но ПОРЯДОК такое допускает).

И у омеги и у альфы открыто четыре ступени просветления (уровня). При этом ци в источнике крестьянина в два с лишним раза меньше, чему у аристократа). Аристократ заметно выигрывает в количестве атрибутов, и выигрывает на порядки в их наполнении. То есть (грубо) он выносливее омеги в пять с половиной раз, сильнее почти в шесть, и почти в девять раз превосходит по Ловкости. Плюс у него открыты два воинско-магических атрибута, чего у крестьянина нет вообще. Значит, альфа может получать навыки, завязанные на Духе и Восприятии, а омега нет. А именно такие навыки требуются для хорошего воина.
Сравнивая эти показатели, можно понять и простить главного героя, который ночами не спит, думая о том, как стать человеком на примере справа. Ибо те, кто слева, это дно Рока. На фоне "правых" они почти полностью беспомощны и беззащитны. Такая вот сегрегация.
Человеку с такой сложной биографией и наличием могущественных врагов нельзя оставаться слева.

Глава 19. Очень важный выбор

Без изменений

Ночью мне снились кошмары. Кто-то тёмный, безликий и невыносимо страшный пытался забраться в подвал, выделенный нам Эшем. Его жадные руки тянулись то к Бяке, пытаясь вытащить у него из-за пазухи самое дорогое и неведомое, то ко мне, с не менее криминальной целью. Я то и дело просыпался, ворочаясь на жестком жердевом настиле, чуть приподнятом над земляным полом. Соломы мы немного натаскали из старого жилища, но её не хватило для комфортного размещения, а новую взять негде — не сезон.

Где-то ниже и выше по Черноводке и чуть южнее от неё располагаются своего рода филиалы фактории. Почти обычные деревни, где крестьяне выращивают прекрасные урожаи на плодородной почве диких земель. Так что, после жатвы озимых соломы здесь станет завались. Но этого ещё надо дождаться.

В общем, поднялся я разбитым, но весь негатив тут же остался в прошлом, когда увидел, что, несмотря на происки ночного кошмара, мои две единички на силе никуда не делись.

Проверил уровень ци. Семьдесят шесть единиц. Как убывала, так и убывает — без изменений.

Ну что же, пора решаться предпринимать следующий шаг. Не сразу, конечно, а в процессе завтрака. Пока приканчиваем остатки вчерашней роскоши, устрою себе внутреннюю революцию. За едой мне почему-то лучше думается. Гораздо лучше, — желудок будто поощряет мыслительный процесс. Да и прекрасные виды природы, открывающиеся с любимой стены, приятно расслабляют, что помогает избегать грозящего ошибками соблазна поспешности.

Начал с атрибутов.

Для них у меня, благодаря скромным запасам в невидимом мешочке и вчерашней победе над кайтой, набралось немало повышающих трофеев. Стандартно от ПОРЯДКА человеку достаются малые сути атрибутов, если такие атрибуты у него открыты. Если не открыты, вместо них могут выпадать личные воплощения атрибутов. Что то, что другое даёт по единичке, но при помощи вторых можно совершить первое открытие атрибута. Без этого действия малые сути использовать не получится. Плюс, если личное воплощение попадёт к постороннему, он ничего не сможет с ним сделать. Оно — почти бесполезный мусор для всех, кроме того, кто его добыл. Потому даже разбогатевшие простолюдины не имеют возможности с младенчества открывать

детям альфа-набор. Ведь предметы первой необходимости ни за какие деньги не купишь, их придётся добывать самому, что далеко не всегда возможно.

Этих низовых итемов на Ловкость у меня набралось семь штук, на Выносливость девять, и на Силу осталось две. Плюс есть один общий знак атрибутов. Его можно использовать на любой открытый атрибут, он даёт ту же единичку.

Это, так сказать, рядовые призы, самые обыденные. А вот — элитные.

Великий общий знак атрибута добавляет на любой уже открытый атрибут пятьдесят единиц. Плюс, если это первый в линейке атрибут, открытый на ступени, он повышает шансы увеличить вместимость этого и последующего атрибутов. То есть, если до этого, допустим, на один атрибут силы требовалось пятнадцать её единичек, он может увеличить вместилище на неизвестную величину. Вплоть до стандартного максимума — пятидесяти.

Их у меня два. Понятно, что такой трофей редок и чудовищно ценен. Он передаётся, и, продав его, я смогу озолотится.

Или, скорее, окажусь в Черноводке.

С перерезанным горлом.

Но это я так, просто рассуждаю. Продавать его не собираюсь.

Плюс у меня есть ещё два ценнейших предмета, на которые смотреть страшновато. Вот они точно могут сделать миллионером, но не в моём случае. И вообще нет таких случаев ни для кого, потому как посторонний не сможет их использовать.

Великое личное универсальное воплощение атрибута — 2 штуки

Я могу сейчас уподобиться альфа-аристократу. То есть, открыть все пять атрибутов. На Силу, Ловкость и Выносливость есть мелочь, а оставшиеся два — элитные Восприятие и Дух мне доступны благодаря этой прекрасной парочке. Плюс, свойства этих итемов схожи с великими общими знаками атрибутов. То есть, я могу попытаться выбить ими максимум — пятьдесят единиц вместимости.

Итого, если задействовать всё, мне хватает поднять четыре атрибута на единицу. Но тут вступает в силу неприятное правило ПОРЯДКА: количество действующих единиц атрибутов на одной ступени не должны совпадать. Заработает только тот, которого я первым подниму, все прочие останутся болтаться мёртвым грузом, пока не дотащу что-нибудь до двойки. Но и тогда пара оставшихся ничем не будет мне помогать. В статусе у них будут указываться нули. Плюс, у меня не хватит ци. Каждое увеличение количества атрибутов на единичку требует вложения сотни

единиц энергии. У меня с учётом добычи хватает довести до минимального порога лишь что-то одно.

Но чем держать такие богатства на руках, лучше вложить их в самое надёжное хранилище. То есть — в себя.

И я это сделал.

Выбрал первым атрибутом Выносливость. Сила с моими физическими данными не очень-то сейчас поможет, Ловкость тоже, а вот меньше уставать — это ценно.

Влил в Выносливость несколько малых личных воплощений, открыв атрибут. Затем добавил две малые сути и один общий знак. И, зажмурившись, использовал великий общий знак атрибута, наведя его на уже прилично сияющую звёздочку.

Звёздочка тут же вспыхнула, а ПОРЯДОК оповестил меня о новом свершении.

Вы впервые открыли атрибут. Открытый атрибут: Выносливость. Количество атрибутов Выносливость: 1. Наполнение Выносливости: 60 единиц. Активное наполнение Выносливости: 50 единиц.

Разовое поощрение: +15 единиц к атрибуту Выносливость (неактивное наполнение).

Что? За шестьдесят вбуханных единиц дали всего лишь один атрибут?!

Но, изучив результат, я улыбнулся, любуясь красивой цифрой. Моя единственная единичка выносливости вмещала заветные пятьдесят. Максимум возможного. Прямо со старта получил. Дальше у меня на текущей ступени всегда будет пятьдесят, если не случится что-то непредвиденное, что со мной в последнее время бывает чуть ли не каждый день.

Теперь надо найти где-нибудь недостающие двадцать пять единиц, и на Выносливости заработают уже два атрибута.

Но я поборол соблазн. Великие общие знаки на дороге не валяются. Кто знает, вдруг вчера моё везение сыграло в последний раз. И тогда я рискую потерять возможность увеличить вместимость ещё одного атрибута.

Дальше я выбрал Ловкость. Не удивился, когда она получила всё тот же заветный полтинник. Или ПОРЯДОК решил компенсировать все годы пустых мучений, или нулевая ступень тянет на себя самые крупные призы, но результат налицо — я получаю прекрасный старт.

Жаль только, что запоздалый…

Силу завышать до максимума пока что нечем, а Восприятие и Дух, открытые великими универсальными атрибутами, предсказуемо получили по пятьдесят.

С атрибутами разобрался, теперь можно разобраться с

навыками.

Всего я добыл пять разновидностей личного знака навыка за победы на трудовом фронте, и захватил три знака при разборках с кайтами. В отличие от атрибутов, здесь нет дополнительных сложностей с разным назначением разных названий знаков. И не работающие в чужих руках личные знаки навыков, и простые передаваемые знаки навыков способны открыть навык с нуля. И дальше его можно прокачать с первой ступени на вторую, набрав десять единичек, потом на третью, набрав ещё десять. И так до последней — десятой. Там уже понадобится выбирать специализацию, если хочешь продвигаться дальше.

Атрибут за мной числится один, следовательно, и навык я могу выбрать только один. То есть, надо что-то выбрать из «кровавого чутья», «распознавание ядов», «распознавание ловушек», «рыболов», «начинающий ювелир» (ну кто бы мог подумать, что изготовление блесны ПОРЯДОК отнесёт к такой профессии), «начинающий целитель», «начинающий камнетёс» и «начинающий столяр».

Даже не стал размышлять. И так понятно, что оптимальный вариант — рыболов. Ведь если я не смогу и дальше ловить кайт, отношение Эша ко мне изменится в плохую сторону, а это очень нежелательно.

Открыв навык, я использовал на него два великих общих знака навыков из четырёх полученных вчера. Каждый давал пятьдесят единиц, что в сумме предоставило сто. Больше просто невозможно, так что, первичная единичка стала лишней, но не растаяла бесследно. ПОРЯДОК компенсировал её исчезновение одним малым символом ци.

Дальше мне открылись ветки специализации, где надо выбирать навыки второго ранга. Выбрав любой из них, я потеряю возможности развивать другие. Но не окончательно. Ведь можно открыть навык ещё раз, и снова набрав десятку начальных уровней, продолжить изучать что-то другое. Это будет считаться двумя разными навыками, каждый из которых потребует по единичке атрибутов.

Выбор был разнообразен, но, увы, дальше появлялись требования к атрибутам. Так что, доступны мне только те, которым достаточно одной единички Выносливости. Изучив скудную информацию по каждой ветке, я выбрал «рыбацкое чутье». Обещалось, что этот навык, при должном уровне развития, поможет определять места скопления рыб, и даже местоположение отдельных особей, если у тех приличный размер.

Как раз то, что мне надо. В открывшийся навык второго ранга влил оставшиеся великие общие знаки, подняв «рыбацкое чутьё»

до десятки. Дальше некуда, там надо делать выбор третьего ранга, а у них уже слишком суровые требования к атрибутам. Например, увеличить в разы шанс попадания рыбы в поставленную сеть нельзя, если твоя Выносливость и Сила ниже двойки.

Поднятие навыка первого уровня на одну ступеньку стоило десять единиц ци. На второй — двадцать. То есть на этот прогресс у меня ушло три сотни. Но я уже настолько верил в свои силы, что мог без душевного содрогания идти на такие жертвы, не опасаясь истощить резервуар до дна. Суточная потеря в несколько единиц — ничто перед открывающимися возможностями.

С навыками — тоже всё. Остался «стратегический десерт» — состояния.

Мне выпали два великих воплощения: на Равновесие и Улучшение просветления. С Равновесием понятно — оно изменяет лимит количества атрибутов на одну ступень. А вот зачем мне расширять сейчас ёмкость резервуара — не знаю. Но активировать надо всё, ведь кашу оно не просит.

Улучшение просветления я открыл, но ничего с ним делать не стал. Заработав свои законные пятьдесят стартовых единичек, оно получило значение 0,50. А это — половина от минимума, на котором начнёт работать. Меня это пока что вполне устраивает.

А вот в Равновесие влил всё, что было: три великие общие универсальные состояния, давшие сто пятьдесят единиц, и одно большое общее универсальное состояние, добавившее ещё двадцать пять. Плюс одиннадцать малой сути равновесия, доставшиеся от матери. Даже не знаю, зачем она берегла эти сокровища. Вроде как, своего равновесия у неё не было. Надеялась во мне развить? Да кто же теперь скажет…

Значение, с учётом стартового полтинника, добралось до 2,36, но всё что выше единицы не работало, округления здесь не допускались. Только доведя состояние до тройки, получу новый результат.

Но и с таким я теперь смогу прокачать на одной ступени не шесть атрибутов, а восемь.

Это далеко не всем аристократам доступно. Особенно детям и подросткам. Рождённые нормальными, они позорно уступают мне — нулевому калеке.

Два великих символа ци, давшие в сумме сотню, я потратил на то, чтобы получить единичку атрибута. Двадцать пять влил в протекающий резервуар. Семь оставил, как платёжное средство.

Итого, остатки моих сокровищ стали выглядеть жалко.

Малый символ ци — 7 штук

Малая суть навыка рукопашного боя — 10 штук

Малая суть навыка железной кожи — 10 штук

Большой общий знак навыка — 1 штука (даёт +25 любому навыку)

Знак навыка — «кровавое чутье» — 2 штуки

Знак навыка — «распознавание ядов» — 1 штука

Знак навыка — «распознавание ловушек» — 1 штука

Личный знак навыка — «начинающий ювелир» — 1 штука

Личный знак навыка — «начинающий целитель» — 1 штука

Личный знак навыка — «начинающий камнетёс» — 2 штуки

Личный знак навыка — «начинающий столяр» — 1 штука

Общий знак навыка — 11 штук

Да уж, вчерашними богатствами даже не пахнет. Знай Бяка о том, что пока он чавкает, у него перед носом испаряются такие сокровища, уже трижды бы успел сброситься со скалы.

Но я не Бяка, я всем доволен.

Я стал сильнее. Не сказать, что вырос на голову, но это если говорить о ситуации на сегодня.

Если мыслить стратегически, я перепрыгнул сразу через десять ступеней лестницы, ведущей на местный Олимп.

С этими мыслями кусок сыра выпал у меня из разжавшейся ладони, а сам я едва успел ухватиться за Бяку, чтобы не рухнуть со стены.

Перед глазами потемнело, а уши перестали улавливать звуки.

Глава 20. Рыбалка без рыбалки

Ступени просветления: 0 (101/888)
Тень: 101
Атрибуты
Выносливость: 1 атрибут, 75 единиц
Сила: 0 атрибутов, 4 единицы
Ловкость: 0 атрибутов, 57 единиц
Восприятие: нет, 50 единиц
Дух: нет, 50 единиц
Навыки
Рыбацкое чутьё (2 ранг) — 10 уровень (10/10)
Состояния
Равновесие (2,36) — 2 уровень
Улучшение просветления (0,5) — 0 уровень

— Гед, что с тобой?! Что?! — верещал Бяка над ухом.

Слух возвращался быстрее, чем зрение. Неловко задрав завалившуюся на грудь голову, я невнятно произнёс:

— Всё в порядке со мной… просто почему-то темно стало. И слух пропал зачем-то… Наверное, еду плохую подсунули…

— Нет, не еда виновата, — возразил Бяка. — Ты развиваешься, а специй нет. Я так тоже падаю, когда развивается моё внутреннее «я». Специи нужны. Не кормят нас ими. Дорого. Покупать не на что.

— Купим, — уже увереннее произнёс я, и с нажимом проведя ладонью по лицу, добавил: — Сейчас может и не купим, но купим обязательно.

— Дорого, — повторил Бяка.

— Ничего. Заработаем. Сейчас надо купить кое-что другое.

— Что?

— Нам нож нужен. Нормальный нож.

— Я свой не потерял, как ты, — жадно заявил Бяка. — Он мой! Мой!

— Да твой, твой, никто не спорит. Но разделывать кайту каменным огрызком, это какое-то издевательство.

— Но у нас нет кайты.

— У нас и ножа разделочного нет. Вот с него и начнём, а там и кайта появится. И здесь кто-нибудь может сделать блок? Как в подъёмнике на скале, по которому воду из реки черпают, только поменьше.

— Не знаю я ни про какой блок.

— Понятно. Будем искать мастера.

* * *

Нож обошелся в пять малых символов ци. И честно говоря, он и половины этого не стоил. Самый дешёвый вариант, хуже у Сома просто не нашлось. Изначально просил шесть, но смилостивился, решив, что раз мы так часто стали к нему заходить, то можно разок поощрить скидкой.

Оставшиеся два символа ушли плотнику, быстро выточившему деревянный блок требуемого размера. Плюс я пообещал ему притащить кусок кайты, если он как следует отшлифует канавку изделия. В ней будет перемещаться шнур, а стебли старой черемши хоть и прочные на разрыв, но легко истираются обычным камнем. Надо свести риск повреждения к минимуму, иначе останусь без снасти и улова.

Слабость, столь коварно накатившая во время завтрака, отпустила не полностью. Я ощущал себя овощем, который начали варить, но едва вода закипела, вытащили из котла. И прекрасно осознавал, что вчерашнюю рыбалку повторить не смогу даже с учётом повысившейся Выносливости и полученного опыта.

Я далеко не в той форме, чтобы крокодилов из Черноводки таскать.

Но, если всё правильно понимаю, это и не потребуется.

Спустившись, наконец, на косу, я первым делом взялся за изготовление пары дубинок. Опыт с киркой не забылся, снова терять ценные рыбьи мозги не хотелось.

Как ни обидно, но за изготовление дубинок ПОРЯДОК мне ни копейки не выделил. Очевидно, счёл эти деяния совсем уж ничтожными.

Ну да, я тоже так считаю. Всего лишь две небрежно обработанные палки. Затем я принялся за новую снасть. Причём, делал её по совершенно иному чертежу. Вместо блесны из ложки примотал к шнуру плоскую гальку с отверстием почти посредине. Закрепил на ней крючок и занялся механизмом вытягивания улова. Закрепил блок в петле, приделанной к здоровенному суку с чуть заточенным концом. Пропустил через него конец шнура, оглядел полученный результат.

Выглядело, как корявое изделие совсем уж примитивного древнего человека. Но я гнался не за эстетикой, а за функциональностью.

Вот последнее сейчас и проверим.

* * *

До этого я был столь занят трудами насущными, что на реку практически не поглядывал. Но сейчас куда ни бросал взгляд, не замечал ни намёка на подсказку о месте пребывания рыбных стай и одиночных крупных особей. Нет, я видел круги и всплески, но это обычные забавы мелочи, не надо развивать навыки, чтобы такое рассматривать.

И где же моё рыбачкой чутьё? Почему ничего не показывает?

Я не сомневался, что оно работает. Такой уж это мир, что сомневаться в столь основополагающих вещах, это всё равно, что всерьёз верить в плоскую форму Земли. Да, такие люди в моём мире находились, но делились они на две категории: в той или иной мере ненормальные и очень даже здравомыслящие, зарабатывающие на интеллектуальной недостаточности первой категории.

А я нормальный. Я очень даже нормальный. Я знаю, что навык работает. Надо лишь его включить.

Минут пять ушло, пока я разобрался, как это делать. Оказывается, навык работает не сам по себе и не бесплатно. Его надо активировать, после чего он начинает расходовать то самое «теневое ци», которое затем само по себе восстанавливается.

Решив, что понял все, я, наконец, «нажал на кнопку».

И обомлел.

Река будто полупрозрачной стала, причём не только на мелководье. Её дно подёрнулось паутиной тончайших линий, грубо отображающих скрытый от глаз рельеф. А выше этой поверхности то там, то сям переливались радужные пятнышки. В основном они образовывали скопления, но местами просматривались одиночные, как правило, значительно больших габаритов. Некоторые очень даже здоровенные, но точно говорить трудно, потому как их положение и габариты непрерывно менялись, будто то затухая, то разгораясь.

Одно из ближайших скоплений кружилось вблизи поверхности воды. Именно там то и дело возникали круги, выдавая присутствие рыбы.

Разинув рот, я не сразу осознал, что здесь не музей, и попусту таращиться нежелательно. Нечеткая картина, показывающая потаённый мир реки, неожиданно погасла. Мои попытки её вернуть не сработали.

Причина «неполадки» обнаружилась быстро. Я, как последний ротозей, позабыл, что навык не на добром слове работает. Минуты за полторы его действия я бездарно слил всю тень ци. И теперь мне, наверное, не один час придётся дожидаться её восстановления.

Да уж… полюбовался. А ведь хотел освоиться с навыком

нормально, а не столь бесполезно.

Ну да ничего. Пока тень восстанавливается, мне есть чем заняться.

Бяка, стоявший рядом, уловил моё настроение и спросил:

— Мы что-то неправильно сделали?

— Нет, всё правильно, — сказал я. — Сейчас начнём кайт ловить.

С этими словами начал готовить к работе вторую снасть. Кол с блоком уже вбит в галечник, осталось основную часть шнура сложить змейкой для заброса.

Даже до Бяки дошло, что я делаю что-то не то.

Он неуверенно спросил:

— Ты будешь ловить кайту камнем, а не ложкой?

— Да Бяка, именно так. Буду ловить её дырявым камнем.

— И она попадётся?

— Нет, конечно. Она же не совсем дура, чтобы на камень кидаться. Да и если ей захочется камней поесть, вон их сколько, вся река засыпана.

— Но зачем тогда ты это делаешь? — сбитый с толку упырь уставился на меня с великим недоумением.

А я, продолжая готовить бесполезную снасть, тихо сказал:

— Видишь брата Сатата?

— Рурмиса? Вижу, конечно. Он с самого начала сидит рядом.

— А вон того паренька видишь. Он кто?

— Это Барго, старший сын Хромого Чугиса.

— Бяка, тебе разве не кажется странным, что два физически здоровых парня вот уже не один час сидят неподалёку и смотрят на то, как мы проливаем трудовой пот?

— Может им делать нечего… — неуверенно протянул упырь.

— Да ты сам прекрасно знаешь, что чушь сморозил. Работы в фактории всегда полно. Дошло до того, что Эшу приходится лично заниматься нашими детскими разборками. Он везде нос суёт, по каждому пытаясь понять, кто на что сгодится. И даже неудачникам готов дать такую работу, что свободного времени у них не останется. А тут сразу двое бездельничают. Это ведь не просто так, это они притворяются бездельниками.

— А на самом деле они кто? — не понял Бяка.

— Они шпионы. Это промышленный шпионаж.

— Что? Это никакие не шпионы. Это Барго и Рурмис.

— А почему бы Барго и Рурмису не быть шпионами? Они хотят узнать всё о нашем способе ловли кайт. Это ведь очень ценное знание. Я не собираюсь делиться им бесплатно, и вообще не вижу смысла создавать нам конкурентов. Мы с тобой должны быть единственными охотниками на кайт. Понимаешь?

— Ты думаешь, что если Барго и Рурмис научатся ловить кайт, нас выгонят из подвала?

— Запросто, — кивнул я. — Они крепче нас, у них больше ступеней просвтления и атрибутов, им легче рыбачить, чем нам. Вот поэтому мы станем рыбачить так, чтобы ничего не поймать.

— Ты хитрый.

— Вот именно.

— Но если вообще ничего не ловить, как мы сможем работать?

— Им надоест без толку на нас смотреть. Они уйдут, и мы займёмся нормальной рыбалкой.

— Но если попадётся рыба, они опять придут смотреть.

— И опять им придётся смотреть на то, как я кидаю камень. Не переживай, Бяка, я их быстро отучу за нами следить. Время здесь стоит дорого, долго они этим заниматься не смогут.

Зрительная память у человека, последние двенадцать лет изучающего мир не ногами, а глазами, не может быть неразвитой. Поэтому место я выбрал не первое попавшееся. Если верить тому, что показывало моё рыболовное умение до того, как я по неопытности слил на него всю тень, на дне здесь нет затопленных коряг и больших камней. Некрупный галечниковый склон медленно опускался почти до середины речного рукава. Рыбы здесь практически не было, только отдельные искорки мелочи проскакивали.

Именно то, что мне надо.

Забросив снасть, выждал несколько секунд и начал волочить её по дну. Делал это равномерно и неторопливо, то и дело прилагая усилия, чтобы высвободить крючок, цеплявшийся на некрупные камни. Их при этом переворачивало, и проводка продолжалась.

На втором забросе Барго и Рурмис не выдержали, подошли поближе, а на третьем и вовсе рядом встали, взглядами фотографируя каждое моё действие.

Особое внимание, разумеется, уделяли снасти.

Барго, наконец, произнёс:

— Первый раз вижу, чтобы рыба ловилась на камень.

— Это непростой камень, — загадочно заявил я.

— Я вижу, что непростой. Он дырявый. Но это всё равно камень. И ты выбрал плохое место. Кайт здесь нет, они любят плескаться там, где есть коряги и большие валуны.

С этими словами Барго отошёл и начал бродить по косе, то и дело нагибаясь. Тем же самым начал заниматься Рурмис. Последний через десять минут помчался к горе с радостным видом, что-то зажимая в руке. Вернулся он быстро и начал вязать

шнур из размочаленных стеблей черемши.

Барго подошёл к нему, они о чём-то недолго поболтали, после чего оба с загадочным видом прошли мимо нас по направлению к фактории.

При этом Рурмис снисходительно сказал:

— Дураки вы. Не поймали ничего и не поймаете. А вот я сейчас наловлю.

— Удачи тебе, — искренне ответил я грубияну.

Ну да, без большой удачи кайту ему не видать. Рыба ведь не настолько глупа, чтобы кидаться на волочащиеся по дну камни.

Рурмис с Барго расположились на перспективном месте и принялись по очереди закидывать копию моей фальшивой снасти. С блоком возиться они не стали, догадавшись, что я его использую только из-за своей слабости. Они полагали, что с добычей справятся вручную.

«Конкуренты» после третьего заброса поспешили отойти ещё дальше, увидев среди коряг большой бурун, оставленный приличной рыбой, показавшей на мгновение лишь красноватый хвост. Очень похоже на кайту, он у них того же цвета. Азарт был столь велик, что Рурмис переборщил, забросив метров на десять дальше, чем следовало. И намертво засадил снасть. И так и эдак дёргал, затем с силой потащил, через плечо перекинув.

Стебли черемши — материал крепкий, но у всего есть свой предел. Шнур лопнул, и снасть осталась в коряжнике.

Следующую попытку парочка предприняла только спустя два часа. Подходящий камень они не нашли, но каким-то образом сделали отверстие в обычной плоской гальке.

Эта снасть продержалась долго. Наученные горьким опытом, конкуренты не приближались к корягам. Плюс догадались крючок привязать менее прочным куском стебля. Пару раз он отрывался, но они быстро приделывали запасные.

Вечером потеряли последний, после чего почесали затылки и ушли наверх. К нам подходить не стали, только покосились нехорошо, взглядами выказывая всё, что думают по поводу нашей технологии ловли кайт.

А я, на пару секунд применив рыбацкое чутьё, сместился метров на тридцать выше, где возле одиночного камня подсвечивалось что-то вытянутое и не настолько большое, как вчерашний трофей. Вновь установив блок, отрезал камень с крючком, привязал блесну, забросил.

Девять раз бросал, но всё без толку. На одиннадцатый, прикинув запасы теневого ци, вновь активировал умение в тот момент, когда, по моим расчётам, блесна находилась рядом с рыбой. И не увидел ни намёка на присутствие кайты. Хищница,

если это была она, успела куда-то удалиться, пока мы возились с перебазировкой.

Бяка удивился тому, что мы снова перемещаемся. Пришлось давать объяснения:

— Здесь рыбы нет. У меня умение такое, я могу это определять.

— Тогда зачем мы сюда переходили?

— Перед тем, как перейти, я рыбу видел. Но она на месте не стоит. Давай вон туда, к тем камням передвинемся. Там сразу две рыбы рядом крутятся.

Здесь уже на второй проводке ощутил не зацеп, как вчера, а серию ударов по туго натянутому шнуру. Рванул на себя, но без толку, — добыча не засеклась.

Но не огорчился. Радоваться надо, ведь если атаковала одна, это может повторить и другая. Или та же самая вновь кинется. Кайты кормятся, несмотря на позднее время — это ценное знание.

Уже профессионально подсветил реку на миг, заметил крупную рыбину в каких-то десяти метрах. Бросил блесну почти в неё. И едва начав проводку, вновь почувствовал удары.

Рывок.

— Есть! — заорал я, ощутив сопротивление бьющейся рыбины.

Подскочил к Бяке, скомандовав:

— Держи палку покрепче! К себе наклони!

Ухватил конец шнура, переброшенный через блок, смотал свободную часть и начал наваливаться всем телом, заставляя рыбину подходить к берегу. Она была явно поменьше вчерашней, моих усилий вполне хватало, чтобы тянуть с равномерной скоростью.

Под конец кайта устроила знатную бурю на мелководье. Я даже боялся, что сойдёт. Очень уж сильно бесилась, выскакивая из воды на высоту моего роста.

На очередном прыжке хищница оказалась на суше, где начала неистово биться, наматывая на себя шнур.

Подхватив дубинку, я подбежал к рыбе и дважды со всей дури врезал ей по голове, заставив успокоиться.

Вы ловите кайту редчайшим способом. Вы наносите значительный урон кайте. Вы наносите фатальный урон кайте. Кайта мертва. Вы победили кайту (вторая ступень).

Редчайший способ

Получен большой символ ци — 1 штука

Получен большой общий знак навыка — 1 штука

Получено большое общее универсальное состояние — 1 штука

Победа над кайтой

Малый символ ци — 6 штук

Получен малый знак атрибута «Ловкость» — 1 штука

Получен малый знак атрибута «Выносливость» — 1 штука

Получен малый знак атрибута «Сила» — 1 штука

Получен общий знак атрибута — 1 штука

Захвачен знак навыка — «кровавое чутье» — 1 штука

Захвачен знак навыка — «распознавание ядов» — 1 штука

Захвачен малый общий знак навыка — 2 штуки

Получен малый личный знак навыка — «рыбацкое чутьё» — 1 штука

Интересно, что делать со знаком «рыбацкое чутьё»? Этот навык уже до максимума поднят. Дальше только выбирать новое ответвление, уже третьего уровня. Но это невозможно, потому что там чересчур высокие требования к атрибутам. Получается, этот трофей невозможно использовать.

Мёртвый груз?

Вспомнились обмолвки, что некоторые подарки ПОРЯДКА можно разрушать. А может даже все. При этом выделяется ци, которую можно использовать для себя, или передавать другим. Если воспоминания не обманывают, надо срочно разобраться.

Бяка, приблизившись, вздохнул:

— Вчерашняя была больше.

Да, с этим не поспоришь. На фоне вчерашнего трофея этот улов всё равно, что сопля рядом с медузой. Вряд ли пять килограмм наберётся. И вознаграждение хуже на порядок. Но жаловаться грех. Большой символ ци — это двадцать пять единиц. Одного этого хватит, чтобы четыре дня не беспокоиться из-за утечки энергии. Ну а малые можно пустить в казну. Мне как раз не помешают перчатки, ведь тряпки, намотанные на ладони — это совсем не то.

— Этого не хватит, чтобы заполнить корзину, — продолжал стенать Бяка.

— Ну и что с того? — заявил я. — Мы сегодня и завтра не обязаны ничего сдавать. Забыл, что Эш говорил?

— Тогда что мы с этой рыбой делать будем?

— Как это что?! Конечно же, отнесём в трактир. Мясо и чешую продадим, а специи сами съедим. Сам говорил, что нам они нужны.

— Точно! — обрадовался Бяка. — Вкусно поедим. Тогда и резать её не надо. Целиком понесём.

— Да, целиком, — согласился я. И хорошо бы по пути встретить Рурмиса и Барго. Очень хочется посмотреть на их круглые глаза.

Глава 21. Продвинутое рыболовство

Без изменений

За знак навыка «Рыбацкое чутьё» я получил два малых символа ци. И за пару минут разобрался в том, как разрушать трофеи, переводя всё в энергию. ПОРЯДОК можно раскритиковать за неудобный интерфейс пользования, зато за простоту использования можно только хвалить.

Ну да. Так и задумано, чтобы даже дети быстро разбирались.

Также был реализован обратный процесс — ци можно вновь переделывать в навыки. Но, увы, математика выходила разорительная, потому как ПОРЯДОК эти два действия считал резко неравноценными.

Пара лишних ци пригодилась, когда торговался с Сомом за новый нож, взамен старого. Решил обзавестись инструментом получше, не то с этим даже страшно думать о разделке.

Новое приобретение немногим отличалось от старого. Увы, но металлические вещи ценились дорого, так что, мне пришлось отдать все символы ци и забавную штуку, полученную от трактирщика. Два квадратика из твёрдой кожи, на которых с одной проступают рельефные изображения трёх семёрок, а с другой овальная печать. Это аналоги денег, предназначенные для расчётов исключительно в пределах фактории. Если работник уезжал, он мог их поменять в кладовой на какие-либо ресурсы. Валюту здесь практически не держали, а эти платёжные средства называли просто — квадратики.

Спускаясь вниз, мы повстречали пару рыбаков, тащивших в факторию корзину со скромным уловом. На нас оба посмотрели, как на злейших врагов трудового народа. Здешняя жизнь небогата на события, потому новость о том, что вчера мы поймали ещё одну кайту, разошлась по всем ушам. Вот и неприятно мужикам осознавать, что недоразвитый подросток с упырём их обставляют.

Сегодня я планировал серьёзно подкормить их комплекс неполноценности, но, для начала, решил заняться другими делами.

Забросив кол с блоком в кусты, сказал:

— Сейчас, Бяка, мы станем заниматься спортом.

— Чем? — не понял спутник.

— Бегать, прыгать, отжиматься. Нас хорошо кормят и надо получше нагружать мышцы. Мы ведь с тобой победители, а победители должны быть сильными.

— У нас и так хватает сил, чтобы ловить кайт, — резонно заметил Бяка.

Сытный ужин всё ещё приятно грел ему брюхо. Упырю претила мысль о физической активности. А вот я помнил наставления Камая и матери. Те сотни раз повторяли, что тело должно развиваться гармонично. Воин тренировался часами каждый день, если время позволяло, да и Трейя ненамного от него отставала.

Потому, как ни рвался я в бой, но полчаса уделил физкультуре. Старался сильно не напрягаться, лучше сделать это вечером, ближе к сну.

Ведь силы мне пригодятся на рыбалке.

* * *

Сегодня хитрить с камнем вместо блесны не пришлось, потому рыбалка началась блестяще. Тень за ночь восстановилась полностью, и расходовал я её дозировано, активируя рыбацкое чутьё на одну-две секунды.

Первую рыбу вытащил на четвёртой проводке. Она оказалась такого же размера, как и вчерашняя, но это меня не огорчило. Я специально выбрал именно такую добычу, рисковать связываться с более крупной пока что не готов. Надо усилиться, поднабраться опыта, тогда, возможно, попробую замахнуться на одну из тех «торпед», которые ходят дальше в сторону скалы.

Награда от ПОРЯДКА почти не отличалась от вчерашней. И была она по меркам Рока чудовищно велика, но к этому я уже привык, как к должному.

Ну да. Я ведь сама пустота, а пустоту надо заполнять по полной. К тому же мне полагается компенсация за тринадцать лет полной инвалидности.

Вот пусть высшие силы и компенсируют.

До полудня я вытащил ещё шесть рыбин схожего размера. А затем как отрезало, — кайты почему-то отошли от берега. Я видел, как они носятся на середине речного рукава, гоняя там косяки каких-то мелких рыб. Докинуть туда блесну не получится, уж больно у меня неудобная снасть.

Эх, сейчас бы спиннинг с нормальной катушкой и тончайшим шнуром. Я бы этих бестий десятками мог таскать.

Гм… А ведь это идея. Я ведь понимаю, как он устроен и немного разбираюсь в общей механике. Может попытаться его сделать? Или хотя бы поинтересоваться в фактории, нет ли замены шнуру из черемши? Очень уж он толстый и сильно закручивается, из-за чего быстро начинает путаться. Да и без этого недостатка недолговечный, каждый день новый вязать

приходится.

Оставив рыбалку, погонял себя и Бяку всё теми же несложными физическими упражнениями, после чего предложил ему побороться. Правила простые: кто оказывается на лопатках, тот и проиграл. Ну и без ударов, ведь голыми кулаками бить чревато.

За две минуты Бяка отправил меня на лопатки три раза. Было обидно, потому как ростом и весом он мне заметно уступал. Причём, по сумме атрибутов не мог сильно меня превосходить. Очевидно то, что давал амулет, значительно уступало «естественному». Плюс упырь пару раз применял ловкие приёмы, выдававшие его знакомство с этим видом спорта.

— Где это ты так научился? — не выдержав, спросил я.

— Меня немного учил один мужик, когда я на посту жил, — ответил Бяка. — У меня рукопашный бой до шести из-за этого поднят, а у тебя его, наверное, вообще нет.

— Шестой ранг?! — поразился я.

— Конечно, нет. Просто уровень.

— Вот оно что… А как ты этот навык открыл? Личный знак навыка, где получил?

— Когда с тем мужиком занимался. Если чем-то долго заниматься, иногда получаешь знаки. Но заниматься сильно надо.

Новость заинтересовала, и я поборолся с Бякой еще пару раз впустую, а на третий, наконец, случилось то, о чём он рассказал.

Получен личный знак навыка — «рукопашный бой» — 1 штука

Девать мне этот знак пока что некуда, но на будущее пригодится. Ведь навык однозначно полезный, без него я так и останусь слабейшим из слабых. Простолюдины подраться любят, а жить приходится среди них. Вот, даже Бяке уступаю, а он до моего появления считался главным местным неудачником.

Борьба — занятие утомительное, потому вымотались быстро. Отдохнули в тени огромного валуна. Солнце сегодня припекало не по-весеннему, а кусты и деревья на косе не росли. Заодно и скромно пообедали кусками каши, которую приберегли с завтрака. Так себе еда, но на другую не осталось средств. Можно, конечно, реализовать сегодняшнюю добычу, но я планировал сделать это вечером. Не хотелось лишний раз мелькать в фактории, всем показывая, что у нас водятся денежки. Сом утром оставил нас без средств, он может понять, что мы за половину дня где-то накосили несколько знаков. Очень уж быстрые темпы добычи, это может привлечь внимание.

Кайты вернулись к берегу под самый вечер. Я успел наловить ещё трёх, после чего оставил Бяку сторожить добычу, а сам направился в факторию.

Там взял у Мегеры ещё две пустые корзины и выпросил на время пару керамических плошек. Затем послонялся по посёлку, пока не нашел Карасей. Мальчишки сидели на задах мастерской столяра и занимались очисткой от коры тонких длинных прутьев какого-то растения. Похоже на побеги ивы, только побольше.

Моё появление они восприняли угрюмо, но ругаться или кидаться с кулаками не торопились. Я теперь не просто непонятно кто, я полезный работник Эша. Такого тронь, потом проблем не оберёшься. Порядки в фактории строгие.

— Привет, уважаемые, — предельно вежливо поздоровался я, глядя в глаза Сатата, где плескались два океана плохо скрываемой ненависти, разбавленные опасением.

Не давая им возможности ответить, продолжил:

— Хотите рыбы? Вот такой кусок кайты, — я развёл ладони, показывая размер с полруки. — Если хотите, через полчаса спускайтесь. Дотащите корзины с нашим уловом до трактира и получите за это рыбу. Если не хотите, я других помощников найду.

Развернувшись, я направился назад, к Бяке, занимавшемуся разделкой улова. Надо поторопиться, ведь мясо, чешую, мозги и печень он выкладывает на лопухи, а это неудобно.

Надо срочно обзаводиться своей посудой.

Да много чем надо обзаводиться…

Сегодняшний улов — десять кайт. Весом приблизительно от трёх до семи килограмм, по местным меркам — мелочь. Но это около половины центнера, нам с Бякой столько не дотащить. А Караси — вечно голодные мальчишки, в том, что они соблазнятся моим предложением, я почти не сомневался.

Можно, конечно, позвать кого-нибудь посерьёзнее, но зачем? Деловые контакты поднимают уровень взаимопонимания. Как бы там ни сложилось дальше, а количество недругов надо уменьшать. Тем более, эта малышня ничего плохого мне не сделала, нет повода оставаться с ними в состоянии войны. У Бяки, конечно, причины их не любить есть, ну так это он, а не я, мне о себе в первую очередь думать надо.

Пока упырь занимался рыбой, я присел на берегу и занялся личными трофеями. Добыча из каждой отдельной рыбины не выглядела солидной, но в сумме набралось прилично. Тем более, ПОРЯДОК мой способ ловли продолжал считать редким, вознаграждая за это неплохо. Должно быть, пока кто-то другой не освоит искусство обращения с блесной, так и будет.

Список приобретений выглядел красиво.

Большой символ ци — 10 штук

Большой общий знак навыка — 10 штук

Большое общее универсальное состояние — 10 штук
Малый символ ци — 59 штук
Малый знак атрибута «Ловкость» — 9 штук
Малый знак атрибута «Выносливость» — 11 штук
Малый знак атрибута «Сила» — 8 штук
Общий знак атрибута — 9 штук
Знак навыка — «кровавое чутье» — 6 штук
Знак навыка — «распознавание ядов» — 4 штуки
Знак навыка — «распознавание ловушек» — 5 штук
Малый общий знак навыка — 17 штук
Малый личный знак навыка — «рыбацкое чутьё» — 8 штук

Все символы ци я тут же израсходовал. Чем больше их в моём резервуаре, тем спокойнее на душе. Ну и про тень не стоит забывать. С возрастанием этого параметра я смогу чаще использовать рыбацкое чутьё.

Общее количество перевалило за четыреста единиц. То есть я почти наполовину заполнил резервуар. Теперь мне нескоро придётся беспокоиться по поводу убывания ци. Такого запаса хватит не на один месяц, с текущими темпами убывания.

За каждую поимку блесной ПОРЯДОК, помимо прочего, выдавал большое общее универсальное состояние. Каждое прибавляло двадцать пять сотых к величине Равновесия, и таким образом она перевалила уже за пятёрку. То есть, я мог открыть не два атрибута сверх стандартного лимита, а уже целых пять.

Увы, с самими атрибутами дела обстояли не радужно. Выносливости набралось девяносто семь единиц. Мне жалкой тройки не хватило, чтобы добить её до сотни. А это уже — две Выносливости. И тогда Ловкость, которая сейчас неактивна, обзаведётся собственной единичкой.

То есть я в крохотном шаге от того, чтобы поднять количество родных атрибутов до трёх. А это уже приличнейший шаг вперёд. Таких шагов ещё несколько, и моя жизнь перестанет зависеть от неумолимо разряжающегося амулета.

Если ничего не помешает, завтра я Выносливость добью до двойки. А сегодня мне предстоит ужин и отчаянный торг с трактирщиком и стариком Шими. Со вторым я дел не имел, но знал, что именно он скупает для фактории недорогие специи.

Если мозгов в кайтах немного, о печени такое не скажешь. Её набралось несколько килограмм. Аппетит у меня и Бяки прекрасный, но всё же не настолько. Да и нет смысла давиться одним продуктом, полезно разнообразие.

Возможно, обменяю у Шими часть печени на другие специи. Наши организмы развиваются, им нужно много всего, да побольше. Ну а если не получится обмен, заберу своё

квадратиками, с которыми опять направлюсь к трактирщику. У него ведь тоже какие-то специи есть, вот и куплю.

А там, если финансы останутся, утром можно традиционно посетить Сома. Поспрашивать насчёт альтернативы шнуру из черемши. Если кайты снова примутся игнорировать берег, мне потребуется снасть полегче, чтобы забрасывать блесну подальше.

Плюс не помешает новая блесна. Раза в два поменьше нынешних. Ведь не раз замечал, как небольшие кайты преследуют снасть, сопровождая её до самого берега. Но почему-то не берут. У меня два варианта объяснения такого поведения: или чуют неладное, или блестящая наживка для них великовата. Это надо проверить. Если дело только в размере, темпы ловли увеличатся в разы.

Глава 22. Форс-мажор

Без изменений

Поутру меня поприветствовал неприятный сюрприз. Я рассчитывал проснуться с четыреста двадцатью двумя единичками ци в резервуаре. В самом худшем случае — с четыреста двадцатью одной. А осталось четыреста девятнадцать.

Подтвердилось подозрение, которое вчера смутно забрезжило впервые. Или моё ци начало исчезать быстрее, или скорость её истечения зависит от количества. Чем её больше, тем она сильнее давит на резервуар, вот и увеличиваются потери.

Не сказать, что я в шаге от обнуления, но динамика процесса слегка напрягает. Решил сегодня знаки ци не расходовать. Плюс надеялся поднять Ловкость и Выносливость. Это дополнительная пара атрибутов, которая при открытии заберёт из резервуара две сотни. Уровень резко снизится, а я прослежу, как это отразится на скорости истечения.

Сом оставил меня без большей части заработанных квадратиков. Вместо них я обзавёлся деревянной катушкой с крепкой и гладкой нитью. Толщиной меньше миллиметра, изготовлена из паутины какого-то тропического паука. Она отличается не только космической ценой, но и прочностью на истирание и разрыв. Плюс долго не гниёт в сырости и цвет у неё светлый, малозаметный в воде. Её применяют в хирургии, в ювелирном деле, в сапожном ремесле и прочих отраслях, включая ловлю рыбы. Именно она считается здесь лучшим материалом для изготовления лесок. Благодаря своим свойствам, не пугает подводных обитателей. Большинство её попросту не замечают, считая, что наживка болтается сама по себе.

Помимо катушки выторговал у Сома тонкие пластинки из меди и бронзы. Дабы лишний раз не светить технологиями, забрал их необработанными, а затем часа два убил, прежде чем обтесал о камень одну и загнул два уголка в разные стороны. Затем осталось кончиком ножа пробуравить два отверстия, да подвесить крючок за проволочное кольцо.

Получилось грубое подобие «чёртика». Так в моём первом детстве дед называл примитивную вращающуюся блёсенку, которой при мне вытащил немало окуней и щук. Ну а я же ею ловил, в лучшем случае — водоросли, в худшем — ветви нависавших над рекой деревьев. В общем, не везло хронически.

Но река там была — так себе. Слишком много промышленности в округе, экология плохая, да и охотников на рыбу столько, что она вырастать не успевала. Дед помнил

времена, когда всего этого безобразия было куда меньше, и щуки плавали таких размеров, что нудисты мужского пола боялись забираться в воду. Здесь, на Черноводке — как раз такой вариант, если не лучше. Я был уверен, что наверстаю упущенное в детстве.

Ножом расколол сухую палку, из её половинки вырезал мотовило. Укладывать на него леску куда удобнее, чем вручную наматывать на небольшую катушку.

Эх, как же не хватает спиннинга. Сойдёт самый дешёвый. Такой, наверное, и сам сумею сделать. Но это если и получится реализовать, то в отдалённом будущем, когда найду деньги и мастера. Сам прекрасно осознаю, что ничего приличного, способного не развалиться при первых забросах и выдержать поединок с пятикилограммовой кайтой, не сотворю.

За все труды ПОРЯДОК отвалил личный знак навыка «начинающий кузнец». До него, наконец, дошло, что к украшениям блесна отношения не имеет, следовательно, «ювелир» в моём случае не подходит.

Да уж, он гибко реагирует на изменения условий. Но если придираться к мелочам, кузнечная работа имеет чересчур мало общего с тем, чем я только что занимался.

Ну да ладно. Ещё один стартовый знак дали, надо радоваться, а не придираться.

* * *

Рыбалка началась с того, что я запутал шнур. Слишком тонкий, непривычно с таким обращаться. Долго пришлось с ним разбираться, борясь с соблазном порезать его на куски.

За первой неприятностью последовала вторая. Высмотрев рыбацким чутьём не слишком большую рыбину, по повадкам походившую на кайту, я сделал заброс и после недолгого сопротивления вытащил добычу на берег.

Действительно некрупная, вряд ли три кило наберётся. Похоже, моя тактика изменении снасти работает. Да, мелочь таскать не настолько выгодно, как крупную, зато её полно под берегом в любое время суток и нет проблем с вытаскиванием. Эту тянул напрямую, не связываясь с блоком, сил хватало с лихвой.

А вот то, что по этому поводу выдал ПОРЯДОК — не понравилось.

Вы ловите кайту редким способом. Вы наносите значительный урон кайте. Вы наносите фатальный урон кайте. Кайта мертва. Вы победили кайту (первая ступень).

Редкий способ

Получен средний символ ци — 1 штука
Получен средний общий знак навыка — 1 штука
Получено среднее общее универсальное состояние — 1 штука
Победа над кайтой
Малый символ ци — 4 штуки
Получен малый знак атрибута «ловкость» — 1 штука
Получен малый знак атрибута «сила» — 1 штука
Захвачен знак навыка — «распознавание ловушек» — 1 штука
Захвачен малый общий знак навыка — 1 штука
Получен личный знак навыка — «рыбацкое чутьё» — 1 штука

То, что за мелкую кайту дают меньше — это логично. А вот то, что редчайший способ превратился в редкий — сюрприз. И сюрприз неприятный, ведь приз за такое деяние серьёзно урезан.

Вчера я поймал десять кайт, и никаких изменений не припомню. Если предположить, что ПОРЯДОК тяготеет к десятичной системе, мне остаётся девять рыбин, и редкий способ сменится чем-то ещё менее престижным, если это вознаграждение вообще не отменится.

Эх — плохо. Я ведь рассчитывал быстро приподнять свои состояния до космических высот. Знай себе: дыши свежим воздухом, жуй черемшу, таскай рыбу в своё удовольствие и получай за это стратегические трофеи.

Впрочем, для меня сейчас куда актуальнее знаки навыков. В этом ПОРЯДОК не обделяет. То, что другому за сутки каторжного труда не добыть, мне падает всего лишь за одну мелкую кайту.

— Что-то не так? — спросил Бяка.

— Ты это чего? — уточнил я.

— Да ты так смотришь вдаль, будто видишь то, чего я не вижу.

— Так и есть. Я вижу многое.

— А мне расскажешь? Интересно ведь, что можно видеть.

— Я вижу, как мы сегодня наловим штук двадцать вот таких кайт. А может и тридцать.

— Мелкие они.

— Зато тащить легко. И их будет двадцать. Или тридцать. Да мы сегодня семь корзин сможем сдать и целую неделю потом ничего не будем делать.

— А как это ничего не делать?

— Ты что, ни разу в жизни не бездельничал?

— Нет. Всегда есть какое-то дело.

— Да уж Бяка, ты, оказывается, трудоголик.

— Как это трудоголик?

— А так это. Получается, ничего ты в этой жизни не видел. Ну да я тебя научу плохому, не переживай. Готовь корзины и нож.

Добычи будет много, ведь в реке полно рыбы, которой нравится наша новая блесна.

* * *

Два десятка я натаскал до обеда. Причём, по поводу второго десятка угадал. И, увы, случился самых худший вариант, — ПОРЯДОК перестал подкидывать бонусы за редкий способ лова. Оставалось довольствоваться тем, что выдавалось непосредственно за рыбу. Тоже неплохо, ведь другим такое изобилие в сладком сне не снилось. Однако моя жаба привыкла к роскоши, и жизнь для неё из цветной стала чёрно-белой.

Тремя запланированными атрибутами я обзавёлся быстро. Теперь у меня двойка на Выносливости и единичка на Ловкости. Могу открыть пару новых навыков, но пока что с этим не тороплюсь. Шаг этот слишком ответственный, надо хорошенечко всё продумать, прежде чем решаться.

Увы, я ведь такой тёмный, что понятия не имею, можно ли когда-нибудь потом эти навыки удалить, освобождая место для чего-то более достойного. Домашнее обучение в исполнении матери было неполным. Слишком многое она не упоминала вообще, или затрагивала вскользь, не вникая в мелочи. Та же ситуация с амулетом для меня — загадка всех загадок. Ведь заряжать его до смехотворных величин стоило немалых средств. Наш бюджет хронически трещал по швам во многом благодаря этому. И вдруг он заполнился сам по себе на пару месяцев вперёд, да ещё и столь мощно прибавив в характеристиках.

Как такое могло произойти? Кто управлял процессом? Ведь, если вспомнить прослушанные уроки, ци — слепая сила. Её потоки протекают по одним и тем же руслам, сменить которые может лишь разум или животный инстинкт существ ПОРЯДКА.

С потерей ци ситуацию проверить смогу только завтра. Сейчас слив две сотни единиц на открытие двух атрибутов, я прилично уменьшил её количество в резервуаре. Теперь остаётся проследить, снизится утечка, или нет.

* * *

Беда случилась на двадцать третьей рыбе. Предыдущие двадцать две я вытаскивал играючи. Три-четыре килограмма для меня — невеликая нагрузка. Кайты — создания сильные, но если засеклись надёжно, и двух минут не проходило, как оказывались

на берегу.

С этой поначалу всё шло по проторенной дорожке. Почувствовав удар, рванул шнур, пробивая грубым кованым крючком рыбью пасть. И ощущая сопротивление возмущённой кайты, начал крутиться справа налево, наматывая шнур себе на талию. Смешно, конечно, выступать в роли гигантской катушки, но зато и руки целее будут, и шнур не так сильно путается.

Сильнейший рывок сбил меня с ног, заставив прокатиться добрую пару шагов. Остановился я уже в холодной воде, инстинктивно зарываясь ногами в гальку. Так получилось чуть притормозить, но могучая сила настойчиво увлекала меня в реку. Будто трактором тянула, сопротивляться приходилось на пределе сил. Из-под подошв начали выворачиваться камни, сигнализируя, что долго мои «якоря» не продержатся.

Что за дела?! Это ведь обычная кайта, а не белая акула!

Активировав на пару секунд рыбацкое чутьё, чуть не выругался на языке из первой жизни.

Ну а как тут не возмутиться, если вместо трёхкилограммовой кайты на другом конце шнура бьётся живое бревно. Чудище метра два с лишним. Одна из тех неприятных тварей, из-за которых привычные к холодной воде обитатели фактории не торопились открывать пляжный сезон на косе.

Это чудовище заметно побольше того, с которого стартовала моя рыбацкая карьера. Откуда такая тварь здесь взялась? Ведь только что всматривался в воду и ничего, кроме обычной мелюзги, не заметил.

Но это праздные мысли. Сейчас не думать, сейчас делать надо.

О блоке можно забыть. Я уже успел намотать на себя несколько витков шнура, да и не удержится он. Рыба чересчур огромная, она легко вывернет кол, ведь в гальку его глубоко не вбить.

— Бяка!!! — заорал я.

— Что?! — воскликнул упырь.

— Держи меня!

— Как держать?!

— Крепко держи! Она хочет меня утащить!

— Большая?!

— Даже больше первой!

— Ура! Гед поймал большую рыбу!

— Тут ещё неясно, кто кого поймал!

Рыба рванула так, что я проехался на пятой точке около метра, бороздя ногами дно. А Бяка, ухватившись за плечи, волочился следом.

Нет, так дело не пойдёт.

— Встань мне на ноги! — заорал я.

— Как это?!

— Вдавливай мои ноги в дно! Сильнее вдавливай! Я пятками торможу! Надо их вдавливать! Пятки в дно!

Продолжал кричать это на разные лады, пока до Бяки не дошло. Встав на мои голени босыми ступнями, он пригнулся, ухватившись за макушку. Больше здесь держаться не за что, а шатает нас здорово. Вот в таком неустойчивом положении мы и застыли на несколько секунд.

— Она не может нас утянуть! — торжествующе воскликнул Бяка, неотрывно уставившись на вытянутый в струну шнур.

— Ты ещё не видел, какие она рывки может делать, — напряжённо заявил я.

И кто меня за язык тянул? В следующий миг рыба рванула так, что я едва не заорал. Показалось, что шнур, обмотавший тело, начинает перерезать меня на две части.

Но нет — пронесло. Он безвольно опал, больше его ничего не тянуло.

Бесцеремонно сбросив с себя Бяку, я на четвереньках выскочил на сушу и там начал торопливо сматывать шнур, кое-как раскладывая его по берегу. Даже не став вытаскивать до конца сиротливо болтавшийся в воде конец, начал приплясывать, скидывая мокрую одежду. Денёк пасмурный, а вода даже поздней весной теплотой не отличается, зубы принялись отбивать чечётку.

— Где рыба? — потерянно спросил Бяка, начав скидывать свои лохмотья.

— Нету рыбы, — дрожащим голосом ответил я, начав приплясывать. — Эта гадина шнур оборвала.

— Лучше бы мы черемшей ловили. Она бесплатная и крепче, — вздохнул упырь.

— Ничего не лучше. Мы бы эту кайту никак не вытащили. Она слишком большая для нас.

Я увидел, что Бяка уставился куда-то мне за спину, и глаза его стали перепуганными.

Обернувшись, не удивился, узрев Карасей в полном составе. И Рурмис с ними заявился — двоюродный брат вожака сорванцов.

Первым делом мелькнула мысль, что нас, голяком выплясывающих на берегу, всё же решили поучить жизни при помощи испытанного народного средства под названием «тумаки». Но нет, непохоже, что эта орава замыслила недоброе. Ни малейших признаков агрессии не наблюдается, хотя и не сказать, что смотрят радостно.

— Рыбачите? — мрачно спросил Рурмис.

Я кивнул и, лязгая зубами, пояснил:

— Здоровенная кайта клюнула. Порвала нам снасть.

— Молитесь ПОРЯДКУ, чтобы она вашим камнем подавилась и сдохла, — насмешливо заявил Рурмис и развернувшись, зашагал в сторону рыбацкого навеса.

— Вам сегодня корзины надо будет тащить? — настороженно осведомился Сатат.

Я, ощущая себя замёрзшим так сильно, как никогда в жизни не мёрз и заговорил, чуть ли не подвывая:

— Да, надо. И если вы быстро прямо здесь организуете костёр, я дам вам целую кайту длиной больше моей руки. Даже две таких кайты. Только костёр нужен большой. И прямо сейчас. И похлёбку из мозгов надо сварить. Чтобы горячая. И чай.

Да я в кипяток готов нырнуть. Спасибо, что здесь, внизу, ветер почти не задувает. Иначе бы уже околел.

* * *

Дальше, наверное, начало сказываться открытие сразу двух единичек атрибутов. Организм чутко реагировал на изменения того, чем заведует ПОРЯДОК. Голова у меня отупела, навалилась сонливость, я дрожал крупной дрожью даже под грязной рогожей, любезно притащенной одним из Карасей. Тупо сидел, подставив лицо огромному костру. Когда мне давали рыбу, зажаренную на прутиках, ел, когда давали похлёбку из мозгов, пил, потому как ложек ни у кого не имелось.

Смутно помню, как снова подходил Рурмис. Расспрашивал за рыбалку, пытаясь выведать, как мы при помощи камня с крючком натаскали столько кайт. Я был не в том состоянии, чтобы отбрехиваться, потому отдуваться пришлось Бяке. А он не сказать, что красноречив, надежды на его язык мало. Что-то втирал про то, что я умею читать и писать, следовательно, являюсь магом. Плюс у меня есть какое-то умение, заставляющее кайт ловиться так, как я им прикажу. В общем, бред какой-то нёс.

Когда Рурмис ушёл, Бяка предсказуемо поругался с Карасями, припоминая им старые обиды и намекая на то, что ночного мщения недостаточно, чтобы забыть всё плохое. При этом он то и дело хватался за тряпичный свёрток, злобно заявляя, что это его.

В общем, пребывал в своём амплуа.

Как я оказался в подвале — не помню. Но именно там, развалившись на тонком слое натасканной Бякой соломы, я понял, что случилось самое неприятное.

Это не холод лишил меня сил. Я заболел. И это очень

серьёзно. Очень. Люди с такими параметрами, как у меня, здесь умирают в младенчестве. Их даже намёк на насморк убить способен.

Весенняя вода коварна. А я оказался в ней дважды за несколько дней.

Вот и докупался…

Глава 23. Минус дни из жизни и нехороший плот

Ступени просветления: 0 (201/888)
Тень: 201
Атрибуты
Выносливость: 2 атрибута, 112 единиц
Сила: 0 атрибутов, 31 единица
Ловкость: 1 атрибут, 83 единицы
Восприятие: нет, 50 единиц
Дух: нет, 50 единиц
Навыки
Рыбацкое чутьё (2 ранг) — 10 уровень (10/10)
Состояния
Равновесие (6,31) — 6 уровень
Улучшение просветления (0,5) — 0 уровень

В бредовом состоянии я пребывал два дня. Большую часть времени при этом спал мёртвым сном, не видя сновидений и не сразу вспоминая, где я, когда приходилось открывать глаза. Иногда случались кратковременные периоды горячечной активности. Я мог вскочить, есть, пить, рваться заниматься какой-либо деятельностью. Но затем будто рубильник опускали, и снова отрубался.

Лишь вечером третьего дня, продрав глаза в очередной раз, я ощутил себя не растёкшейся на берегу медузой, и не трупом, к которому подвели электрические провода и смеются, глядя, как неистово он корчится.

Не скажу, что здоровье вернулось, но болезнь определённо отступила, оставив после слабость, которая воспринималась почти с радостью.

Это — приятная слабость. Слабость организма, твёрдо вставшего на путь восстановления и настойчиво намекающего, чтобы ему не мешали неуместной активностью.

В подвале был единственный постоянный источник освещения, — слуховое оконце, располагавшееся почти на уровне земли. На ночь мы прикрывали его плотной циновкой, сплетённой Бякой из стеблей черемши. Из-за этого в помещении ощущался резкий запах этого растения. Не сказать, что чесночный, но близкий к нему.

Окошко прикрыто. Я прекрасно вижу грубую ставню. А ведь видеть не должен, ведь в это время суток тьма в подполе стоит столь монолитная, что её можно ножами на куски нарезать.

Развеять её может только клетка со светляками, но сияние от неё холодное и слабое, совсем не похожее на такое освещение.

Повернувшись, увидел причину необычной иллюминации. На сосновом чурбаке стояла глиняная плошка, заполненная маслом, или другим горючим веществом. На фитиле, приподнятом над поверхностью, вытягивается язычок огня. Света он даёт немного, но помещение небольшое, этого достаточно, чтобы разогнать мрак по углам.

Бяка, склонившись, протянул мне кружку:

— Пей Гед. Всё пей. Не разливай, как в прошлый раз. Это стоит целых пятнадцать квадратиков.

— Пятнадцать квадратиков? — нахмурился я. — Это должно быть золотом, но оно почему-то воняет навозом.

— Это не из навоза делается. Это особые специи, корни и цветы. Это Балесса для тебя заваривает. Ты должен выпить всё.

На вкус зелье оказалось ничуть не лучше, чем на запах. Но пятнадцать квадратиков — это мощный аргумент. Морщился я, конечно, сильно, но добил до последней капли, после чего взмолился:

— Воды нет? Запить?

— Воду Балесса сказала после зелья не давать. Хочешь солониной зажевать?

— Да я эту гадость твоими ушами зажевать готов!

— Как же это хорошо! — обрадовался Бяка. — Ты хочешь есть. Когда умирают, есть не хотят. Значит, ты не умрёшь. Я рад.

— А уж как я рад… Что со мной случилось? Что за болезнь? — спросил я, уже чавкая с такой жадностью, будто ни разу в жизни еду не видел.

— В реке очень холодная вода. Ты очень слабый, тебе нельзя мёрзнуть. Балесса говорит, что когда слабый мёрзнет, в нём открывают невидимые двери для злых сил. Наверное, они с демонами пришли, когда было нашествие. И так и остались у нас. А некоторые говорили, что ты мор с собой принёс. Боялись к тебе подходить. Но ты не покрылся язвами, и все успокоились.

— Я тут что, третий день валяюсь?

— Да. Третий.

— Плохо. Откуда у тебя столько квадратиков?

— Когда я понял, что ты сильно заболел, я рыбу отдал Мегере, а все мозги и печень продал. Квадратики на лекарства, а рыба в счёт будущих дней. Я боялся, что нас выгонят назад в сарай. В сарае слишком холодно и сыро при дожде, тебе туда нельзя.

— Спасибо, Бяка, ты всё сделал правильно. Сколько корзин вышло?

— Семь. Мы ещё четыре дня можем ничего не сдавать. Наверное.

— Почему, наверное?

— Я плохо очень считать умею, — потупился Бяка.

— Это исправимо, я тебя научу.

— Правда? Это будет хорошо. Тех, кто умеют считать, трудно обманывать. Они сами все жулики.

— Насчёт жуликов не обобщай. Но ты сосчитал всё правильно, значит, у нас есть ещё четыре дня в запасе.

— Может даже больше. Раз ты пришёл в себя, тебя можно оставлять одного. Теперь ты себе в бреду не навредишь. А я буду работать.

— Опять черемша? Ты забыл, что ли? Мы же победители, а победители не занимаются черемшей.

— Нет, не черемша. Рогоцвет пошёл, сейчас все на нём работают, даже шахтёры, — сказал Бяка так буднично, будто я обязан понимать, о чём речь.

Но я, естественно, вообще ничего не понял, о чём и сообщил:

— Какой рогоцвет? Ты о чём сейчас?

— Разве не знаешь?! — изумился Бяка. — А, ну да, ты ведь недавно тут. На левом берегу Черноводки растёт много рогоцвета. В конце весны он зацветает. Несколько дней цветёт, а потом всё, нет цветов. Цветы — дорогая специя. Это почти самое дорогое, что тут можно добывать легко. Их ведь обрывать любой сможет. Пока он цветёт, все работы прекращаются. Даже в шахту никто не ходит, все на рогоцвете. Даже патрульные рвут рогоцвет. Эш бы тоже его рвал, но кому-то ведь надо здесь оставаться. Пусто здесь сейчас, нет почти людей. Все на левом берегу. Вот и я там буду рвать рогоцвет. Никто не скажет нам ловить рыбу. Рыба может подождать, а рогоцвет не ждёт. Припасы есть, фактория не будет голодать.

— Вот теперь понятно. Сезонная работа, значит. Я не уверен, что завтра смогу что-то собирать.

— Тебе и не надо. Тебе лежать надо. Вон, у тебя глаза сами закрываются. Спи, тебе надо много спать.

* * *

Проснулся я уже поздним утром. Плошка с маслом не горела, но пробивавшееся через отверстия в циновке солнце показывало, что рассвет остался далеко в прошлом.

От вчерашней слабости, не дававшей руку поднять над головой, остались лишь отголоски. Но их хватило, чтобы я

осознал — подвиги сегодня мне противопоказаны.

Пошарил в мешочке, подвешенном к потолку. Простейший способ сберечь припасы от вездесущих мышей. Чёрствый хлеб, жареная рыбёшка, да завёрнутый в лист лопуха кусок опостылевшей каши. Но даже её я умял с превеликим удовольствием.

Не оставив ни крошки съестного, решил, что валяться и дальше в пыльном подвале — скверная идея. Погода на улице прекрасная, надо выйти развеяться. Заодно и сделаю блесну взамен утраченной. Или даже парочку. Остатков пластин хватит на несколько штук, если не гнаться за большими размерами.

А я, разумеется, не гнался. Чем больше приманка, тем крупнее хищницы на неё кидаются. Та кайта, которая отправила меня на «больничный», соблазнилась вовсе не на мелкую блесну. Она атаковала свою младшую родственницу, пока я тащил её к берегу. На мелкий кусочек металла такой «крокодил» бросаться не должен. Ему это на один зуб, больше сил потратит, чем энергии получит.

Первоначально планировал устроиться на любимом месте, которое располагалось на стене. Но, выбравшись на улицу, чуть не зашатался под ударом солнечных лучей. Идеальный денёк намечается, без прохлады и без жары. Ноги ходят, голова не кружится, так зачем мне сидеть здесь, среди тесно настроенных домишек фактории? Тут обстановка не очень, тут вместо запаха весны нос раздражает гарь из печных труб, а то и что-то похуже, если ветерок задувает от угла с уборной.

Неспешно спустился по тропе до косы, обнаружив здесь заметные изменения. Сети в рыбацком сарае сохнут в полном составе. Никогда столько за один раз не видел. Дело в том, что некоторые полагается ставить ночью, другие утром, третьи в полдень. Не понимаю эту систему, просто не раз наблюдал процесс, подметив закономерности.

Лодок не видать. При мне использовали лишь одну, малую. Вторая, здоровенная, вечно лежала на суше кверху днищем. Даже сейчас видно след волочения этой посудины к воде.

И куда же они подевались?

Ни в протоках, огибающих остров, ни под обрывом правого берега пропажи не обнаружились. Пришлось немало покрутить головой, переходя с места на место, прежде чем заметил их слева. Там, в бухточке среди зарослей невысокого камыша, стояли обе лодки, уткнувшись носами в сушу. И ничего более не просматривалось: ни людей, ни движения в зарослях.

Вспомнил слова Бяки и понял, что лодки использовались для перевозки людей на сбор рогоцвета. Народ бродит где-то там, по

левому берегу. И мой компаньон тоже делом занимается.

Как туда попасть, я не представлял, да и не рвался. Спуск с горы показал, что силёнок у меня прибавилось, но говорить о полной победе над слабостью рановато. Надо садиться на солнышке, набираться от него энергии, точить блёсны. Максимум, на что можно решиться, это позже, когда ноги отдохнут после прогулки, пройтись по дальней оконечности косы. Там она сложена исключительно некрупной галькой, в воде под берегом нет валунов и почти нет коряг. Крупные кайты любят крутиться у преград, и потому в таких местах показываются нечасто. Значит, можно попробовать вытащить одну-две мелких, не рискуя нарваться на атаку матёрой рыбины.

Кстати, можно ведь прямо сейчас туда перебраться. Занимаясь блеснами, стану время от времени применять рыбацкий навык, наблюдая за жизнью речных обитателей именно в том месте. Будет полезно убедиться, что мои догадки верны. Да и чем больше знаешь о Черноводке и живущих в ней созданиях, тем лучше.

* * *

Блесну точил неспешно. Ну а куда мне торопиться? Я сейчас, всё равно, что больной на прогулке, мне даже в самой малости напрягаться противопоказано. И так её обтачивал, и эдак. А кончики загнул столь филигранно, что дед бы, пожалуй, одобрил. Прям воочию вижу, как поблескивающая пластинка крутится в воде пропеллером при самой низкой скорости проводки. Единственное, чего ей не хватает — это крючка-тройника. У Сома в продаже только одиночные, из-за этого слишком много нереализованных ударов. Выручает то, что кайты — рыбы упорные. Если начала гонку за добычей, может хватать её раз за разом, пока не засечётся.

Неспешность работы позволяла то и дело от неё отвлекаться, бросая взгляды по сторонам. Обычно простые, иногда навык активировал, подмечая всё, что скрывается под водной гладью.

Вот и сейчас, полируя блесну каким-то крошащимся при надавливании камнем, поднял голову и обернулся вправо, заметив там что-то постороннее.

Поднялся, уставившись на необычную картину. По Черноводке плыл плот. Неуклюжее сооружение, кое-как связанное из первых попавшихся коряг. Посредине установлено подобие футбольных ворот, поддерживаемое подпорками с двух сторон. Без поддержки там никак не обойтись, потому что на

перекладине болтается увесистый груз — два тела.

Человеческих тела.

Солнце успело перевалить через зенит и прекрасно подсвечивало каждую деталь. Даже более чем прекрасно, потому как некоторые я бы предпочёл не заметить.

Тела выглядели плохо. По всему заметно, что или над ними поиздевались после смерти, или эти люди умирали так, как врагу не пожелаешь. Отрезаны пальцы на руках, уши, носы, вместо глаз пустые впадины, а вместо причёсок голые черепа. Да и не только на голове коже не повезло, она отсутствовала и в других местах. Где-то сдирали крупными кусками, где-то нарезали узкими ремнями.

Про Лихолесье я раньше много страшилок наслушался. Но после той памятной переправы, случившейся даже не в нём, а на его границе, ничего страшного не происходило ни со мной, ни с окружающими. Жизнь здесь не сказать, что обходится без сложностей, но и запредельные ужасы этим краям приписывали понапрасну.

Именно такое мнение у меня складывалось до тех пор, пока я не рассмотрел плот и его кошмарных пассажиров.

С нервами у меня полный порядок. То есть в обморок при виде такой картины падать не стал. Вместо этого оценил траекторию движения плота и понял, что он пройдёт рядом с косой, по правой протоке. Метрах в двадцати от берега, вряд ли больше. Но с таким же успехом он может находиться под обрывом на другой стороне. Что так, что эдак, мне его не остановить.

А остановить, наверное, надо. Эш наверняка захочет взглянуть на столь нехорошее и редкое зрелище. Я целыми днями пропадал на реке, но ни разу не видел, чтобы по ней сплавлялись ободранные покойники.

Лодок на берегу нет, да и мне в одиночку не справиться даже с небольшой. Поэтому сделал единственное, что мог сделать. Побежал в сторону фактории, размахивая руками и надеясь, что столь бурная физическая активность не приведёт к рецидиву хвори. Там, в башне над мостом, всегда дежурят два глазастых стражника. Они должны заметить одинокую фигурку, мчащуюся по открытой косе.

Даже прокричал пару раз. День почти безветренный, шума постороннего нет, есть шанс, что услышат.

Показалось, или с башни машут в ответ? Да, точно, — машут.

Вскинул левую руку над головой, а правой указал на плот, уже добравшийся до начала косы. Если там не полный кретин дежурит, обязан понять, что с этой плавучей виселицей что-то не так. Близорукость в Роке редкость, значит должен разглядеть

тела, раскачивающиеся на перекладине.

Через минуту наверху тропы показалась маленькая делегация: Эш и немолодой стражник с избыточным весом. Только тут я понял, что Бяка не шутил по поводу того, что всё население фактории отправилось заготавливать цветы рогоцвета. Глава не смог собрать серьёзные силы, чуть ли не в одиночку заявился.

Встретив парочку внизу, я указал на плот:

— Там покойники.

— А мы-то думали, что они живые, Хаос тебя подери, — на ходу ответил Эш и обернулся к стражнику: — Мадакс, хватай шест у рыбаков и беги на Соколиный камень. Сдаётся мне, плот или в него врежется, или рядом пройдёт. Попробуешь перехватить. А я вон там, справа от навеса покараулю его.

Я, торопясь за ними, счёл нужным вмешаться:

— Нет, плот сейчас отнесёт от берега. Там бровка под водой из валунов, она воду от неё отбивает. Но потом он попадёт вон в ту струю, где сейчас рыба большая всплеснулась. И она его придавит под скалу. Прямо под ней надо караулить. Если там не получится перехватить, он мимо острова пройдёт.

— Глупости, — ответил на это Мадакс. — Соколиный камень дальше всего в реку вдаётся.

— Малец реку знает, — заметил Эш. — Ладно, ты давай на камень, а я под скалу, как он сказал. Если мимо пройдёт, я этому болтуну точно розги пропишу. Их ему остро не хватает.

Ну вот, опять. Инициатива наказуема. И кто меня за язык тянул?

* * *

С плотом всё получилось идеально. То есть, так, как я сказал. Наблюдая за Черноводкой не один день, я не мог не обращать внимания на увлекаемый течением мусор. А он что мелкий, что большой ведёт себя одинаково предсказуемо.

Эш подцепил плот крюком деревянного багра и успел притянуть к камням, прежде чем течение завело ужасающее сооружение под вертикальную скалу, служившую фундаментом фактории.

Я указал на надпись, протягивающуюся по перекладине:

— «Всякий пришедший на землю императора боли будет страдать». По-моему это кровью написано.

— Ты что, читать умеешь? — оглянулся Эш, сузив глаза.

— Нет, я это случайно угадал. Конечно же, умею.

— Болтаешь ты много. А болтать, это нехорошо. Помалкивай. О том, что тут видел, никому слова. Понял?

Молча кивнув, я всё же не удержался.

— Что у них со ртами?

— Ты о чём?

Я указал на ближайшее тело:

— Челюсти будто подвязывали. И изо рта выглядывает что-то непонятное. Это явно не языки.

Эш, ничего не ответив, перешёл на плот, ухватился одной рукой за подпорку, удерживающую перекладину, другой вытащил из ножен кинжал, сунул клинок трупу в рот, надавил, заставляя раскрыться. Оттуда вывалилась омерзительная масса, похожая на комок насекомых, слепленных слизью.

В этот момент подошёл Мадакс и первым делом начал блевать, а вторым простонал:

— Хаос меня побери, что за гадость у него во рту?

Эш, присев, рассмотрел выпавшую массу, поднялся, бесстрастно ответил:

— Ему в рот набили цветов рогоцвета.

— Сдаётся мне, тот, который справа, Шави, — трясущимся голосом сказал Мадакс. — У него рука криво срослась, когда в том году лес валили под Желудёвкой. Он деньги на целителя хотел собрать. Говорил, палец большой плохо слушается и сильные боли в запястье. Теперь у него ничего не болит…

— Он ушёл ещё позавчера вместе с Гамусом, — задумчиво произнёс Эш.

— Да, точно, кивнул Мадакс. — Гамус всем трепался, что знает лучшие поляны с рогоцветом. Ему ещё мужики говорили, чтобы он дурака не валял. Не надо уходить далеко от берега, да ещё с ночёвкой. Но это же Гамус, разве он кого послушается. Наверное, вот это он и есть. Вроде похож, а вроде и нет. Не поймёшь теперь.

— Те, кто это сделали, где-то недалеко сейчас, — сказал я. — Они специально выбрали время так, чтобы это случилось ясным днём.

— Поясни, — не оборачиваясь, бросил Эш.

— Эти люди мертвы уже давно. Часов десять прошло, или больше. Трупное окоченение. Когда их готовили к тому, чтобы вот так подвесить, тела были ещё свежими. Им набили цветы во рты и чем-то завязали нижние челюсти. Потом, когда развилось окоченение, завязки сняли. Не знаю, зачем так поступили. Вот, видно следы, где завязки давили. Теперь челюсти и без них держатся, почти не опустились. Плот отправили так, чтобы он попал точно на середину косы. Те, кто это сделали, знают реку не

очень хорошо. Они не понимают, что издали так сделать не получится. Плот спускали где-то недалеко отсюда. Вон, нет следов от топоров и пил. Связывали лыком, бесшумно. Я думаю, если поискать по левому берегу, быстро найдётся место, где его собирали.

— Это только предположения, — заметил Эш. — Но да, согласен, мыслишь ты не глупо. Где читать научился?

— На юге. У меня была нормальная семья.

— Да уж заметно, что не из нищих. О том, что видел, помалкивай.

— Я понял. Но там, на берегу, все наши люди. И Бяка там. Они ведь не знают…

— Узнают малец, они всё узнают. Как же не вовремя это отродье объявилось…

— И не говорите, — поддакнул Мадакс. — Как раз сезон рогоцвета, и тут такое. Как теперь сборщиков без охраны отпускать?

— Покарауль плот. Я вернусь наверх, пошлю к тебе Зира с рогожей. Снимите тела и обернёте. Так наверх и занесёте. Никто не должен видеть, какие они красивые. Как закончите, плот оттолкните, пускай плывёт вниз до самой Красноводки. И никому никто ни слова. Если пойдут слушки про императора боли и всякие другие сказки, я буду знать, где искать языки, которые нужно подрезать. Эй! Гед! Ты куда пошёл?!

— Мне ведь приказов не давали, а до вечера ещё далеко. Схожу на конец косы, попробую поймать парочку жирных кайт.

— Слыхал, Мадакс? Кайт он ловить попробует. Вы только посмотрите, какой деловой. И что, не страшно рыбачить там, где такое плавает?

Я пожал плечами:

— Покойники живых не трогают. А те, кто убили наших людей, не смогут незаметно сюда подкрасться. До косы им надо как-то добраться, а прятаться на воде негде. Да и здесь негде. Здесь ведь ничего не растёт, кроме черемши.

— Уж больно ты грамотный.

— Спасибо. Я старался хорошо учиться.

— Ну так выучи ещё кое-что. Это важно. Здесь тебе не юг. Здесь Черноводка. Река, которую так назвали из-за того, что в её воде всегда есть чёрная кровь. Всегда. И да, здесь покойники не такие смирные, как на юге. Здесь всякое случается. Здесь всех бояться надо, если хочешь до старости дотянуть. А теперь живо марш наверх, в свой подвал. Сиди там и до ужина чтобы не высовывался. Ты, вроде как, болен, раз рогоцвет не собираешь, вот и болей дальше. Чтобы внизу я тебя сегодня больше не видел.

Глава 24. Волшебный навык и прочее

Без изменений

Из-за приказа Эша я попал в странную ситуацию. Времени до ужина ещё полно, а делать совершенно нечего. Но это самооправдания для лодыря, а мне таким быть нельзя. Значит, надо срочно чем-нибудь себя занять.

Для начала забрался на северную стену, откуда открывался чудесный вид на левый берег. Тот самый, на котором сейчас пропадала большая часть обитателей фактории.

Сколько я ни вглядывался, ни одного не заметил. Лес на той стороне реки мрачный и густой, лишь местами его прорывают почти полностью затянутые камышом и рогозом невеликие блюдца пойменных озёр. Даже с хорошим биноклем вряд ли получится высмотреть людей сквозь переплетение ветвей.

К тому же не факт, что они бродят именно там, поблизости от берега. Дальше, приблизительно в километре, местность начинает повышаться. Там редкие лиственные деревья и ели постепенно уступают первенство соснам и кедрам. За ними вздымается мешанина невысоких холмов, среди которых светлеют обширные открытые пространства. А уж совсем под горизонтом возвышенности становятся всё серьёзнее и серьёзнее, примыкая к пикам горной гряды, изломанной стеной протягивающейся с запада на восток.

Туда, конечно, Бяка и прочие добраться не могли. Это не один день шагать придётся. А вот к тем местам, где холмы только начинаются, дойти можно за час или около того. Я понятия не имею, какие ландшафты предпочитает рогоцвет. Может ему сырая низменность противопоказана, и людям приходится забираться далеко от берега.

И они сейчас даже не подозревают, что сборщиков стало на парочку меньше. Кто-то сильный и жестокий убил двоих из них.

Кто знает, не подбирается ли он сейчас к остальным. Мне теперь даже здесь, в окружении стен, неуютно. В честь сезона цветения рогоцвета Эш устроил тот ещё аврал. В фактории людей почти не осталось. Вон, даже плот с телами не сразу заметили, а ведь дозорные обязаны контролировать реку.

Если убийцы сборщиков достаточно сильны, они могут вплавь добраться до косы, после чего подняться по никем не охраняемой тропе. Людей ведь почти не осталось, некому следить за подступами. Как я вижу со стены, дозорный в башне всего

лишь один. Второй спустился вниз, помогать разбираться с телами. То есть у гипотетических злоумышленников есть шанс забраться в факторию без помех.

Естественно, Эш это понимает не хуже меня, отсюда и растут уши его приказа не показываться внизу. Должно быть, разобравшись с телами, стражники прикроют дверь в главной стене.

Эта мысль меня успокаивает. Если к нам заявится обычная шайка, а не армия, для неё столь высокое препятствие непреодолимо.

По крайней мере, в это хочется верить. И не хочется думать, что у злодеев окажутся воины вроде Камая. Для тех стена в два человеческих роста — это несерьёзно.

Рок — это мир, где даже одиночка способен на многое. Если достаточно серьёзно занимался тем, что даёт ПОРЯДОК.

Вот и мне сейчас стоит этим позаниматься. Прикинуть, что у меня есть, чего не хватает, о чём следует задуматься в первую очередь и о чём во вторую.

А есть у меня следующее: базовый резервуар ци на восемьсот восемьдесят восемь единиц, три максимально заполненных атрибута, один навык, и шесть уровней Равновесия. Всё остальное неактивно, и потому никакого влияния на меня не оказывает.

Восемьсот восемьдесят восемь единиц — прекрасно. Основная масса аборигеном может похвастаться лишь первыми сотнями, а расширять лимит резервуара ох как непросто, и эта возможность доступна не для всех. Значит, по поводу вместилища переживать не стоит.

А вот по поводу утечки — стоит. Высшие силы Рока каждый день воруют у меня несколько единиц. Можно ли этот грабёж как-нибудь прекратить? Пока что мне известен лишь один способ. Причём не уверен, сработает ли он в моём случае.

Способ простой — заполнить резервуар до максимума, перейдя на следующую — первую ступень. У обычных аборигенов никаких утечек не наблюдается. Наоборот, количество ци непрерывно воозрастает. Если вообще не сливать её на атрибуты и навыки, можно спокойно годам к пятнадцати добраться до седьмой-восьмой ступени. Получится, конечно, тот ещё инвалид, но ведь это просто теоретические размышления.

Набрать полный комплект ци — не проблема. Проблемы могут начаться после этого. Сейчас я в роли великой пустоты, которую ПОРЯДОК пытается заваливать по максимуму. Если возьму первую ступень, он может счесть меня нормальным, и тогда придётся ловить кайт по несколько дней ради жалкой единички к атрибутам. То есть жить так, как обычные люди

живут.

Плюс — не факт, что это остановит утечку.

Получается, я рискую потерять не только увеличенную добычу, но и ничего при этом не выиграть. Да, ступени, безусловно, брать придётся, но на моём уровне развития это необязательно. Навыки пока что не требует роста этого показателя, а атрибутам тоже ещё расти и расти до потолка.

Значит, это дело можно задвинуть в дальний ящик.

Три атрибута — это, конечно, ни о чём. При стандартном развитии на одной ступени можно развить шесть. Но набранные уровни состояния Равновесия увеличивают этот лимит ровно в два раза. С текущими темпами мне ещё долго возиться придётся, чтобы добраться до максимума. А уж как раскидать — это зависит от того, какие трофеи выпадают. Увы, но общие знаки атрибутов, которые можно пускать на любой из пяти, выпадают не так уж часто.

Хотя жаловаться, опять же, грех. Если я не ошибаюсь в порядке цен, на один общий знак можно купить корову, а то и пару. Потому как аборигены видят такие трофеи очень нечасто.

Пока что уверенно лидирует Выносливость. На неё мне больше всего достаётся. Не вижу смысла притормаживать развитие этого атрибута. Он полезен во всех занятиях, плюс, чем выше его показатель, тем крепче здоровье и выше шансы на долголетие.

Здоровье — это прекрасно. Значит, пускай растёт и дальше.

С состояниями у меня всё одновременно и хорошо, и плохо. Равновесие на шестёрке — это очень и очень солидно. Сомневаюсь, что у того же Камая она хотя бы на тройке была, а он, по меркам Севера, считался очень серьёзным воином. Плюс открыто Улучшение Просветления. Но до единички оно не добралось, да и не очень-то нужно. Ведь всё, что делает этот параметр — это увеличивает вместимость резервуара ци, а у меня с ним проблем нет. На будущее — не помешает, но не критично. Улучшение Восприятия и Улучшение Духа мне если и пригодятся, то уж точно не сейчас. Скорость восстановления маны и боевой энергии мне тоже ни к чему, потому как ни того, ни другого пока что нет.

А вот от состояния Тень Ци я бы не отказался. Чем оно выше, тем быстрее регенерирует энергия, затрачиваемая на навык Рыбацкое чутьё. Однако если применять его экономно, в принципе хватает пары сотен единиц на световой день. За ночь расходы успевают полностью восстановиться. Пока что достаточно, но нельзя не признать, что хочется поднять этот параметр, дабы не трястись над каждой единичкой. Применяй я

своё умение почаще, глядишь, мог избежать той ситуации с атакой крупной кайты на засечённую добычу.

Состояние Мера порядка — мечта всех без исключения: и простолюдинов, и аристократов. Чем выше этот параметр, тем больше тебе выпадает трофеев. У меня его нет вообще, но в перспективе хотелось бы его открыть и развить до высоких значений. Чем выше, тем лучше. И только после этого есть смысл переходить на первую ступень. Дабы прибавка скомпенсировала возможное снижение вознаграждения от Порядка.

Итак, с состояниями всё понятно. В первую очередь мне интересны Мера порядка и Тень ци. Ни то, ни другое я ни открыть, ни приподнять сейчас не смогу. Следовательно — это не более чем теория. Просто запомню, на будущее.

А вот навыки доступны уже сейчас. На каждый открытый атрибут я могу выучить один. Атрибутов три, за минусом рыбацкого чутья мне доступны два.

Всего у меня двенадцать разновидностей трофеев и запасов Трейи, относящихся к разнообразным навыкам, из которых открыть могу девять новых.

Личный знак навыка — «кровавое чутье» — 15 штук
Личный знак навыка — «распознавание ядов» — 11 штук
Личный знак навыка — «распознавание ловушек» — 14 штук
Личный знак навыка — «начинающий ювелир» — 1 штука
Личный знак навыка — «начинающий целитель» — 1 штука
Личный знак навыка — «начинающий камнетёс» — 2 штуки
Личный знак навыка — «начинающий столяр» — 1 штука
Личный знак навыка — «начинающий кузнец» — 2 штуки
Личный знак навыка — «рыбацкое чутьё» — 8 штук
Личный знак навыка «рукопашный бой» — 1 штука
Знак навыка — «рукопашный бой» — 10 штук
Знак навыка «железная кожа» — 10 штук

Плюс набралось прилично общих знаков навыка, при помощи которых я могу поднять любой на приличную величину.

Большой общий знак навыка — 12 штук (даёт 25 единиц прогресса к любому навыку)

Средний общий знак навыка — 10 штук (даёт 12 единиц прогресса к любому навыку)

Малый общий знак навыка — 42 штуки (даёт 1 единицу прогресса к любому навыку)

Выглядит прилично. На поднятие одного рядового навыка первого ранга с нулевого до десятого уровня требуется сотня единиц. Чтобы довести до максимума второй ранг — уже двести. Нетрудно сосчитать, что запасов у меня вполне достаточно.

И что из этого есть смысл выбрать?

Кровавое чутьё — это полезно кайтам, чтобы замечать раненых рыб и прочих созданий. Распознавание ядов — звучит интереснее, но, вроде как, травить меня не пытаются. Замечать ловушки — аналогично неактуально. Ювелиром стать — хорошая профессия, но не сказать, что первоочередная. Камнетёс, столяр, кузнец — аналогично. Здесь своих спецов хватает, мой начинающий навык никому неинтересен. Развить его до серьёзного состояния не смогу, потому что выше начнутся требования к ступеням просветления. В общем — напрасный перевод трофеев.

Вот рукопашный бой — звучит заманчивее. Даже на низких рангах от него есть толк, если судить по тому, как уверенно меня побеждает Бяка. Любому хочется уметь дать сдачи противнику. Но часто ли мне здесь приходится махать кулаками? Пока что — нет. Но дело, безусловно, нужное, не зря мать приберегала для него целых десять знаков. Регулярно заставляла меня устраивать смехотворные спарринги чуть ли не с младенцами, надеясь, что ПОРЯДОК смилостивится и даст возможность открыть это важное для аристократов умение. Вон, даже у всеми презираемого упыря оно есть.

Позор его не иметь.

Но с этим позором я, возможно, смогу прожить ещё не один месяц. Раньше ведь как-то обходился.

На первое место поставил навык целительства. Он действительно полезен, если вспомнить про болезнь, от которой окончательно ещё не отошёл. На низких ступенях развития смогу лечить царапины и мелкие раны, но чем дальше, тем больше возможностей. Люди готовы платить баснословные деньги тем, кто подняли это умение на высокую ступень. Там и хвори можно лечить хронические, и оказывать реанимацию тем, кого всеми прочими способами вытащить из могилы не получается, и даже восстанавливать утраченные части тела. При всей отсталости здешнего общества, высшая медицина Рока на голову превосходит земную.

Итак — решено. Целительство мне точно не помешает. От него даже на низких рангах есть польза. Возможно даже, выберу не одну его ветку, а несколько. Каждая требует под себя единичку от количества атрибутов, но это того стоит.

Целительство со старта открывать непросто, потому как понадобится развитая Выносливость. Но у меня уже парочка этих атрибутов, а для начала достаточно одного.

Уже собравшись активировать навык, заметил нечто на периферии «внутреннего зрения». Будто что-то упущенное в навыках, непонятное.

И удивительные открытия посыпались одно за другим.

Оказывается, знаки навыков не только руками потрогать можно. В хозяйстве ПОРЯДКА имеется скрытое вместилище, куда попадают особого рода трофеи — виртуальные. Слышать о таком не слышал, но предположил, что это редкие случаи, связанные с чуть ли не уникальными стеченьями обстоятельств. Высшие силы, сталкиваясь с нестандартными ситуациями, поступают также нестандартно.

Такой ситуацией стало то, что я оказался в эпицентре своего рода взрыва, из которого распространялся мощнейший поток ци, накопленного поколениями клана Кроу. Этот поток, проходя через меня, изменил не только мою внутреннюю суть, но и что-то сотворил с амулетом. А так как в тот момент он болтался на моей шее, ПОРЯДОК счёл деяние достойным специализированного вознаграждения.

Скрытый личный знак навыка — «артефактор» — 1 штука. Требования к активации: Восприятие — 2 атрибута; Дух — 2 атрибута. Особое требование: первая активация затребует 600 единиц ци, прогресс на одну ступень первого ранга требует 100 единиц ци.

Особый навык. Для развития других его веток потребуется заново добыть стартовые личные знаки.

Первое, что понял даже я — оторванный от реальности теоретик, навык мне достался не простой, а волшебный. Добыть такой — удача из удач. Люди с таким умением от голода не умирают даже в самые суровые времена. Достаточно вспомнить, сколько денег приходилось сливать матери на зарядку моего умения.

Это как понимать? Открыв навык, я смогу заряжать его сам? Неизвестно, потому как расширенной информацией ПОРЯДОК не балует.

Приятное открытие, но пока что бесполезное. Я не могу активировать навык, потому как нужные атрибуты у меня отсутствуют. Я не могу их открыть, да и такой прорвы ци нет. Жрёт он немало не только при активации, а и при развитии. Ну да так, наверное и должно быть — это ведь волшебство.

Да и символы ци ходят наравне с деньгами не просто так. Несмотря на то, что у аборигенов проблем с наполнением личного вместилища нет, затраты на развитие атрибутов, навыков (и даже на использование некоторых навыков) требуют дополнительных расходов. Или приходится терять прорву времени, дожидаясь естественного прогресса.

Я занялся, наконец, тем, чем собирался заняться перед тем, как обнаружил сюрприз с виртуальным личным знаком навыка.

Израсходовал все десять средних символов ци, которые имелись в наличии. Это добавило во вместилище сто двадцать единичек. Довёл это количество до двухсот за счёт восьмидесяти малых символов.

Вот теперь можно браться за навык.

Доведя целительство до десятки, я получил доступ к ветке развития навыка второго уровня. Выбор был невелик и для меня ограничивался лишь одним вариантом, требующим два атрибута Выносливости и один Ловкости. Всем прочим мои параметры не соответствовали.

Но этот меня вполне устраивал. «Целительство ранений» позволяло лечить средние раны и быстро останавливать кровотечения. То есть с ним я не только с царапинами смогу справляться, а и с ситуациями похуже.

Плохо лишь то, что болячки я могу лечить лишь в лимитах стартового первого уровня навыка. То есть насморки, прыщи и прочую мелочёвку. Чтобы справляться с серьёзными заболеваниями, потребуется открывать навык заново и развивать нужную ветку.

Ну да это вопрос не злободневный, я ведь всё равно сейчас не смогу этого сделать. Нет нужных атрибутов в требуемых количествах. В будущем — возможно так и поступлю. Благо, стартовый знак в случае простых навыков уже не требуется. Открыв его один раз, можешь потом хоть все ветки развивать. Лишь бы не выходить за пределы лимита по количеству, а всё остальное, — как душа пожелает.

Итак, с навыками, пока что, закончили. Можно открыть ещё один, но лучше это местечко приберечь, ведь всё равно ци не хватит довести его до приличной величины.

А до ужина, между тем, всё ещё далеко.

Чем же заняться?

Занялся я чертежами, дабы попытаться реализовать один смелый проект. Если получится, возможно, с его помощью я сумею открыть ещё одно состояние. Или в чём-нибудь ещё прилично поднимусь. ПОРЯДОК по части вознаграждения далеко не всегда предсказуем, потому я не знаю, чем он одарит за новое значимое свершение.

Торговца на месте нет, он, как и все прочие, занимается рогоцветом. В кои-то веки свой жир растрясёт. Тут будто мор прошёл, все живые умчались на сбор специй. А мне, между прочим, надо что-то придумать с бумагой. Она в этом мире на каждом углу не валяется. Изготавливают её мало, ценится высоко.

Вариант один, — придётся попробовать чертить на древесной коре. Её можно добыть на задах мастерской столяра, куда

доставляют брёвнышки, пронося вручную по висячему мосту, или при помощи подъемника, когда лес доставляют плотами по реке.

Нормальными плотами, а не такими, какой мне сегодня довелось повидать.

Глава 25. Ужасы Лихолесья, или сказки на ночь

Ступени просветления: 0 (198/888)
Тень: 198
Атрибуты
Выносливость: 2 атрибута, 112 единиц
Сила: 0 атрибутов, 31 единица
Ловкость: 1 атрибут, 83 единицы
Восприятие: нет, 50 единиц
Дух: нет, 50 единиц
Навыки
Рыбацкое чутьё (2 ранг) — 10 уровень (10/10)
Целительство ран (2 ранг) — 10 уровень (10/10)
Состояния
Равновесие (6,31) — 6 уровень
Улучшение просветления (0,5) — 0 уровень

Ужинали сегодня всухомятку. Аврал по сбору рогоцвета затронул даже систему общепита. Сухари, солонина да по куску солёной морской рыбы, похожей на селёдку. Бяка свою долю умял чуть ли не с рычанием. Видно, что ему сегодня немало поработать пришлось. Да и я от него не отставал. В организме вновь развёрзлась бездонная бездна, чему можно только порадоваться, потому как у больного и правда не может быть столь зверского аппетита.

Ужин мы уничтожали на нашем любимом месте. Очень уж красочный вид открывается с северной стены. Будь моя воля, я бы поставил на её широком гребне хижину, дабы любоваться в окно панорамой севера.

Прикончив всё до крошки, Бяка отпил воды из берестяной кружки и похвастался:

— Семнадцать квадратиков получил.

— Неплохо, — одобрил я. — Это что, каждый день столько зарабатывать можно?

— Конечно, нет. Только когда рогоцвета сезон. А он только неделю длится. Жаль. Самая простая работа. Бывают ещё сезоны других специй. Но там столько не заработать. Я раньше квадратики хранил у казначея. И тратил их всю зиму. Вот так и жил. До весны хватало. Весной уже можно жить без квадратиков. А правду говорят, что Шави и Гамуса ты нашёл?

Чуть не подавившись, я осторожно заметил:

— Вообще-то это секрет, о котором никто не должен знать.

— Как это никто? Все знают. Я пока стоял на сдаче рогоцвета, вся очередь только и говорила о том, что с них кожу сняли. Жалко. Гамус был хороший. Он один раз дал мне хлеба, когда я весной заболел. И часто угощал меня дикими грушами. Теперь не угостит. Мало таких, как он. Упырей не любят.

Подивившись особенностям здешнего сохранения тайны, я спросил:

— А что говорят?

— Говорят, что неохота по дальним полянам разбредаться. Что надо всем в одном месте рвать. Так безопаснее. Только много так не нарвать. Да и некоторые сказали, что не пойдут больше на рогоцвет. Страшно им. Плохой сезон получится. Мало соберём.

— Я вообще-то не об этом спросил. Хотя спасибо — интересная информация.

— А о чём? — не понял Бяка.

— Я о том, что ничего не понял. Кто их так?

— Говорят, это сделал император боли.

— Какое-то странное прозвище.

— Это не прозвище, — сказал Бяка. — Это как должность. Так раньше называли самого главного в Пятиугольнике. Он всегда колдун. Он тут давно. Он был тут, до фактории. А когда пришла фактория, согнали его. Теперь фактория специи тут добывает. И руду. А не он. А он злится. И хочет всё вернуть. Это всё его.

— Колдун, это в смысле омега или альфа с магическими навыками? — уточнил я.

— Наверное, — неуверенно ответил Бяка. — Про последнего императора боли говорят, что он очень сильный колдун.

— Меньше верь всяким слухам.

— Думаешь, врут? — уточнил упырь.

— А ты сам попробуй подумать. Если он такой могучий, почему фактория до сих пор стоит? Значит, силы выгнать купцов у него не хватает. А я не вижу здесь большой армии? Сколько стражников у Эша? И тридцати не наберётся. Получается, это не колдун сильный, а Эш. Ну а Эш не выглядит таким уж сильным, да и стражники у него не очень.

— Эш хороший воин. Так говорят.

— Я не спорю. Всё равно получается, что император боли слабее.

— Он не один, у него есть воины. Разбойники ему подчиняются, — продолжал нагнетать Бяка.

— Значит, эти разбойники тоже слабые, — парировал я.

— Император боли может делать умертвий.

— Это как?

Бяка опасливо покосился на левый берег и сказал:

— Людей он убивает не просто так. Они их мучает. Чем больше боли, тем больше силы они дают для его колдовства. С большой силой он может поднимать кости. Заставляет мёртвое ему подчиняться. Умертвие трудно убить, оно ведь уже мёртвое. Без магии ему даже Эш, наверное, не навредит. А Эш не маг.

— Сказки, наверное, — я покачал головой. — Будь у этого садиста такие слуги, он бы спокойно захватил факторию и все посты.

— Умертвиям нет хода на наш берег, — сказал Бяка.

— И что их сдерживает? — скептически уточнил я.

— Это Лихолесье. Здесь разное есть. Здесь есть места, где не все могут быть. Умертвия императора боли не могут перейти через реку.

— Тогда почему он не натравил их на сборщиков рогоцвета? — задал я резонный вопрос. — Ведь раз с его умертвиями никак не справиться, они бы там всех могли перебить. А убили только двоих.

Бяка пожал плечам:

— Я не могу всё знать. Наверное, не только река их останавливает. Наверное, и на левом берегу есть места, куда они не могут попадать. Или у императора боли есть какой-то договор. Договор с другими. И он не может делать что-то плохое там, где нет договора. Ему ведь надо как-то жить там. И его людям жить. А у них нет защиты Пятиугольника. Значит надо договариваться. Потому и называет себя так. Потому что договорился. Император, это ведь хозяин земли. Вот он и хозяин там, где живёт.

Я покачал головой:

— Ничего не пойму. Кто с кем договорился? О чём?

— Я это тоже знать не могу. Но так люди говорят.

— Бяка, ты можешь рассказать так, чтобы я всё понял?

— Как я такое расскажу? Я не понимаю всё. Люди говорят разное. Они тоже не понимают. И я их не понимаю. Просто болтают. Но в лесу точно есть свои хозяева. Это всё знают. Хозяев леса надо бояться. Даже императору боли надо бояться. Я слышал многое, и даже один раз…

На последних словах Бяка помрачнел, всем видом показывая, что эта тема его напрягает. Но у кого мне выспрашивать, если не у него? Все прочие делиться со мной секретами не торопятся.

Однако и сильно давить на упыря не стал. Спросил, оставляя возможность для выбора:

— Если тебе неприятно это рассказывать, не надо. Просто мне очень интересно. Я ведь сюда случайно попал. Ничего здесь не знаю. Мне всё, что ты расскажешь про эти места, важно.

— А как это, попасть сюда случайно? — спросил Бяка.

Чуть поколебавшись, я выдал ему существенно урезанную версию событий:

— На наш дом напали разбойники. Всех моих родных убили. Я сумел убежать. Заблудился, спал под кустом, на земле. Там меня и нашли обозники, которые везли припасы в факторию.

— Странно, — почему-то удивился Бяка. — У нас с тобой похожие истории.

— Тебя тоже обозники привезли?

— Нет. Я жил на посту. С мамой и её мужиком. Мужик был хорошим. Колотил меня иногда, особенно когда пьяный, но кормил хорошо. Я плохо помню, что тогда случилось, — воровато обернувшись, Бяка склонился к моему уху. — Потом, когда спрашивали, я отвечал, что не знаю, кто напал на пост. Но я просто не знал, что можно ответить. Такое не расскажешь. К нам тогда пришёл сам лес. Не знаю, как ещё это можно сказать. И ответить так нельзя было. За дурака бы приняли. Да они и так приняли. Таких, как я, нигде не любят. Говорят, на юге упырей сжигают на кострах. Лучше я здесь буду, на фактории. Здесь меня не хотят сжечь. И кормят. И сюда лес прийти не сможет. Этот остров, он особый. Даже демонам на него нет дороги. Камень, на котором стоит фактория, заколдован древней магией. Как и всё Лихолесье рядом. Ну, или почти всё. Я же не знаю. Пятиугольником это место называют. Здесь тихо.

— И как этот лес выглядел? Тот, который к вам пришёл?

Бяка развёл руки:

— Было очень темно. Кричали люди. Сильно кричали. Мама сказала мне бежать в лес. Туда все дети бежали. Ну, я и побежал. Я только проснулся, ничего не понимал, только боялся. Светила луна, а сзади что-то горело. Я видел лес. Он был как тёмная стена, и все дети бежали к ней. А потом эта стена как бы ожила и шагнула им навстречу. Я не знаю, что это было. Наверное, какая-то магия. Но выглядело это так, будто сам лес начал двигаться. Все продолжали бежать, будто ничего не видели. Но я лучше их видел в темноте. Я видел, что туда бежать нельзя. Это было как охота, когда загоняют в ловушку. И они бежали в эту ловушку. А я развернулся и побежал в другую сторону. Не назад, а по склону холма. Туда, где деревьев почти не было. Когда деревьев мало, это ведь уже не лес. А в лес мне не хотелось бежать. Лес стал каким-то другим. Люди из фактории нашли только меня живым. Остальные были мёртвыми, или пропали. Дети почти все пропали. Их забрал лес. Тут везде есть хозяева. Всё кому-то принадлежит. Кроме таких мест, как Камень. Это особый остров. Так говорят. Хозяин правого берега решил забрать своё. И больше не стало поста. И мамы не стало. И мужика, который был мне

вместо отца, тоже не стало.

— Извини, Бяка.

— За что извинить?

— За то, что напомнил об этом.

— Так ты же не виноват. Тебе надо знать. Тебе всё надо знать. Тебе ведь здесь жить.

— Насколько понял, такие вещи здесь случаются нечасто, — сказал я. — Даже два человека, это серьёзно. Сам говоришь, что народ заволновался.

— Конечно, заволновался. Никому не хочется остаться без кожи. Многие очень испугались. А хозяева, это ведь хозяева. Мы для них, как мокрицы в этом подвале. Можно не обращать внимания, а можно обратить. Мокрицы могут не знать о нас. А мы о мокрицах. Но мокрица обязательно узнает о нас. Когда-нибудь. Вот и мы не можем не узнать о хозяевах. Это такой край. В Лихолесье и без хозяев страшно. Много опасного. У соседей малыша съели крысоволки. Зимой они очень опасные даже для взрослых. Другой сосед пошёл проверить силки, и больше его не видели. Совсем пропал. Искали долго, но ничего не нашли. Про такое говорят: «Лес забрал». Тут всегда что-то происходит. Тут даже на правом берегу Черноводки очень страшно. В лесу можно попасться гоблинам. Их там много. Или даже тролля встретить. Или на такое нарваться, что даже называть страшно. Но на левом берегу всё хуже. На левом берегу смерть. Там тоже были деревни. Были даже городки. Давно это было. Все, кто пытались там жить, больше не живут. Только здесь, возле Камня, немного спокойнее. Но далеко на север от него отходить нельзя. Там всё чужое, там очень опасно. Император боли враг. Но для нас свой. Он чужак для Лихолесья. Мокрицам трудно договариваться с хозяевами подвала. Он мокрица. И мы мокрицы. Он тоже боится леса. Вот и хочет забрать Камень себе. Это как война здесь. Давно уже так. Я даже не знаю, когда началось это. Но знаю, что будет завтра.

— И что же будет?

— Слышишь, за главным складом звенит металл? Это Эш собирает стражников и охотников. Завтра они пойдут на левый берег. Походят там немного и никого не найдут. На этом всё закончится. У фактории мало сил, чтобы ловить там врагов. Даже раньше, когда силы было больше, плохо получалось.

— А почему силы у Эша стало меньше? — заинтересовался я.

— Потому что фактория приносит мало денег. Купцам хочется больше. Они стараются меньше на нас тратить, поэтому не присылают новых стражников. И присылают работников, которые на юге никому не нужны. Плохие работники плохо работают. От плохой работы меньше получает фактория. Земля

здесь богатая. Вокруг много всяких специй. Но Эш отправляет на юг только некоторые виды. Потому что другие некому добывать. Нет работников с нужными умениями.

— Замкнутый круг слепой жадности, — кивнул я. — Экономят на рабочей силе. В итоге плохие работники почти ничего не нарабатывают. Пытаются сэкономить ещё больше, присылая рабочих похуже. И результат, конечно, тоже не улучшается.

— Да, — согласился Бяка. — Эш поэтому и ходит со злыми глазами. И часто приходится ломать руки ворам, которые добывают для себя, а не для фактории. Часто присылают нечестных людей. Вместо того чтобы сидеть в тюрьме, они контракт подписывают. Это очень плохие работники. Они не выполняют договор, или воруют.

— Наш договор — корзина рыбы в день, — сказал я. — Но нам и не платят.

— Зато жильё дали, — ответил на это Бяка. — И кормят хорошо. Мы должны радоваться.

— Интересно, сколько требуют с остальных? — спросил я.

Бяка пожал плечами:

— У всех по-разному. Да и у нас не всё же забирают. Нам платят. Всё, что больше договора, у нас берут за деньги.

— Угу. Квадратиками, которые ни разу не монеты.

— Какая разница, если за них здесь всё покупается? И если поедешь на юг, их поменяют на монеты. Что это ты такое рисуешь? Что-то непонятное.

— Это не рисунки, это чертежи.

— Что значит чертёж?

— Чертёж, это очень точный рисунок вещи, которую надо сделать.

— И что ты делать собрался?

— Одно хитрое устройство. Оно поможет нам ловить больше рыбы. Только придётся поговорить с кузнецом и столяром, чтобы сделали детали. Заработаем немного денег завтра, чтобы им заплатить. Не знаю, сколько они за такое запросят.

— Я получил сегодня квадратики. Они твои, если тебе надо, — сказал Бяка.

Покачав головой, я отказался:

— Не хочу, чтобы ты голодал зимой. Тебе надо копить деньги, пока есть возможность.

— Я всё равно здесь умру, если так и буду сам, — с несвойственным ему мудрым тоном заявил упырь. — Ты не такой, как они. Ты слабый, но умный. И ты единственный, кто со мной здесь нормально поступает. Со мной так никто себя не ведёт.

Даже мама вечно на меня ругалась. Ты не ругаешься. И денег ты потратил на меня много. Если тебе они нужны, ты должен взять мои. Это надо и тебе, и мне.

— Хорошо, — кивнул я. — Но когда разберёмся с этим моим изобретением, то купим тебе нормальную одежду. Победители не должны ходить в таком рванье.

— Да, — согласился Бяка. — Не должны. Мне нужна одежда. Она будет моя. Совсем моя. Но это будет после твоего изобретения.

Я не стал рассказывать о том, что изобретение это не совсем моё. Или, если быть точным, даже совсем не моё. Но за технический плагиат меня здесь точно не осудят, потому как для Рока это будет несомненной новинкой.

Плюс от работы с чертежами, которые я браковал один за другим, у меня уже набралось девять личных знаков навыка «начинающий каллиграф». Ценность их сомнительная, но если не захочу изучать, в любой момент смогу разрушить их на символы ци.

Вроде как, рисунки получились именно чертежами. Насколько я понял, ремесленникам с развитыми умениями этого будет достаточно, чтобы воплотить в изделия. Там, по сути, нужны только материалы с инструментами, а руки за них сами всё сделают. Доводилось видеть, как деревенский кузнец работал с закрытыми глазами. Подрёмывать ухитрялся, пока стучал молотом.

Надо попробовать сделать заказы прямо сейчас. Даже если мастера заломят высокую цену, это не повод переносить замысел на другой срок. Глядишь, уговорю на отсрочку, выплатив достойный аванс. Кое-какие квадратики у нас с Бякой водятся.

Ну а потом, пока окончательно не стемнело, поучу упыря грамоте и математике. Я ведь ему обещал, а обещания — это святое.

Глава 26. Конструктор от двух мастеров

Без изменений

Что мне в этом мире нравится, так это оперативность специалистов. Если, разумеется, задание сформулировано без ошибок и по строгим здешним канонам, и даёшь ты его именно специалистам, а не мошенникам, выдающим себя за таковых.

Оформлять чертежи по всем правилам я умел. Нельзя не признать, что мать того, чьё тело стало моим, была разносторонне развитой личностью. Много чего умела, в разные аспекты хозяйствования пыталась вникнуть. Жаль, что не всё понимала, иначе бы мы из-за её агрессивно-деспотического управления не теряли редких для нашего края мастеров.

Как того же Тшими.

Кто бы мог подумать, что особенности строительства мельницы и монтажа несложного грубого оборудования, предназначенного для передачи крутящего момента к жернову, спустя годы сослужат мне такую службу. Что кузнец, что столяр только хмыкнули, разглядывая каракули, выполненные на коре при помощи острого осколка кремня. Кое к чему придрались, но я это быстро поправил. В остальном задание поняли сходу. Пришлось обсудить только мелкие детали и один из ключевых моментов — выбор материалов.

Сырьё и материалы в Роке — это какое-то безумие. Таблица Менделеева здесь явно бесполезна. Да, есть элементы, которые я, по аналогии с прошлой жизнью, называю медью, железом, золотом и серой. Но не уверен, что это именно они. К тому же встречается множество других, которые я вижу впервые, и которые не должны существовать в средневековье, каким бы развитым оно ни было.

Впрочем, с этими странностями я готов мириться. Они ведь даже полезны. Оружейная сталь, способная крушить камни, не теряя заточку — это эффектно и всегда найдёт применение. Как и множество других ценных свойств необычных химических элементов или соединений.

А вот мириться с ценами на некоторые очень интересные материалы, я категорически не согласен! Они откровенно завышены.

Шутка ли, когда за одну шестерню с хитроумным расположением зубьев, весу в которой считанные граммы, запрашивают двадцать пять квадратиков. Мол, дешевле никак не

получится. И ведь приходится соглашаться, потому как альтернатива меня совершенно не устраивает. Мне нужна именно искристая бронза.

За составную палку из южного бамбука, укреплённую проклеенной обмоткой, столяр затребовал двадцать. Да-да — именно столько. Он сам, похоже, поразился наглости своей жадности, когда это высказал, однако, утопающие за соломинки так не держатся, как этот жмот держался за свои слова.

И ведь заказ этим не ограничивался. Мне требовались миниатюрные подшипники, особые кольца, винты и болты с гайками, ухватистая рукоять, хитроумно вогнутые пластины сборного корпуса и хитро изогнутая дужка, к которой я предъявлял строжайшие требования. Её следовало отшлифовать так, как зеркала не шлифуют. И при этом материал должен легко держать механические нагрузки без повреждений.

Ни кузнец, ни столяр не понимали, что именно я пытаюсь сотворить. Они создавали детали для конструктора, о котором им не рассказали. И это прекрасно, если хочешь сохранить своё изобретение в единственном экземпляре.

Часть замысла мне пришлось изменить. Увы, но оказалось, что кузнец — далеко не всемогущий спец по металлу. Некоторые тонкие вещи требовали подключение к проекту ювелира, а таковых в фактории не было. Пришлось увеличивать габариты одних деталей, а это влекло их несовместимость с другими. В общем, в итоге я заново перерисовал почти всё, что не касалось основной детали, заказанной столяру. На этом заработал ещё два личных знака к каллиграфии и отправился спать, потому что провозился до ночи, и позаниматься с обучением Бяки не успел.

Упущенное наверстали утром, после завтрака. Я твёрдо настроился дождаться выполнения заказа. Да и мастерам сказал, что чем быстрее они всё сделают, тем быстрее получат полную плату. Благодаря репутации непревзойдённого уничтожителя кайт, я сумел договориться об отсрочке (пообещав бонусом по увесистой рыбине каждому). Но никому не понравится, если ожидание затянется надолго. И кузнец и слесарь заинтересованы в том, чтобы побыстрее получить свои квадратики в полном объёме.

Я почти успел довести мозг Бяки до паралича, из-за настойчиво вбиваемых в него знаний. И уже начал подумывать о серии учебных боёв. Болезнь осталась в прошлом, чувствовал себя превосходно. Разве что слабость в ногах ощущалась, но это вряд ли затянется надолго.

Сынишка кузнеца, прибежавший с известием, что всё готово, появился весьма кстати. Мне не пришлось проигрывать Бяке раз

за разом, да ещё и с ущербом для боков. Упырь, на практике узнавший, что тяга к знаниям куда приятнее процесса их получения, не имел ни малейшей причины щадить меня во время тренировки.

Он откровенно желал своему учителю зла. Очень уж нехорошо косился. Как и все аборигены, он интуитивно понимал математику на достаточно приличном уровне. Ведь без этого трудно управлять параметрами ПОРЯДКА. Однако мои попытки набить его голову полноценными знаниями раз за разом расшибались о непробиваемый череп. Это изрядно раздражало и провоцировало на грубые высказывания в адрес ученика.

Видимо, надо как-то добывать навык педагога. Иначе будет страшно ночевать с этим существом в одном подвале. Не верю, что его называют упырём только из-за странноватого облика, на это обязана существовать какая-то более веская причина.

Зловещая.

С кучей мелких и крупных деталей мы отправились, наконец, вниз, к месту работы. Корзины, разумеется, тоже притащили. Я ещё не знал, вышло ли что-либо из моей затеи, но понимал, что в случае неудачи всё равно придётся порыбачить старинным методом. И фактория должна своё получить, и долг на нас висит немаленький. Расплатиться, конечно, можно прямо сейчас, но для этого придётся светить предметами ПОРЯДКА, а это нежелательно.

Сборка многочисленных деталей заняла около получаса. Вроде бы, по размерам всё сходилось и работало прекрасно, если не считать того, что рукоять прокручивалась чуть туговато. Две готовых части устройства соединил, закрепил и начал наматывать шнур. Его, увы, не так много осталось. Часть оторвала кайта, часть выброшена после неоднократных неудачных проводок, когда его куски безнадёжно запутывались. Решалось такое только радикальным способом — ножом.

ПОРЯДОК, как и в случае с блесной, никак не отреагировал на мою изобретательскую деятельность. В Роке можно создать что-то неработоспособное и никому не интересное, но награда за такое не полагается. Для начала надо доказать, что ты изготовил что-то не бессмысленное, или не пытаешься обмануть систему.

Как доказывать — я знал.

Хотелось бы, как и в случае с блесной, подцепить добычу покрупнее. Но монструозных кайт я пока что опасался. Надо прилично подрасти, а уже потом решаться на повторение такого опыта. Достаточно с меня последнего купания в Черноводке и потерянной снасти.

Добравшись до оконечности косы, я несколько раз

задействовал навык, прежде чем не убедился, что крупных кайт поблизости нет. Слил на это немало тени, но оно того стоило.

Очень уж не хотелось напортачить при первой попытке. Неизвестно, как к этому отнесётся ПОРЯДОК.

В процессе исследования акватории заодно выбрал подходящую цель. Одинокая рыбина устроила засаду за небольшим валуном, лежащим на дне метрах в тридцати от берега. Не мелочь, которую я старался таскать, но и не чудовище. Килограмм на восемь, вряд ли сильно больше. Ещё утром мне туда достать не светило, но сейчас есть варианты.

Первым забросом не достал. Очень уж грубое изделие получилось, будто не удилищем размахиваю, а древком от лопаты. Плюс в прошлой жизни не сказать, что был опытным спиннингистом, а уж в этой — тем более. Вторая попытка не задалась, а вот третей попал точно в цель.

Удар по блесне последовал чуть ли не сразу после того, как она коснулась воды. Рыбина сопротивлялась отчаянно и даже заставила меня слегка промочить ноги. Но, как и ожидалось, вес её оказался не настолько велик, чтобы создать большие проблемы.

Самое сложное — это подтянуть к поверхности. По опыту знал, что стоит зацепленной кайте глотнуть воздуха, как прыть её существенно снижается. Но это только в том случае, когда заставляешь её подчиняться своей волей. Если она сама уйдёт вверх свечой, вылетев из воды полностью, на силе её сопротивления это никак не скажется.

Подняться всё же вынудил. Теперь это делать проще, ведь я не на берегу шнур выкладываю, а наматываю его на катушку, укреплённую в нижней части полутораметрового удилище. Грубоватое и тяжеловатое, но его длина и гибкость кардинально расширяют мои возможности.

Плюс, теперь не приходится калечить ладони режущей снастью. Увы, перчатки только делу вредят, с ними не ощущает шнур, путается при каждом забросе. Вот и приходилось ловить исключительно мелочь, дабы не травмировать кожу.

Вы ловите кайту неизвестным способом, используя при этом известный способ. Вы наносите значительный урон кайте. Вы наносите фатальный урон кайте. Кайта мертва. Вы победили кайту (вторая ступень).

Неизвестный способ

Получен великий символ ци — 5 штук

Получен великий общий знак атрибута — 2 штуки

Получен великий общий знак навыка — 1 штука

Получено личное великое воплощение состояния «Мера

порядка» — 1 штука

Получено великое общее универсальное состояние — 2 штуки

Победа над кайтой

Малый символ ци — 15 штук

Получен личный знак атрибута «Ловкость» — 2 штуки

Получен личный знак атрибута «Выносливость» — 3 штуки

Получен личный знак атрибута «Сила» — 2 штуки

Получен малый общий знак атрибута — 1 штука

Захвачен знак навыка — «кровавое чутье» — 1 штука

Захвачен знак навыка — «распознавание ядов» — 1 штука

Захвачен малый общий знак навыка — 5 штук

Получен личный знак навыка — «рыбацкое чутьё» — 1 штука

Комбинирование неизвестного и известного способов.

Получен большой символ ци — 3 штуки

Получен большой общий знак атрибута — 3 штуки

Получен большой общий знак навыка — 3 штуки

Вы *изготовили неизвестный предмет. Вы использовали неизвестный предмет. Вы успешно использовали неизвестный предмет. Зачтено открытие: неизвестный предмет.*

Изготовление неизвестного предмета

Получен малый символ ци — 13 штук

Получен личный знак атрибута «Ловкость» — 1 штука

Получен личный знак навыка — «начинающий механик»

Успешное использование неизвестного предмета

Получен большой общий знак навыка — 3 штуки

Получено большое общее универсальное состояние — 2 штуки

Открытие неизвестного предмета

Получен великий символ ци — 7 штук

Получен великий общий знак атрибута — 4 штуки

Получен великий общий знак навыка — 2 штуки

Получено личное великое воплощение состояния «Тень ци» — 1 штука

Получено великое общее универсальное состояние — 3 штуки

Вы можете дать название неизвестному предмету

Вы открыли неизвестный навык ловли рыбы. Ранг навыка: второй. Вы должны дать название новому навыку.

Глазами поедая каждую цифру, я не стал откладывать выбор на потом.

Два выбора.

Вы даёте неизвестному предмету название: спиннинг с безинерционной катушкой.

Вы назвали новый предмет.

Получен великий общий знак навыка — 3 штуки

Получено великое общее универсальное состояние — 1 штука

Вы даёте неизвестному навыку ловли рыбы название: спиннинговая ловля на блесну.

Вы назвали новый навык.

Получен свободный, ни к чему не привязанный навык: спиннинговая ловля. Ранг навыка: второй. Уровень навыка: 10. Требования к навыку: Выносливость — 2 атрибута; Ловкость — 1 атрибут. Вы первооткрыватель навыка. Для вас этот навык не требует привязки к атрибутам. Он предоставляется вам без затрат знаков навыка в полностью изученном виде. Открытие других веток этого навыка потребует привязки к атрибутам, если вы захотите их изучить.

Получен великий общий знак навыка — 2 штуки

Даже беглый подсчёт показал, что сегодня я здорово усилюсь только за счёт этих призов. А ведь мне ещё ловить и ловить. Кайты отошли от берега, но частенько показываются на удалении около сорока метров. С помощью спиннинга добросить до них блесну — невелика проблема.

А может, вообще — ни малейшей проблемы нет. Если я правильно понимаю суть того, на чём держится Рок, мне только что дали навык, позволяющий куда лучше обращаться со спиннингом. Причём, под этот навык не пришлось выделять атрибут. То есть, он не занимает места, нет смысла его вытирать ради высвобождения пространства под что-то более полезное.

И ещё один плюс, — его не придётся качать до максимума. ПОРЯДОК был столь щедр, что выдал его полностью готовым, развитым до максимума. Дальше его не поднять, нет ветки развития. Этот мир просто не знает, что ещё можно выжать из моего открытия, потому специализации пока что нет.

Но я уверен, что появится. Именно так всё и должно происходить: открытие чего-то нового, его освоение, выявление разных сторон и последующий специализированный прогресс.

Возможно, я когда-нибудь приложу к этому прогрессу свою руку. Но это потом как-нибудь. Мне рыбачить пора, а не пытаться изобрести способ развития нового навыка. Он ведь и в таком виде должен в чём-то помогать. Да, ранг невысок, но ведь не нулевой. Глядишь, теперь блесна станет лететь дальше и точнее. Плюс за первые несколько десятков успешных применений спиннинга мне будут доставаться увеличенные призы. И я не я, если то же самое не относится к первым применениям навыка. Возможно, даже самое первое станет джек-потом, за который полагается вагон плюшек.

Ну и если проанализировать цифры, хорошо видно, что награда получилась куда интереснее, чем за открытие блесны. Что, в принципе, логично, учитывая значительные отличия

сложности изделий. Значит, есть смысл надеяться, что и в остальном ПОРЯДОК окажется столь же справедливым.

Очень хочется прямо сейчас разобраться с заработанным, подняв в атрибутах всё, что возможно. Но я уже не столь наивен, как несколько дней назад. Я знаю, что открытие в себе новых возможностей сопряжено с негативными эффектами. Может слабость накрыть, или даже до обморока дело дойдёт. И приспосабливаться к изменениям придётся не один час. Даже спустя сутки отголоски могут сказываться.

Значит, я сделаю это вечером. Сразу после ужина, который будет сытным, как никогда. И обязательно со специями, ведь в них остро нуждается моё стремительно развивающееся тело.

Глава 27. Новые художества «старого знакомого»

Ступени просветления: 0 (192/888)
Тень: 192
Атрибуты
Выносливость: 2 атрибута, 112 единиц
Сила: 0 атрибутов, 31 единица
Ловкость: 1 атрибут, 83 единицы
Восприятие: нет, 50 единиц
Дух: нет, 50 единиц
Навыки
Рыбацкое чутьё (2 ранг) — 10 уровень (10/10)
Целительство ран (2 ранг) — 10 уровень (10/10)
Свободные навыки
Спиннинговая ловля (2 ранг) — 10 уровень (10/10)
Состояния
Равновесие (6,31) — 6 уровень
Улучшение просветления (0,5) — 0 уровень

Кайт я терроризировал даже после того, когда ПОРЯДОК перестал выдавать дополнительные бонусы. Как я и предполагал, они полагались не только за успешное применение спиннинга, новый навык ловли тоже не оставался без вознаграждения.

И да, первое его применение принесло богатейшую награду. Сравнимую с тем, что выделили за изготовление спиннинга и рыбу под номером один, добытую при его помощи.

Радость слегка портило то, что кайты обмельчали. Крупные под берегом почти не попадались. Под крупными подразумеваю тех, в которых побольше двух-трёх килограмм. Монстры вообще исчезли, но на фоне оскудения добычи это не слишком радовало.

Впрочем, я вытащил больше четырёх десятков мелких, а это чуть ли не центнер. Рыбаки всеми своими сетями не каждую неделю столько добывают.

Добыча была столь велика, что часть её я потратил на укрепление взаимопонимания с давними недругами Бяки. Выделил каждому Карасю по целой рыбине. Эти мальчишки превратились в маленькую волчью стаю не просто так. Их семьям не повезло потерять кормильцев, а младший Татай так вообще остался полным сиротой. Его вместе с ещё более мелкой сестрёнкой приютила дальняя родственница, у которой своих ртов хватало, и все просили есть. Фактория подкидывала детворе мелкую работёнку, но оплачивалась она соответственно.

Однажды я сестру Татая видел. Зрелище очень неприятное. Ей ещё чуток похудеть, и можно показывать в фильмах про узников концлагерей. Неудивительно, что мальчишки озверели не по годам: мало того, что сами хронические недоедают, так ещё и приходится смотреть в голодные глаза своих родных. Я ещё тогда решил, что помогу, чем смогу, со следующего улова.

Даже помощи Карасей не хватило, чтобы дотащить до фактории всю добычу. Но повезло, что Рурмис внизу возился с сетями. Не пришлось туда-сюда по несколько раз перемещаться, с его помощью доставили все корзины. Он даже платы за это не попросил, просто так договорились. Но не потому, что рыбак внезапно воспылал к нам любовью, тут дело в личных интересах.

Дело в том, что всю дорогу я ему объяснял суть задания, за которое готов заплатить. И заплатить больше уговоренного, если задание будет выполнено завтра до полудня.

Но перед тем как мы свернули ловлю, занявшись решением вопроса с транспортировкой, случилось событие, не заметить которое мы не могли.

Потому как находились в лучших местах зрительного зала.

* * *

Первым это заметил Бяка. Я был всецело увлечён рекой, просчитано расходуя каждую единичку тени и радуясь, что доставшийся бесплатно навык не требует её расхода. Просто спиннинг и правда отрабатывает дальше, метче и вся его грубоватая конструкции уже не кажется непослушно-деревянной. Я всё больше и больше к нему приноравливался. Да, на голову уступает тем, к которым привык в прошлой жизни, но и в таком виде увеличивает мои возможности на порядки.

Тринадцать лет в руках не держал, но помнил, какие лёгкие они были, какие послушные и точные. И смотреть приятно, и пользоваться.

Эх, а какие шнуры я мог тогда брать, не трясясь за каждый квадратик.

Дорого бы сейчас отдал за возможность посетить рыболовный магазин даже с не самым широким ассортиментом.

— Гед, смотри, лодки возвращаются! — воскликнул упырь, выдернув меня из мира фантастических грёз, где я стою перед витриной, заваленной катушками тончайшего шнура, способного чуть ли не танк из болота вытащить.

Не сразу врубившись, автоматически развернулся туда же, куда уставился Бяка — в сторону левого берега. И увидел, как из

заводи, срывавшейся в камышах, одна за другой выходят две лодки, набитые людьми. Человек пятнадцать, и среди них можно разглядеть мощную фигуру, выделяющуюся на фоне прочих. Это, разумеется — Эш. А тип в тёмном кожаном доспехе, рядом с ним, естественно — Гуго Обоерукий, карающая рука главы фактории.

— Это наши возвращаются с поисков людей императора боли, — сказал я.

— Да, — согласился Бяка. — И там что-то случилось.

— Что?

— Не знаю, что. Но говорили, что их было пятнадцать человек. А я вижу четырнадцать. Проверь меня, пожалуйста, Гед. Я стараюсь считать всё, что вижу, как ты меня учил. Но часто ошибаюсь.

Пересчитав пассажиров и гребцов по головам, я кивнул:

— Да, их и вправду четырнадцать. Одного не хватает.

— Люди глупые. Люди часто ошибаются, — сказал Бяка. — Могли перепутать. Могло быть четырнадцать.

Подмотав блесну к кончику спиннинга, я снял её, дабы посторонние не таращились на наши секреты, после чего предложил:

— Давай передохнём чуток. Подойдём поближе, глянем, с чем они вернулись.

Карательный отряд вернулся с наскоро устроенными носилками, на которых лежал недостающий пятнадцатый участник карательной операции. Лицо залито успевшей засохнуть кровью, по которой суетливо сновали возбуждённые мухи. Из правой глазницы торчит древко обломанной стрелы. Мне хватило одного взгляда, чтобы понять — тут нужен не я, со своим недавним опытом простейшей полевой хирургии и навыком лечения ран. Да и полноценный целитель здесь ничем не поможет.

Здесь требуется гробовщик.

— Что это с ним? — охнул Бяка.

— Насморк у человека, разве не видишь, — лениво бросил Гуго Обоерукий, направляясь в сторону тропы.

— Чего вытаращились?! — рявкнул Эш. — Брысь отсюда!

Неподчинение главному человеку в фактории — последнее дело. Потому мы беспрекословно отошли в сторонку, где Бяка возбуждённо заявил:

— Я про такое слышал. Это сделал тот разбойник, который всегда стреляет в глаз. Ты видел, Гед? Он убил Шушима.

— Видел. И ещё я видел, как он других людей убивал. Мимо меня его стрелы свистели.

— Как это?! Когда?!

— Когда сюда ехал. На обоз напали.

— А, ну да. На переправе через Красноводку. Я слышал, но забыл. Это ведь далеко отсюда. Получается, Точно в глаз сюда перебрался. Это плохо, он опасный очень.

— «Точно в глаз»? — спросил я. — Вы что, так его называете?

— Ну да, такое прозвище. Говорят, что на самом деле его зовут Атто. Он дезертир из армии императора. Даже слышал, что не просто из армии, а из гвардии. Врут, наверное, зачем гвардейцу дезертировать. Он очень меткий, он всегда убивает в глаз, у него очень развитые умения лучника. У него своя шайка разбойников. Он прошлым летом чуть не захватил деревню возле Второго камня.

— Похоже, что этот снайпер заодно с императором боли, — сказал я.

— Почему ты так решил? — удивился упырь.

— А что тут ещё думать? Эш пошёл ловить людей императора. Вернулся с мёртвым Шушимой. Император боли вчера специально это устроил, чтобы посильнее запугать факторию. Он понимал, что просто так Эш такой наезд оставить не может. И устроил засаду где-то на следах своих людей. Ну, или банда лучника перебралась с Красноводки сюда, и император боли здесь вообще ни при чём. Они подделали его почерк, выдали себя за его людей. Выманили наших за стены. Но что-то не получилось, потери слабые. Или их не планировали разгромить. Может так и надо. Одна стрела — один труп. Теперь людям ещё меньше захочется показываться на другом берегу. На всех охраны не хватит, да и не поможет она. Вон, даже пятнадцать воинов и охотников не смогли ничего сделать этому разбойнику. Думаю, сезон рогоцвета в этом году сорван. И его срывали специально, ведь до этого всё было тихо.

— Сложно это, — сказал Бяка. — Но ты прав. Очень плохой сезон получился.

* * *

Трактирщик Жадиро за улов расплатился без чрезмерного торга. Мы с ним уже не первый раз дела вели, порядок цен сложился, лишнее выцыганить я почти не пытался, и он, в свою очередь, тоже не наглел. Мне было удобнее работать с ним, потому как в одни руки принимал и рыбу, и добытые из неё специи. Всё, что нам с Бякой оставалось — отнести одну корзину Мегере.

Улов сегодня вышел на славу. Столько и близко никогда не

получалась. Затея со спиннингом себя оправдала на все сто. Однако расплатиться с долгами не получилось. Увы, но специи из кайт стоят не слишком дорого, да и в мелких рыбинах их немного. А за пустые тушки платили немного. Но если завтра поработать в таком же темпе, вопрос с кузнецом и столяром будет закрыт.

Постоянное население фактории Черноводка составляло около трёхсот пятидесяти человек. Их них хорошо если половина кормилась централизовано. Остальные, так сказать, не состояли в постоянном штате и, в лучшем случае, получали скудную бюджетную пайку за общественные работы вроде того же сбора черемши. Если я и дальше стану приносить столько рыбы, её попросту не будут успевать съедать. Ведь народ питается не одними дарами реки, это всего лишь подспорье.

Жадиро, отсчитывая деньги, на это намекнул. Но сказал, что проблему в этом не видит. Часть улова можно солить и коптить, после чего перепродавать жителям вольных деревенек и постов, располагавшихся на правом берегу Черноводки. Но это возможно только при условии, что мозги из них будут извлекаться из аккуратного отверстия в задней части головы, а не обычным нашим грубым способом.

Я пообещал, что мы впредь будем поступать именно так, потому что заинтересованы в реализации максимального количества улова. Даже обмолвился, что, возможно, завтра получится ещё больше. Или послезавтра.

Трактирщика так вдохновили наши успехи, что он предложил кредит за гуманный, по его словам, процент от улова. Мол, слышал, что на мне висит финансовая задолженность перед парой мастеров. Я вежливо отказался, сообщив при этом, что если что, буду знать, к кому обращаться за денежной помощью.

На самом деле условия кредита были более чем грабительские. Я даже не знал, смеяться над их смехотворностью, или плакать. Или даже в лицо плюнуть. Парадокс, но в мире, где цифры — важнейший аспект развития личности, математическая грамотность — редкость. Вот и этот толстяк уверен, что я дважды два едва складывать умею, и потому можно обдирать меня по-всякому. Он ведь ушлый, он умножение и деление на уровне четвёртого класса средней школы изучил.

Для простолюдинов — серьёзное достижение.

На ужин мы объелись так, что Бяка запросил освобождение от уроков. Мол, сейчас он только и может, что спать до утра, ни на что другое не способен.

Я был не против. Тоже изрядно утомился махать весь день увесистым спиннингом, да и набитый живот сказывался. Плюс, у

меня намечено распределение заработанного за день. А это сопряжено с изменением параметров ПОРЯДКА, что на время серьёзно подкосит силы. Этим рекомендуется заниматься в максимально расслабленном состоянии.

За изобретение спиннинга, открытие нового навыка и сопряжённых с ними второстепенных свершений мне досталась масса ценных трофеев, которые не перепадали при обычной ловле кайт. Благодаря этому появилась возможность одним махом перескочить сразу через несколько этапов развития. Я могу получить приличный прирост, сравнившись с тем же Бякой, или даже его переплюнуть. Никогда прежде столь резких скачков не делал, отсюда и подозревал, что для организма это станет более серьёзным испытанием.

Такие перспективы и завораживали и пугали одновременно.

Для начала лёг, как можно удобнее. Потом, успокаивая возбуждённые мысли, подумал о том, что раз солома в дефиците, можно попробовать насушить камыша, устроив из него ложе помягче. Даже на таком очень приятно лежать, когда из набитого желудка растекаются волны тепла. Но с новым уровнем комфорта станет ещё лучше.

И вот так, пребывая в умиротворённом отстранённом состоянии, начал переходить к главному.

Для начала залил в свой протекающий резервуар все припасённые двенадцать великих символов ци. Этой вездесущей энергии мне сейчас потребуется много, а каждый из них содержал в себе пятьдесят единиц.

У меня набралось атрибутов Ловкости сорок три штуки, Выносливости сорок семь, Силы тридцать девять. Общие знаки, которые можно вливать в любой атрибут, я не трогал, использовал только всё это. Выносливость получила тройку; Ловкость выросла до двойки; Сила, наконец, оторвалась от нуля, теперь она на единице. Все эти шесть атрибутов прекрасно работали, потому как соблюдалось основное правило: ни один из них не был равен другому.

Правило дико неудобное, но, наверное, у ПОРЯДКА имелись какие-то веские причины поддерживать эти ограничения.

Итак, на солому я ложился с тремя атрибутами, а теперь лежу с шестью. Прогресс более чем заметный, но обморок не последовал. В голове чуть покалывает, в ушах слегка зашумело и начала одолевать сонливость. Но последнее, возможно — следствие причин, не относящихся к происходящему. Я ведь почти весь день рыбачил, плюс от болезни лишь вчера отходить начал.

Рискнул присесть. При этом ощутил лёгкое головокружение,

заставившее прислониться спиной к холодной стене. Провёл в этом положении пару минут, вновь прилёг, рискнув продолжить.

К атрибутам прикасаться не стал. Пускай успокаиваются, не стоит напрягать их по новой.

К навыкам тоже не прикоснулся. Это не горит, текущих хватает, так что, этот пункт можно оставить на потом, или на завтра. Как самочувствие позволит.

Приступил к последнему — к состояниям. Всего их шесть. На сегодня у меня открыто два из них, ещё два я могу открыть сейчас. ПОРЯДОК дал мне для этого пару трофеев: личное великое воплощение состояния «Тень ци» и личное великое воплощение состояния «Мера порядка». Первое даёт прибавку к тени, второе повышает шансы выпадения трофеев ПОРЯДКА и их количество. И то и другое мне пригодятся, да и про уже открытые параметры забывать не надо. В общем, здесь много чего придётся повышать.

Один за другим я открыл «Тень ци» и «Меру порядка». Прислушался к ощущениям и, не заметив в себе ничего подозрительного, влил в Меру порядка пять великих общих универсальных состояний из шести. В сумме набралось триста единиц, это подняло Меру на третий уровень.

Можно и больше, ведь есть приличный запас больших и средних универсальных состояний. Но зачем, если я не знаю, насколько эффективно работает новый параметр. Может для заметного увеличения добычи его надо довести до двадцати, или тридцати. А ведь трофеи, обеспечивающие рост состояний, при рядовой рыбалке не выпадают. Я их получаю только при изобретениях и их последующем кратковременном использовании. Увы, но ПОРЯДОК не позволяет добывать их из новых источников бесконечно, лавочка быстро прикрывается.

В общем, прежде чем думать над поднятием Меры порядка, надо прикинуть, насколько это выгодно. Уровни добытых кайт и количество добычи я фиксировал. Завтра сравню, какие будут изменения.

Поднял состояние Равновесие до седьмого уровня. При этом на несколько секунд замутило, но не сказать, что сильно, до рвотных позывов дело не дошло.

Однако это верный звоночек, намекающий на то, что пора прекращать баловаться с состояниями.

Вернулся к атрибутам. Потратил все шесть великих общих знаков. По два на Ловкость, Силу и Выносливость. Каждый давал сотню единиц, что хватало на две прибавки в показателе. Плюс израсходовал двенадцать больших символов ци, чтобы компенсировать потерю энергии.

Вот тут-то меня накрыло всерьёз. Сначала тело свело судорогой, а потом отключился. Проснулся среди ночи, весь в холодном поту. Слегка тошнило, ноги и руки непослушные, онемевшие. Голова совершенно не хотела думать, но хватило понимания, чтобы сказать себе «стоп».

Чересчур резкий подъём. Мать рассказывала легенды, в которых особо удачливые аборигены чересчур торопились израсходовать всё добытое. И легенды эти были печальными.

В подвал я входил с тремя родными атрибутами, а теперь их у меня двенадцать. Надо меру знать, ведь это определённо великий скачёк.

Да и дальше особо не прыгнешь. Лимит количества атрибутов на одну ступень — шесть. Состояние Равновесие сейчас на седьмом уровне, это даёт возможность открыть ещё семь. Итого, могу позволить себе тринадцать. То есть — почти достиг потолка.

Нет, я, конечно, могу поднять Равновесие выше. И поднять прилично. У меня осталось двадцать три больших общих универсальных состояний, и двадцать средних. Первые дают двадцать пять сотых, вторые двенадцать, а на один уровень любого состояния нужно набрать полноценную единичку. То есть могу, что угодно вверх на восемь пунктов загнать.

Но не сейчас. Сегодня я слишком много над собой поработал.

Сейчас я буду спать.

Глава 28. Были победители сухопутные, стали…

Ступени просветления: 0 (182/888)
Тень: 182
Атрибуты
Выносливость: 5 атрибутов, 259 единиц
Сила: 3 атрибута, 170 единица
Ловкость: 4 атрибута, 225 единицы
Восприятие: нет, 50 единиц
Дух: нет, 50 единиц
Навыки
Рыбацкое чутьё (2 ранг) — 10 уровень (10/10)
Целительство ран (2 ранг) — 10 уровень (10/10)
Свободные навыки
Спиннинговая ловля (2 ранг) — 10 уровень (10/10)
Состояния
Равновесие (7,06) — 7 уровень
Улучшение просветления (0,50) — 0 уровень
Тень ци (0,50) — 0 уровень
Мера порядка (3,00) — 3 уровень

Следующий день стал днём кары за торопливость…

Зря я не прислушивался к воспоминаниям о рассказанных матерью легендах. С трёх атрибутов подняться сразу на двенадцать, это четырёхкратный скачок. Да, на столь низких параметрах это не так страшно, но всё равно ПОРЯДОК такую спешку без последствий оставить не мог.

Я проснулся лишь в полдень, ощущая себя так, будто за ночь меня пропустили через мясорубку, а затем попытались собрать в единое целое. Попытка удалась лишь частично, и полученный результат страдал так, что хотелось выть.

Мне было до такой степени плохо, что с трудом прожевал припасённый Бякой завтрак. Причём тот был столь предусмотрителен, что принёс ещё и наваристый рыбный бульон от трактирщика, сдобренный дорогими специями. Ну и без зелья лечебного тоже не обошлось.

Нечего и думать в таком состоянии заниматься рыбной ловлей. Пришлось послать Бяку предупредить кузнеца и столяра, чтобы сегодня выплаты по долгу не ждали. А вот завтра — непременно получат своё.

Впредь запомню, что легкомысленное обращение со структурами ПОРЯДКА, это минус день из активной жизни.

И хорошо если потери ограничатся именно одним днём…

Но эти страхи не оправдались. Продрав глаза на рассвете, я понял, что являюсь полным сил молодым человеком, а не ветхой развалиной, как это было вчера. Значит, хватит бока мять, пора приступать к новой порции великих свершений.

Вскочив, подпрыгнул так, что стукнулся макушкой о низкий потолок. Зашипел от боли, хватаясь за ушибленное место и прикрикнул на удивлённо таращившегося Бяку:

— Ну, чего развалился?! Победители вперёд! В бой!

— В какой бой?.. — растерялся упырь.

— Как это в какой?! Завтрак сам себя не съест!

— Ты что, выздоровел? — мозги Бяки, наконец, проснулись. — Может тебе лучше полежать?

— Какое лежать?! Ты что, про завтрак прослушал?!

* * *

Амулет давал мне восемнадцать различных атрибутов. Но я предполагал, что они заполнены энергией атрибутов по минимальной ставке. То есть, около десятки на единицу, меньше, вроде бы, не бывает. При минимальном показателе в сумме это давало сто восемьдесят.

Сейчас, из-за позавчерашней торопливости, у меня набралось двенадцать родных атрибутов, приподнятых на максимум. В каждом пятьдесят единиц, что в сумме даёт шестьсот единиц энергии атрибутов.

От такой прибавки меня, что называется, распирало, как перекачанный воздушный шарик. Я прикончил завтрак с такой быстротой, что за мной собакам не успеть. Ничуть при этом не насытившись, сказал Бяке прикупить у трактирщика побольше еды на обед. Централизованно для работников фактории его не готовили, каждый выкручивался, как мог. Горнякам давали тормозки: сало, хлеб, сыр и прочее, другие получали запас разных продуктов на неделю, которые растягивали по своему усмотрению, третьи покупали еду по мере необходимости. Так что, ничего странного в моём указании не было, если не придираться к объёму, завышенному минимум втрое.

Подстёгнутый вчера организм настойчиво требовал пищи для развития и выработки энергии.

Да и выход для этой самой энергии тоже требовался.

Когда Бяка, наконец, спустился на косу, он обнаружил меня возле рыбацкого навеса, где я вовсю отжимался на кулаках, не обращая внимания на камни, больно впивающиеся в костяшки.

— Гед, чего это с тобой? — осторожно поинтересовался упырь.

— Со мной всё прекрасно, — тяжело дыша, ответил я. — Прекраснее не бывает. Но я не пойму две вещи: почему нет рыбаков и их лодок. И где, чёрт побери, то, что должен был сделать для нас Рурмис?

— Рыбаки со вчерашнего дня ловят за Камнем, где-то ниже по течению, — ответил Бяка. — Эш сильно ругается. Говорит, они мало ловят. Вот и пошли на дальний разлив. Там, вроде бы, в начале лета рыбы больше.

— А уже что, лето началось? — изумился я.

— Ну да.

— Надо же, как быстро время летит, когда ты молод и полон сил… А что там по Рурмису?

— Это надо туда идти, — Бяка махнул рукой в направлении оконечности косы.

— Ну так чего мы не идём? Вперёд!

Рурмис мне не нравился, да и Бяка его не любил. С упырём всё понятно, он не мог питать тёплые чувства к родственнику его главного обидчика. К тому же тот сам был не прочь пнуть мимоходом самого обиженного уродца фактории.

Меня Рурмис не трогал, да и на его двоюродного брата мне плевать. Сатат, с тех пор как вычистил уборную, а перед этим прополоскал голову ядрёным кисляком, смотрел нехорошо, но агрессии не проявлял. Может и подумывает скверное, но в деяния это не переходило. Он обычный мальчишка-простолюдин, не семи пядей во лбу и неграмотный, но прекрасно понимает, когда можно травить жертву безнаказанно, и когда сам гарантированно станешь жертвой.

Тут этому быстро учат.

Рурмис мне не нравился по нескольким причинам. Он регулярно пытается вынюхать секреты наших рыболовных успехов. Причём именно вынюхивает, а не пытается как-то задобрить, или прямо попросить поделиться хитростями. На Бяку он смотрит так, как будущие конфедераты не смотрели на своих рабов в годы, предшествующие войне между Севером и Югом. Он бы наверняка и подзатыльники ему при встрече раздавал, но мой суровый взгляд заставляет его делать вид, что упыря не существует. Чем-то я его напрягаю, даже находясь в худосочном теле неполноценного подростка.

И вообще, взгляд у него нехороший. Бегающий какой-то, липкий. Человек с таким взглядом не может быть порядочным. Грешков у него за душой изрядно, в этом я уверен на все девяносто девять. К такому поневоле приходится относиться

предвзято.

Но, должен признать, что с поручением он справился на отлично. Возможно, я ему переплатил изрядно, но это того стоило.

Рурмис лично сходил на правый берег, где срубил восемь хлопковых тополей. Эти деревья невысокие, обычно с идеально-ровным стволом. Они у лесорубов не ценятся, потому что чересчур недолговечные, дом из них гниль сжирает за несколько лет. Но мне на это свойство плевать, ведь так далеко я не загадываю. Плюс есть два несомненно важных для меня достоинства: этих тополей напротив Камня целое скопище, легко выбрать подходящие; и древесина у них очень лёгкая, чуть ли не как пробка по плотности.

Заготовленные брёвна Рурмис спустил в реку при помощи лебёдки, расположенной над обрывом. Внизу, под ним, к скале прижималась площадка, предназначенная для транспортировки серьёзных грузов к следующей лебёдке, которая поднимала их в факторию.

Под этой площадкой Рурмис связал плот, который затем переправил сюда, на оконечность косы.

Плот вышел — загляденье. Брёвна подогнаны друг к дружке идеально. Где надо, подтёсаны так, что урони монетку, и та не провалится через щелку в воду. Посредине из тройного слоя жердей устроена квадратная площадка. Если встать на неё, окажешься существенно выше уровня реки, а это для спиннингиста иногда очень важно. На корме из таких же жердей устроено подобие высокого решётчатого короба, предназначенного для хранения корзин с уловом. Там они не свалятся за борт, если кто-то поведёт себя неуклюже. Плюс в знойный день всю эту надстройку можно прикрывать тростниковыми циновками и рогожей: и то, и другое шло в комплекте.

Рурмис даже не забыл про приготовление горячего обеда. Устроил в передней части жердевое гнездо, засыпанное мелкой галькой, на которой соорудил очаг из тщательно подогнанных друг к дружке камней. И крепления для вертела, или для жерди, удерживающей котелок, тоже поставил.

Котелок, к сожалению, в комплекте не шёл. Это я о будущем побеспокоился, когда разбогатею до покупки посуды.

Надеюсь — это случится в самом ближайшем будущем.

Осмотрев единственное весло, я задумался над перспективой изготовления второго и пары уключин к ним. Но надо ли это, пока что не знаю. На длительные заплывы не рассчитываю.

— Ну и как тебе наш корабль? — самодовольно спросил я.

— Это плот, а не корабль, — скептически ответил Бяка. — Я слышал, как обозники про корабли рассказывали. Корабли, это как лодки, только очень большие. Такие только по Красноводке ходят, и только в самом низу. Говорят, она там впадает в другую реку, ещё больше. А Гумис рассказывал, что это не река, а море. Как озеро, только берегов не видн и вода солёная. Врал, наверное.

— Не придирайся к нашему кораблю, — заявил я. — Да, он выглядит не очень, но с чего-то ведь надо начинать, если собираешься одерживать победы и на воде, а не только на суше. А мы с тобой настоящие победители, мы везде побеждать должны.

— И кого мы станем побеждать на Черноводке? — уточнил упырь.

— Начнём, пожалуй, с кайт.

— И зачем нам плот? Они и с берега хорошо ловятся. За плот Рурмис кучу квадратиков забрал. Могли себе оставить. Много вкусного могли купить. И дорогого. Оно бы стало нашим.

— Да, Бяка, я согласен, кайты хорошо ловятся с берега. Но понимаешь, это непредсказуемые рыбы. Иногда они уходят так далеко, что их даже спиннингом не достать. Приходится ходить по берегу, искать хоть какую-нибудь мелочь поблизости. А это значит, что мы тратим лишнее время. Время стоит дороже кожаных квадратиков.

— Я бы продал время за них, — мечтательно заявил Бяка. — Только никто моё время не покупает.

— Есть ещё кое-что, — добавил я, указывая вверх по течению. — Видишь, где коса заканчивается?

— Конечно, вижу.

— На самом деле, это не окончание. Она дальше тянется, плавно уходя под воду. Наверняка в сухие сезоны становится длиннее, когда уровень падает.

— Да, удлиняется, — подтвердил Бяка.

— Я о том и говорю. Так вот, я заметил, что небольшие кайты любят держаться именно над подводной частью косы. Тех из них, которые подходят близко к берегу, я вылавливаю быстро. И потом облизываюсь, глядя, сколько их там дальше гуляет. А ведь это лучшие места для спиннинга. Больших камней под водой там немного, и они почти всегда одиночные. Значит, почти нет риска, что блесна между ними застрянет. Достаточно отойти от берега немного, бросить якорь и ловить кайт во все стороны. Только успевай корзины менять. Течение здесь не очень сильное, а глубины небольшие. Нам даже весло не понадобится, шестами можно отталкиваться. Легко доберёмся, куда надо, и встанем на якоре.

— А как кайт затаскивать на плот? — спросил Бяка. — Ведь

они очень сильно биться начинают, когда из воды показываются. У нас они часто срываются, когда уже почти на берегу. И если дать ей на весу по башке дубинкой, она точно сорвётся от удара.

Я с торжествующим видом поднял огромный сачок, устроенный из разветвляющейся на конце жердины. Там был устроен открытый треугольный мешок из обрывка рыбацкой сети.

— Видишь, Бяка?

— Вижу. Зачем тебе сачок?

— Это не сачок, это подхват. Им рыбу подхватывают. Подводишь к плоту, заводишь в подхват, вытаскиваешь и глушишь дубинкой. Всё просто. Давай уже, проверим плот в деле.

* * *

Вы наносите значительный урон кайте. Вы наносите фатальный урон кайте. Кайта мертва. Вы победили кайту (первая ступень).

Малый символ ци — 5 штук

Получен малый знак атрибута «Выносливость» — 1 штука

Получен малый знак атрибута «Ловкость» — 1 штука

Получен малый знак атрибута «Сила» — 2 штуки

Захвачен знак навыка — «кровавое чутьё» — 1 штука

Захвачен малый общий знак навыка — 1 штука

Захвачен знак навыка — «распознавание ядов» — 1 штука

Получен малый личный знак навыка — «рыбацкое чутьё» — 1 штука

Это была уже десятая рыбина, пойманная с плота. Пришло время подвести первые итоги испытания.

К самому плоту нареканий нет. Поначалу он показался чересчур великоватым и оттого сложным в управлении. Но эти недостатки компенсировались высокой устойчивостью. Помост из жердей был устроен на платформе, выложенной из крупных камней, небрежно скреплённых глиной. Получался увесистый балласт по центу конструкции, и как мы с Бякой не перемещались по сторонам, крен в самых худших случаях выходил незначительный.

В общем, к работе Рурмиса не придерёшься. Свои деньги он получил честно.

Может зря я придираюсь к его бегающим глазам?..

Насчёт подхвата, моя надежда на то, что ПОРЯДОК сочтёт его использование ноу-хау, не оправдалась. Никакого вознаграждения за это я не заслужил.

Зато призы за кайт заметно увеличились. Вот, прямо сейчас

достались четыре знака на разные атрибуты. И это уже второй случай. А так, обычно, по три падает. Лишь в трёх случаях два вышло. А ведь рыба не изменилась, я таскаю всё ту же мелочь. Даже не могу выбрать ничего посущественнее, для эксперимента. Потому что здесь, на подводной части косы, попросту нет ничего другого.

Посмотрел рыбацким чутьём в сторону левого берега. Затем развернулся на сто восемьдесят градусов и вновь на пару секунд задействовал навык. Что там, что там одна и та же картина — десятки молодых кайт держатся за крупными единичными камнями, или неспешно патрулируют толщу воды, изредка атакуя подвернувшуюся мелочь. Хищницы активно кормятся, на блесну кидаются, как пробудившиеся алкаши на пиво. Такими темпами мы скоро наполним все корзины, и придётся подвешивать добычу на куканы. Я не я буду, если до вечера наловим меньше центнера. Учитывая, что это элитная еда, плюс два вида специй — результаты зашкаливают. Редкий шахтёр умудряется набить за день больше руды, да и то лишь в тех случаях, когда попадается богатое гнездо.

Наша чрезмерная добычливость уже вызывает пересуды. И, как показал опыт последней рыбалки, добытое за удачный день я не могу тут же использовать. Организм не выдерживает такие перегрузки, приходится терять прорву времени на восстановление физической формы. И неизвестно, как такие перегрузки скажутся в будущем. Так что лучше не рисковать.

Люди тоже напрягают. Как бы пустые пересуды не переросли во что-то более нехорошее. Люди завидуют чужим успехам, а когда успех выпадает на калек и убогих, могут решить, что те недостойны. Подросток с жалкой второй ступенью, да упырь — эта не та команда, которая должна зарабатывать наравне с горняками, или даже больше их. То, что мы работники фактории ещё не означает, что Эш и его подчинённые прикроют нас со всех сторон. Мы не такие уж ценные специалисты, чтобы сильно о нас заботиться.

Но жадность не унять. Мне нужна эта рыба. Мне нужно много рыбы. Сегодня я завалю ею трактирщика. Ну а завтра, может быть, подумаю о скромности.

Ещё раз активировав навык, я держал его целых три секунды, рассматривая центральную часть правого речного рукава. Течение там самое сильное, многие рыбы вообще не показываются в этой области, их двигательный аппарат неспособен противостоять такому напору. Те из них, которые всё же попадают в струю, отчаянно рвутся к берегу или к косе, стремясь выбраться на спокойное место.

Именно по обе стороны от этой струи крутятся кайры покрупнее. Их там не так много, как на подводной косе, зато размеры не пугают, но и к мелочи их уже не отнесёшь. В среднем килограмм по восемь-десять, изредка мелькают особи чуть посерьёзнее. Но я и с такими готов силы попытать, надо ведь испытать, что во мне изменилось после получения кучи атрибутов.

И ещё на самой быстрой струе иногда проскакивали небольшие стремительные силуэты. Похоже на кайт вытянутыми очертаниями, но вряд ли это они. Кайты — всегда одиночки, разве что пролитая кровь или магия могут заставить их действовать сообща. А эти, как правило, носятся стайками по пять-семь особей. Плюс глаз у меня уже намётан, видно, что движения у них какие-то неправильные.

Возможно — это другой вид. И, скорее всего, — хищный. Мирной рыбе ни к чему носиться с такими скоростями, она кормится неспешно.

Очень может быть, что мои блёсны им понравятся. Правда, местами на стремнине и рядом с ней темнеют провалы омутов. Якорный канат у меня всего лишь метров восемь, если он там и достанет до дна, то вытянется в вертикаль или около того. А это нежелательно, надо выдерживать приличный угол, чтобы течение не сносило. Парусность у плота солидная, приходится ставить его по всем правилам.

— Как ты относишься к тому, чтобы поплавать под обрывом? — спросил я.

— Плохо отношусь, — жадным голосом ответил Бяка. — Здесь мы только приплыли, а у нас уже много кайт. Зачем нам отсюда уплывать? Тут хорошо, тут рыба есть. Наша рыба.

— Там нашей рыбы ещё больше. И она крупнее, чем здесь.

— Мне и тут хорошо.

— Всегда надо стремиться к лучшему. Ну да ладно, с этим мы спешить не будем. Ты прав, нам и здесь пока что неплохо. А вот после обеда подумаем.

Глава 29. Редкости Черноводки

Без изменений

Я оказался прав. Кайты на новом месте ловились реже, зато размерами заметно превосходили тех, которых мы гоняли с утра. А у них зависимость простая: чем крупнее особь, тем выше выход специй. Причём, непропорционально. Из рыбины весом в восемь килограмм их добывается раза в два с половиной больше, чем из четырёхкилограммовой. Если не в три. А основной заработок квадратиков нам перепадал именно за печень и мозги.

Очередная хищница оказалась серьёзной. Думаю, килограмм на тринадцать, если не больше. Знатно заставила попотеть. То самое испытание получилось, которое мне требовалось для чистоты эксперимента.

Выдержал его достойно. Разве что один раз испугался, когда рыбина начала заводить снасть назад, за корму. Ведь если пройдёт близко ко дну, шнур перехлестнётся с якорным канатом, что стопроцентно приведёт к его безнадёжному запутыванию, и, скорее всего, к обрыву снасти с потерей блесны и добычи.

Но — обошлось. Рыбина напоследок взбрыкнула, но я, напрягая силы, которых у меня оставалось ещё немало, всё же завёл её в подставленный Бякой подхват. Затем вдвоём затащили её на плот, где успокоили парой расчётливых ударов по голове.

Перечень полученных призов не мог не радовать. Свалилось больше, чем за пять мелких дают. Конечно, не так много, как за тот трофей, который заставил меня поплавать в первый раз, но очень прилично.

Бяка радостно ухнул:

— Мне дали знак Ловкости.

— Отлично, — порадовался я за товарища.

Трофеи ему перепадали нечасто, хотя он принимал участие в вытаскивании крупных рыб, работал дубинкой, успокаивая добычу, потрошил и чистил чешую. Но упырь всего лишь обычный абориген, а не бездонная нулёвка вроде меня, потому ПОРЯДОК его баловал по минимуму. Вчера он пару малых символов ци за целый день урвал, и это его обрадовало, чуть ли не до слёз. По словам Бяки, бывало, за месяц меньше доставалось, а ведь работы он не чурался.

Да уж, кто бы мог подумать, что быть полной никчемностью — это выгодно. Разумеется, вскоре я столкнусь с тем, что не смогу поднимать полезные навыки выше рангов, где к требованиям атрибутов прибавляются требования к ступеням познания. Но надеюсь, что это случится нескоро. И у меня

тактическая задача, — успеть обеспечить себя наперёд именно сейчас, пока есть возможность урывать трофеи по максимуму.

Да и дальше есть шанс не прозябать в нищете, если хорошенько поработаю над Мерой порядка. Глядишь, на высоких значениях этого состояния смогу немало получать, даже если далеко оторвусь от нулевой ступени. Вроде как, чем выше поднимаешься по лестнице просветления, тем меньше тебя балует ПОРЯДОК. А я планирую забраться по ней выше самой высокой горы. Так что, готовиться к этому придётся серьёзно.

Бяка принялся за разделку добычи, а я присел на край помоста, достал из мешка с припасами кусок сыра и отломил комок ржаного хлеба. Сколько не перекусываю, а зверский голод возвращается через час. Приходится жевать снова и снова, ни о чём кроме еды думать невозможно. В организме будто пропасть развёрзлась, сколько в неё не кидай, ей всё мало.

— Пожевать не хочешь? — спросил упыря.

Тот, не отрываясь от своего занятия, покачал головой:

— Надо собрать всю чешую. И специи. Это наше.

— Ну работай-работай, — ответил на это я и добавил: — Осталось три корзины. Эта рыбина почти две заполнит, придётся новую рыбу привязывать к плоту.

— Привяжем, у нас стебли черемши есть, — заявил Бяка. — Это хорошо, что много рыбы. Она наша. Хватит много вкусной еды купить.

— И еду купим, и одежду, и всё остальное, — сказал я. — Но для начала надо долг отдать. Не люблю быть кому-то должным.

Долг закроется сегодня, как только сдадим добычу. Ещё и останется прилично, так что, на еду нам точно хватит. Ну и к одежде приценимся, и к обуви. Бяка, конечно, прекрасно ходит босиком, но это как-то несолидно для победителя.

И что дальше? Дальше я буду ловить и ловить рыбу, выжимая из своей ситуации всё, что возможно. Мои призы от ПОРЯДКА автоматически складываются в мешочек, полученный от матери. А он уже набит до такого состояния, что надо куда-то распределять добычу, иначе рискую оказаться в конфузной ситуации.

Дело в том, что если ПОРЯДКУ некуда вкладывать то, что человек заработал, он размещает добытое прямиком во рту. Ведь все эти знаки да символы вполне материальны, доводилось слышать истории о том, как некоторые, попав в такую ситуацию, давились трофеями.

В моём случае всё может оказаться ещё хуже. При особо удачном свершении ПОРЯДОК способен начислить столько, что этого хватит для того, чтобы порвать мне пасть в буквальном

смысле слова.

Ну, или челюсть вывихну.

Разумеется, мне этого не хочется, потому этим вечером придётся перераспределять добычу по другим вместилищам. Не хочется, конечно, доставать её из невидимого мешочка, но других вариантов не вижу.

Забросил в рот последние крошки хлеба и начал подумывать, не стоит ли снова заглянуть в мешок с припасами. В этот момент заметил метрах в пятидесяти выше по течению сдвоенный всплеск. Такими «эффектами» нередко сопровождалось продвижение стаек тех самых непонятных рыб, с которыми мне хотелось познакомиться поближе.

Задействовал рыбацкое чутьё, убедился, что так и есть. Шесть проворных силуэтов скользили прямиком по струе, не маневрируя и почти не меняя глубину. Только время от времени поднимались к поверхности, оставляя те самые всплески. Но они и так двигались в самой верхней части толщи воды, потому это нельзя назвать серьёзными вертикальными перемещениями.

Очень похоже на ту самую дичь, с которой мой спиннинг ещё не познакомился.

Это недолго исправить. Он наготове, под рукой лежит.

Поднявшись, я вновь задействовал навык. Очень уж быстро движутся эти торопыги, пытаться подбросить к ним блесну вслепую — непростая затея.

Пришлось удерживать умение активным всё то время, пока примерялся и делал замах. Плюс подпустил стаю поближе, потому как спиннинг и снасть хоть и уникальны по меркам Рока, но чересчур неказисты, на многое неспособны.

Попал куда надо. Чуть впереди по курсу стаи. Выждал мгновение, позволив блесне немного погрузиться, после чего поспешно потянул к себе. Обычно я не столь тороплив, но снасть тащит течением. Если не обеспечить большую скорость, приманка будет просто плыть, без заманчивого вращения, которое прерывистым сверканием привлекает всё хищное.

Удар. Одиночный, резкий, мощный. Никак не похоже на серии, которые выдают мелкие кайты. Подсечка, и тут же бурный всплеск от выпрыгнувшей из реки рыбины. Тёмная туша взмыла на высоту моего роста, показывая, что хоть размеры у неё не гигантские, она намерена бороться так, как обычная моя добыча бороться неспособна.

Да, у нас вышел знатный поединок. Неведомая рыбина то вылетала из воды, то уходила ко дну. Первое время мне приходилось отпускать катушку, позволяя ей разматываться. Не хватало силы подтаскивать добычу, она рвалась прочь со

страшной силой.

Но удерживать её на дальней дистанции оказалось даже удобнее. Не надо опасаться, что заведёт под якорный канат. Потому я неспешно добавлял рыбине свободы, выжидая, когда же она начнёт успокаиваться.

Даже у самого сильного обитателя Рока есть свой предел выносливости, а то, что схватило мою блесну, пребывало на нижних ступенях здешней «табели о рангах».

Вот и эта рыбина начала выдыхаться. Рывки всё тише, прыжки всё ниже. Настал момент, когда сил перестало хватать на то, чтобы эффектно вылетать из воды. Максимум — становилась на хвост, после чего заваливалась, позволяя мне подтянуть добычу ещё на полметра.

И вот, наконец, подхват опустился в воду. Спустя несколько секунд в ход пошли дубинки, после чего ПОРЯДОК признал схватку завершённой.

Вы наносите значительный урон панцирнику. Вы наносите фатальный урон панцирнику. Панцирник мертв. Вы победили панцирника (четвёртая ступень). Ваше деяние признано первой победой над противником: панцирником (решающее участие).

Победа над панцирником

Малый символ ци — 30 штук

Получен знак атрибута «Ловкость» — 5 штук

Получен знак атрибута «Выносливость» — 10 штук

Получен знак атрибута «Сила» — 7 штук

Получен малый общий знак атрибута — 2 штуки

Захвачен личный знак навыка — «водный разгон» — 1 штука

Захвачен личный знак навыка — «распознавание ловушек» — 1 штука

Захвачен личный знак навыка — «чутье самца» — 1 штука

Захвачен личный знак навыка — «начальное ориентирование» — 1 штука

Захвачен малый общий знак навыка — 14 штук

Получен личный знак навыка — «рыбацкое чутьё» — 1 штука

Получен личный знак навыка — «спиннинговая ловля» — 1 штука

Первая победа над противником: панцирник (решающее участие)

Получен средний символ ци — 1 штука

Получен средний знак атрибута «Ловкость» — 1 штука

Рыба больше всего походила на осётра весом немногим за десять килограмм. Только нос заострён иначе, а бляшки куда больше, и они защищают тушу почти полностью с трёх сторон, за исключением белёсого брюшка. Там эти наросты тоже есть, но

совсем мелкие, будто шершавые бородавки.

На вид поменьше, чем та кайта, которую я вытащил перед этим. Однако ПОРЯДОК указал на четвёртый ранг, а это соответствовало той хищнице, которая изрядно меня по воде потаскала. Именно она стала первым трофеем, едва не став и последним. Кто знает, что бы со мной случилось, не подвернись тогда под руку удачно расположенная коряга.

При этом меня одарили заметно щедрее. Или прибавка к Мере порядка сказалась, или какие-то неведомые мне особенности панцирников.

И если предположить, что четвёртая ступень у рыб — это серьёзно даже при сниженном размере, можно предположить и то, что в схватке сказались прибавки к атрибутам.

То есть, я уже не тот слабак, каким был прежде, меня так просто по реке не потаскаешь.

— Бяка, гляди, что мы поймали, — довольным голосом выдал я. — Какой-то панцирник. Чешуи нет, чистить не надо. Удобная рыба.

Что-то с товарищем было не так. Скосив взгляд, я даже на миг испугался, подумав, что рыба, прежде чем успокоиться, поразила его каким-то смертельным боевым навыком. Бяка сейчас сам походил на рыбину. На рыбину, вытащенную из воды. Уставившись на улов немигающим взглядом, он совершал ртом те самые движение, которые присущи чешуйчатым созданиям, оказавшимся на суше.

— Что с тобой?! — напряжённо спросил я, лихорадочно вспоминая, что полагается делать с людьми, у которых парализовала дыхательную систему.

— М… М… Моё! Оно моё! — безумным тоном выдал Бяка. Но тут же встряхнулся и куда спокойнее (но тоже ненормально), добавил: — Наше! Наше! Оно наше! Всё наше!

— Да что с тобой такое?!

Переведя на меня возбуждённый взгляд, Бяка со стоном выдохнул:

— Па-а-а-а-нцирник!

— Ну да. Я так и сказал. Какой-то панцирник. И что с того? Ты ведёшь себя так, будто мы императора боли за копчик поймали.

Бяка, плюхнувшись на пятую точку, расхохотался, колотя себя ладонями по коленкам. И хохот у него был таким, что будь я создателем фильмов ужасов, тут же взял бы его на работу. Пускай озвучивает самые напряжённые сцены, зрители из залов будут уходить седыми и заикающимися.

Да уж. Не зря его упырём кличут.

Чуть отсмеявшись, Бяка почти нормальным голосом спросил:

— Значит, ты не знаешь?

— Что не знаю?

— Значит, не знаешь, — сам себе ответил Бяка и добавил: — Считать умеешь. Читать умеешь. А такое не знаешь. Ты какой-то странный.

— Ага, я такой. Давай уже, колись, что с этим панцирником не так.

— Всё так. Это же панцирник.

— Тогда что с тобой?

— Со мной тоже всё хорошо. Я же просто панцирника увидел.

— Значит, плохо со мной… — констатировал я.

— Да, плохо, — кивнул Бяка. — Панцирников у нас почти не ловят. За весь год штук двадцать поймали. За прошлый год. Да и то это случилось в конце лета. Они ведь странные, они икру не весной мечут, а в конце лета и в первых днях осени. Это сезон, когда они страх теряют. Но не так уж и сильно теряют, потому что и тогда редко попадаются. Они как кайты: не идут в сети, не идут на крючки, не идут в верши. Их не затащить бреднем, не подцепить на самоловные крючья. Вот потому и редко попадаются. Даже реже кайт. Во много раз реже. И только в конце лета и начале осени.

— Судя по твоей реакции, тебя удивила не редкость, а что-то другое.

— Угу, — кивнул Бяка. — Это ведь не кайты. Это дороже. Это очень дороже. Очень, — глаза упыря сверкнули. — И оно мо… Оно наше! Наше!

Глаза уже не просто блестели, в них полыхало пламя алчности. Похоже, этот панцирник и правда чего-то стоит.

Я попробовал успокоить не на шутку возбудившегося товарища:

— Да расскажи уже, что тут такого дорогого.

— Икра, — коротко ответил Бяка.

— И что дальше? — не останавливался я.

— Он начинает метать икру в конце лета.

— Это я понял.

— Икра у него дорогая, — вкрадчиво добавил Бяка.

— Об этом я тоже догадался.

— Она очень дорогая. Очень. Это не самая высшая специя, но так дорого… так дорого… И это наше! Уууууммммм!

— Дороже мозга кайты?

— Мозг кайты, это то, чем мы Карасей обливали, — снисходительно ответил Бяка. — Каждая икринка по квадратику. Жаль, икра крупная очень. Самцы попадаются редко. Реже самок.

Молоки — тоже специя, но — так себе. Не очень. Почти как мозги кайт. Это самка, — упырь трясущейся рукой погладил рыбину по светлому брюху. — И она наша! Мы сможем купить много еды! Лучшей еды! Мы не будем голодать зимой! Мы вообще голодать не будем! Никогда!

— Если икра и правда такая дорогая, надо этими панцирниками серьёзно заняться, — задумчиво протянул я.

— Что ты сказал? — насторожился Бяка.

— Да стайки панцирников иногда рядом проносятся, где течение сильное. Я ведь их ещё с берега замечал, но не знал, кто это. Думал, что это какие-то необычные кайты.

— Ты видел их не один раз?! — упырь вытаращил глаза, в каждом из которых плескалось по четыре океана жадности.

— Не раз, не два, и не десять. Нечасто проносятся, но и нередко. Я ведь эту стаю издалека заметил, специально им под нос блесну закидывал. Если увижу ещё, снова так сделаю. Может наловим их штук пять, если повезёт.

— Штук пять?! — пискнул Бяка, чуть за сердце не схватившись.

— Ну, больше вряд ли успеем. Не так уж часто они здесь проплывают, а время уже давно за полдень перебралось. Ты тоже можешь в этом помочь. Я покажу, как выглядят всплески от панцирников, будешь их высматривать.

— Если ты поймаешь ещё одного… ещё хотя бы одного… — Бяка задумался и уверенно добавил: — Это будет счастье. Моё счастье! Наше!

Глава 30. Суровый Мелконог

Без изменений

Пять редких трофеев я изловить не успел. Только три попались, да один панцирник сорвался под самым плотом, вызвав у Бяки драматический приступ депрессии. Солнце уже грозило закатом, но упырь настойчиво требовал не прекращать рыбалку. Ну, ещё разик, а потом один и снова один. И такая пластинка грозила затянуться на века.

Я уже почти твёрдо решил осадить его жадность жёсткими указаниями, как вдруг с берега прокричали:

— Эй, вы! Два стручка на плоту! А ну бегом сюда! И плот прихватите!

Обернувшись, увидел на косе странного человека. Такой мне здесь точно не попадался, а, значит, его или хорошо прятали, или он не принадлежал к постоянным обитателям фактории.

Тело массивное, почти квадратное, защищено чернёной кольчугой, спускавшейся до середины бёдер. Судя по могучим плечам и прочему, он руками способен металл в кузне ковать, не прибегая к помощи молота. Голова прикрыта массивным яйцевидным шлемом, оставлявшим открытым только лицо. Оно суровое, грубые черты вырублены ржавым топором начинающего столяра из морёной древесины. Борода спускается почти до широченного пояса, сплошь покрытого хаотично закреплёнными бронзовыми бляшками.

Богатырь хоть куда, если бы не ноги. Ноги его сильно подвели. Толстенные и до смешного коротенькие. Будто природа хотела сделать сначала великана, затем карлика, а потом и вовсе запуталась, что и куда приспосабливать. Но этот изъян внешности не из тех, которые превращают человека в калеку. Да, смотрится забавно, но при этом понятно, что передвигаться не мешает. Да и выглядит незнакомец так, что даже с середины реки понятно, — такого свалить наземь нелегко.

Стоит так непоколебимо, как не всякий памятник на постаменте стоять сможет.

— Надо возвращаться быстрее, — Бяка беспрекословно признал власть кричавшего.

— Это кто? — спросил я, начиная вытягивать за канат большущий треугольный камень с впивающейся в дно зубчатой перекладиной, служивший нам якорем.

— Это Мелконог, — ответил Бяка, бросившись помогать.

— Впервые о таком слышу. Он кто? Большой человек в фактории?

— Не, он вообще не в фактории.

— А почему мы тогда обязаны ему подчиняться?

— Потому что он нам уши оборвёт. И скажет потом, что они нам не нужны, раз не слышим, что говорят люди, которых надо слушать.

— Что, сильно суровый?

— Да ты на него посмотри. Он что, на доброго похож?

— Совсем не похож, — признал я очевидный факт.

— Вот-вот. Он такой. Это лучший следопыт Темнолесья. Его называют Гурро Мелконог. Но ты говори просто господин Гурро, иначе… иначе…

— Да понял я, Бяка, понял. Иначе оторвёт язык, потому что он мне тоже не нужен.

— Ага. Так и сделает. Однажды на него прыгнул матёрый крысоволк. Гурро его оседлал, да так и поскакал прочь верхом на твари. Люди, которые это видели, думали, что всё, что не вернётся уже. Оно, конечно, так не бывает, чтобы крысоволки кого-то на себе катали. Дело новое. Но понятно всем, что в хорошее место такие кони везти не станут. Да и остальная стая за ними мчалась не просто так. В общем, похоронили Мелконога. И даже помянуть успели. Любят у нас поминать. Но Гурро вернулся на другое утро. Припёрся прямо сюда, на Первый камень. Зашёл в трактир, бросил на пол крысоволка с разорванной пастью и сказал налить чарку самого крепкого, что есть. Ему налили жидкости, которую с обозами привозят. Её коровам по ложке дают, чтобы камни в желчном пузыре растворялись. Если две ложки дать, у них копыта отваливаются. Гурро выпил чарку и сказал, чтобы ему поджарили печень этого крысоволка. И другую требуху тоже зажарить потребовал. Когда на кухне разделывали тушу, увидели, что у неё нет сердца. И сказали Гурро, что приготовить его не получится. А он сказал в ответ, что и без болванов это знает, потому что съел сердце ещё вчера. Сырым съел, глядя, как угасают глаза крысоволка и разбегается его перепуганная стая.

— Реально суров, — признал я.

— Гурро не человек фактории. Он сам по себе. Но он тут всегда свой. Он очень нужный человек. Гурро один такой, кто может неделю ходить где-то по левому берегу. И всегда возвращается с добычей. Сам император боли везде надписи оставляет. Награду за Гурро предлагает. Хорошие деньги.

Так, за милой информативной беседой, сам не заметил, как плот подошёл к косе. Дистанция плевая, а отталкиваться от дна в два шеста, это хорошая скорость.

Мы с пыхтением вытащили на берег якорь, после чего

подошли к Мелконогу и синхронно поприветствовали:

— Здравствуйте, господин Гурро.

— И вам здоровья, — мрачно ответил тот. — Вы такие сморчки, оба, что здоровье вам точно не помешает. Кто из вас Гед, а кто упырь?

— Вот он Гед, — Бяка несмело указал на меня, поражаясь ненаблюдательности великого следопыта.

— Вот благодарю, а то я такой тупой, что упыря от дистрофика отличить не могу! — рявкнул Гурро. — Издеваться решил, малец?! Язык разросся не по годам?!

— Н-нет.

— Да ладно, это я пошутил немного. Не серчай. Можешь валить куда хочешь, ты мне не нужен. Мне ты нужен, — Гурро указал на меня. — Разговор к тебе есть. Важный.

— Понятно, — кивнул я и обернулся к Бяке: — Пока мы поговорим, организуй Карасей и Рурмиса. Надо улов дотащить, пока не стемнело.

Упырь умчался со скоростью мотоциклиста. Общество следопыта ему явно не нравилось.

А тот указал на плот:

— Сами сделали?

— Нет, Рурмис.

— Откуда у Рурмиса столько доброты взялось?

— Не доброта. За квадратики.

— Значит, богатые ребята?

— Пока нет. Но мы на пути к этому.

— Хэх, — усмехнулся здоровяк. — Плот этот, когда у вас появился?

— Вчера. Сегодня первый раз попробовали поплавать.

— Смотрю, наловили много.

— Да, хорошая рыбалка.

— А тот плот, с покойничками, стало быть, ты нашёл?

Я покачал головой:

— Не нашёл. Заметил.

— А в чём разница?

— Будь он на берегу, это да, это находка. А он не был на берегу, он плыл.

— Ну, плыл-то на берег?

Я снова покачал головой:

— Уже объяснял господину Эшу, что нет. Кто-то отпустил его на середине реки. А река так устроена, что понесла его вправо. Он бы так и прошёл мимо Камня вон туда, вниз.

— Значит, ты знаешь, как устроена река?

— Да тут много знать не надо.

— Ну, так поделись знаниями своими. Как плот сюда попал, и что дальше было. Всё, что думаешь насчёт этого, поведай мне.

— Как попал, не знаю. Думаю у тех, кто это сделали, была лодка. Может быть лёгкая, такие за Красноводкой из коры делают. Ещё думаю, это было в километре или чуть больше отсюда. Потому что дальше я видел пару раз, как течение закручивает коряги, которые притаскивает откуда-то сверху. Их при этом под левый берег прибивает, или заносит в левый рукав. Что-то вроде водоворота на всё русло. Там берег загибается, вот и получается закручивание. Те, кто сделали плот, это знали. Они думали, что если отпустить плот ниже, он так и пойдёт посредине, ведь закручивания нет. Но они плохо знают реку. Вот эта коса продолжается дальше, под воду. И она как ножом режет струю. Режет так резко, что отбрасывает всё в разные стороны. Посмотрите на конец косы: там ни коряг нет, ни мусора. Потому что всё это расходится в разные стороны.

— С чего это ты вдруг решил, что коса и дальше под водой тянется?

— Рыбу там ловил, а вода чистая, далеко заглянуть получается. Да и не может она просто так обрываться. Рассказывали, что по низкой воде коса показывается на поверхности. Ну и навыки у меня есть, рыболовные. Они помогают реку понимать.

— Умения? Ты не похож на рыбака. Зато похож на имперца.

— А разве имперцы не бывают рыбаками?

— Тварями они бывают. Редко такое бывает, чтобы глаза яркие, а сам не тварь. У тебя вот как раз яркие.

— Я уже устал говорить, что родился на севере. И всю жизнь здесь прожил.

— Жизнь он прожил, ну надо же. Да что там той жизни.

— Ну… сколько есть.

— Значит, рыболовству обучен?

— Есть немного.

— Но при этом не тупой. А ведь рыбаки туповатые поголовно, жизнь у них такая, несложная. Когда жизнь лёгкая, человек думать перестаёт. А думать надо, ведь если не думать, мозги засыхают. По тебе видать, что не засохли. И речь непростая. Да и больно ухоженный на вид. Да будь дело на границе, тебя бы стража повесила, как шпиона имперского. Уж больно ты на наших не похож.

— Просто умею за собой следить, плюс от природы умный и красивый, — скромно ответил я.

Гурро хохотнул:

— И наглец, каких мало. Тебе ведь этот бледнокожий небось

дюжину гадостей про меня наговорил. А ты тут шутки шутишь.

— Ничего плохого он про вас не рассказывал. Исключительно хорошее.

— Да ну? И например?

— Говорил, что вы даже к крысоволкам милостивы. Одного убили голыми руками так, чтобы он долго не мучался. Разорвали ему пасть и вытащили сердце. Бедняга почти не страдал, а его стая при виде вашего милосердия отступила, уважительно поджав хвосты.

Мелконог покачал головой:

— Ох и язык у тебя, такой даже вырывать жалко. А прозвище моё он называл?

Я положил руку на грудь:

— Ну, вот сами-то подумайте, разве можно о таком смолчать?

— Верно сказано, уж я бы о таком молчать не стал, — поморщившись, признал Гурро. — Значит, думаешь, те, кто это сделали, реку не понимали?

— Да, плохо понимали, — кивнул я. — Ведь не было смысла подходить так близко. Дозорный мог разглядеть лодку, а они не хотели, чтобы их заметили.

— Почему не хотели?

— Да потому что, зачем им тогда такие сложности? Могли спокойно подцепить плот к лодке, притащить его прямо сюда, к берегу и также спокойно уплыть назад. Или у них вообще не было лодки, а был маленький плот. Или даже вывели виселицу на струю, и потом вплавь вернулись. Но это вряд ли, в этих местах сейчас слишком много кайт, а крупные могут до костей искусать.

— Это точно, в реку тут соваться страшновато.

— И вообще, это могли свои сделать, а потом свалить на императора боли, — высказал я, наконец, то, что давно крутилось в голове. — Своим такое проще всего устроить.

Гурро посмотрел на меня как-то странно и, отворачиваясь, буркнул:

— Поменьше болтай, пацан. И отрасти себе глаз на затылке, или почаще оглядывайся. Не то не вырастешь. Не дадут…

Глядя вслед удаляющемуся следопыту, я ничего не понимал, кроме того, что он не только следами на земле занимается. Здесь, в фактории и вокруг неё, происходят некие процессы, о которых я знать не знаю, но при этом они могут мне угрожать. Значит, во все эти непонятности надо как-то вникать. Но как это сделать, пребывая в теле мальчишки — не представляю. Со мной охотно делится информацией лишь Бяка. Думаю, несложно будет тесно приблизить людей вроде Карасей. Но толку с них? Увы, но взрослые со мной на равных общаться не станут, не в том я

положении.

Здешнее совершеннолетие — это лет шестнадцать. Именно с этого возраста у северян повсеместно применяются права полноценного наследования, институт брака и прочее. Мне до этого возраста далековато.

Я не тороплюсь. Три года — это хороший срок для того, кто за несколько дней успевает сделать столько, сколько самому продвинутому аборигену за месяц непросто сделать. Я расту быстро, дайте мне только несколько лет спокойного времени, и смогу сотворить из себя такого хищника, какого свет не видывал.

Но тут ключевое слово — «спокойного». Поэтому меня очень напрягают намёки на то, что в фактории и вокруг неё не всё ладно. А я таких намёков улавливаю всё больше и больше.

Глава 31. Подобревший Эш

Без изменений

Трактирщик уставился на рыбину странным взглядом и задумчиво произнёс:

— Это панцирник.

— Да, — признал я очевидный факт. — Мы не стали их разделывать. Не знаем как это делается. Там ведь икра дорогая, мало ли, вдруг какие-то хитрые особенности есть. Надо, чтобы кто-нибудь показал, и мы всё сделаем. Кто такое умеет?

— Их? — вопросительно произнёс Жадиро?

— Не понял?

— Ты сказал, что вы не стали их разделывать. Их, это когда не одна рыба, — как-то очень уж спокойно пояснил трактирщик.

— Ну да. Мы трёх поймали. Занести остальных? Они на крыльце, с Бякой.

Жадиро повернулся, крикнув:

— Тарко! Там на крыльце рыбу мальчишки принесли. Помоги затащить. Да побыстрее! А ты, — обернулся он ко мне. — Постой тут. Просто постой. Я сам всё сделаю, а ты просто смотри.

Панцирников Жадиро разделал прямо в общем зале, под заинтересованными взглядами нескольких ранних любителей пива, уже успевших вернуться с рудника. Ничего сложного в процессе я не увидел. Главное, это жёстко держать нож за лезвие, вблизи кончика. Брюхо рыбы податливое и легко режется на заданную положением пальцев глубину. Затем рассечённая плоть раздвигается, обнажая неповрежденные внутренности. От них легко отделяется крупный желчный пузырь и два продолговатых икорных мешка. Очевидно, ценится и то и другое, но по поведению трактирщика заметно, что икра — на порядки дороже. Очень уж напрягался, хватаясь за неё.

Разложив добычу по мискам, буднично поинтересовался:

— Тушки мне сдадите?

— А они ценные? — уточнил я.

— Обычная рыба. Но вкуснее кайт. Почти как говядина без жира.

— Хорошо, забирайте. Но нам на ужин сделайте хорошую порцию.

— Сделаю. А с икрой подождать надо. Пошлю Тарко к казначею. Я такие дела сам не решаю.

Вот тут до меня начало доходить, что мы и правда добыли нечто нерядовое. Вокруг кайт и близко такой суеты не наблюдалось, сколько бы мы их не таскали.

Казначея фактории мне только видеть доводилось. С такой мелочью, как я, ему общаться ни с руки. Но сегодня господин Кучо изменил своему обыкновению. Появился минут через пять, всем своим видом выражая крайнюю степень заинтересованности. И даже личные весы притащил.

Игнорируя желчные пузыри, взвесил икорные мешки поодиночке, а затем все вместе, после чего заявил:

— Пять полных гильдейских фунтов, шесть унций и восемь грамм. Две тысячи сто восемьдесят восемь грамм. Мешки нетронутые, принимаются по полной цене. Полная цена — одно платёжное обязательство фактории Черноводка за пять грамм веса. Всего до целого четыреста тридцать семь обязательств, — Кучо обернулся к трактирщику. — Мешки засолить в тряпицах, ты знаешь как это делается. — Затем обернулся уже ко мне: — Обязательства за икру заберёшь у меня. Всё остальное, это к Жадиро.

Провожая казначея взглядом, я мысленно прикидывал расклады. Получалось, к сожалению, не по квадратику за икринку, но всё равно порядок цен радовал. Почти четыреста пятьдесят квадратиков за три рыбины. Плюс за тушки и желчь что-то полагается. Теперь я спокойно расплачусь с долгами, потратив на это небольшую часть от заработанного. А оставшейся выручки хватит не только на одежду для Бяки и меня, это много на что должно хватить.

Это уже иной уровень жизни, при котором даже как-то неприлично обитать в пыльном подвале. Вон какие круглые глаза у горняков. Ну ещё бы, ведь мы только что здорово переплюнули их заработок. Так переплюнули, как им и не снилось. А ведь именно они и охотники считаются элитой здешних работяг. Первые добывают дорогую руду, часами пропадая в сырых забоях, где рискуют оказаться под завалами или нарваться на подземную тварь, не переваривающую дневной свет, но зато очень даже переваривающую шахтёров. Вторые подолгу бродят по лесам, ставя капканы и ловушки, скрадывая зверьё, богатое на всё то, что здесь называют специями. Постоянно на свежем воздухе — это полезно, но надо учитывать, что зверьё в Лихолесье — это нехорошая тема. Редко кто из таких «любителей природы» умирает своей смертью.

Спиннинг и блёсны всех переплюнули. Пожалуй, за три года взросления я смогу успеть сколотить здесь приличное состояние. Если ничего не помешает.

И если от зависти не удавят эти самые горняки. Один смотрит так, что я вот-вот дымиться начну под его взглядом. Обставь его по деньгам равный ему работяга — это одно. Но

когда тебя обгоняет малолетний дистрофик имперского происхождения, плюс его сообщник — упырь, всеми презираемый…

Это — совсем другое.

Из-за всей этой возни я даже постеснялся оставить себе один икряной мешок. Интересно ведь попробовать, что же это такое, раз за него насчитали кучу денег.

Впрочем, мне ещё ни квадратика не дали. Надеюсь, казначей дождётся, пока я разберусь с ужином. Ну а если нет — не страшно. Утром его поймаю, куда он денется.

* * *

Ждать утра не пришлось, казначей обнаружился в своей конторке. Но вместо того, чтобы расплатиться, он, для начала, рявкнул на Бяку:

— Брысь отсюда, нечистый! А ты, — скрюченный палец указал на меня. — За мной ступай.

Кучо повёл меня в заднюю дверь, за которой обнаружился узкий лабиринт, петляющий по нижнему уровню главного здания фактории. Здесь размещались кладовые с ценностями, контора казначея и комнатушки для других служащих. А наверху обитал сам глава, его апартаменты занимали последний этаж.

Вот туда-то Кучо и пришёл, меня за собой притащив. Здоровенная комната, освещённая одиноким масляным светильником, свисавшим с массивной балки на потолке. Пол застелен шкурами разных животных, будто сплошным ковром. Что-то похожее на медведя, что-то на волка, что-то на огромную кошку, а что-то вообще не на что не похоже. Но я в таком деле не мастак, так что, это может оказаться обычная зверюга.

Сам хозяин восседал за огромным массивным столом. На таком балетная группа в полном составе сплясать сможет, и он при этом даже не шелохнётся. Эш ужинал. Перед главой фактории стояло блюдо с какой-то крупной жареной птицей. Явно не курица и не утка, очевидно — какая-то дичь. Причём мне незнакомая, а уж я дома всякой навидался. Домашних животных особы голубых кровей не очень-то жалуют, а мать моя аристократка в хрен знает каком поколении, и была готова с голоду помереть, но не изменить привычкам высшего сословия.

Кромсая птицу здоровенным ножом, Эш, жуя, произнёс:

— Рассказывай.

— Что рассказывать? — уточнил я.

Глава фактории поднял глаза, окинул меня цепким взглядом

и устало сказал:

— Как спал, расскажи; как кашу жрал; как сортир посещал; и как в ноздрях ковырялся. И самое главное, расскажи про панцирников. Мне очень интересно знать о них всё, что знаешь ты.

— Ну… панцирники живут в воде, — осторожно начал я.

Эш, подцепив кусочек зажаренной шкурки кончиком ножа, ловко закинул в рот, начал жевать, одобрительно при этом кивнув и не совсем внятно произнеся:

— Ценное наблюдение. Продолжай.

— Они такие же хищники, как и кайты. Но их в реке мало, и они не стоят на месте. Они всё время носятся по самой быстрой струе течения. Стаями по несколько штук. Мы поставили плот рядом со струей, и я поймал трёх.

— Как поймал?

— У меня есть особая удочка. И есть навык, который помогает ловить рыбу именно с такой удочкой.

— И что у тебя за навыки? — спросил Эш.

Я покачал головой:

— Согласно параграфу второму положения о найме, вольный работник вправе не раскрывать свои рабочие и боевые навыки, атрибуты и прочие параметры ПОРЯДКА.

Оторвавшись от мяса, Эш недоумённо переспросил:

— Что?!

— Параграф второй положения о найме. Мне повторить полностью?

— Кто тебе эту чушь сказал?

— Написано на пергаменте, который висит с обратной стороны двери трактира.

— А, ну да, ты же у нас грамотный. Значит, навыки у тебя такие, которыми панцирников ловят? И где же ты им научился?

— Дома.

— А дом твой где?

— К югу отсюда.

— Ну, слава высшим силам, а то я уж было подумал, что ты с севера явился. Ведь каждому болвану известно, что на юге легче в портовом борделе честную девицу сыскать, чем панцирника в реке. Врать, Гед, надо уметь. Задатки у тебя есть, но не хватает опыта и жизненной наглости. Но это твоё дело. Мне на твои дела плевать. Мне даже плевать имперец ты, или беглый. Да пусть даже тебя демоны научили рыбу таскать, это всё равно не моё дело. А вот ловля панцирников — дело моё. Я, как единственный полномочный представитель Трёх семёрок на землях Пятиугольника, заведую сбором специй, ценных руд и минералов.

Ничто из этого не может пройти мимо меня. Всё должно сдаваться в казначейство «Трёх семёрок» за причитающееся вознаграждение. Представители казначейства есть не только на Камне, а и на постах фактории и в некоторых деревнях.

— Так я сдал всех трёх, — сказал я. — Разве что-то не так?

— Всё так, Гед. Но тебе разве не сказали, что панцирники у нас попадаются редко?

— Да. Что-то такое слышал.

— Я бы понял, поймай ты одного. Любому может повезти, даже мальчишке. Поймай ты пару… Ну и такое может быть. Большое везение случается, чего уж там. Но три — это никакое не везение. У тебя действительно есть навыки, которыми ты ловишь панцирников. Тебе известно, сколько всего панцирников мы взяли за прошлый год?

— Два десятка?

— Двадцать четыре. Может они были и побольше твоих, но двадцать четыре, это всего лишь двадцать четыре. За весь сезон. Сезон длится три недели. Это период, когда они массово ломятся в верховья. Каждый год у них такая миграция. Там они мечут икру и спускаются уже пустыми. За все три недели вся фактория поймала двадцать четыре вшивых панцирника. Двадцать четыре. А ты за два с половиной месяца до сезона за день взял три. На моей должности надо уметь разбираться в людях. Замечать в них полезное и вредное. Ты непонятный. Мутный какой-то. Потенциал в тебе вроде и есть, но как-то это сомнительно. Это были мои мысли в тот день, когда прибыл обоз. А теперь у меня совсем другие мысли. Теперь я думаю, что ты полезный. Ты очень полезный. Нам очень не хватает таких работников. Ты сможешь добыть ещё?

Я пожал плечами:

— Рыба непредсказуема. Сегодня она ходит, завтра могу ни одной не увидеть. Или перестанет реагировать на мой метод.

— Делай всё, чтобы панцирников было больше. Они очень нам нужны. Они дают редкий класс специй. Именно ради таких специй мы и держим Камень. Руководство гильдии рассчитывало, что хорошего товара будет больше. Но у нас один за другим выдались три тяжёлых года. Не везло с погодой, не везло с болезнями. Не везло во всём. Нас стали хуже снабжать. У нас теперь меньше людей. Стражников нормальных почти не осталось, мне даже не с кем отогнать местное отрепье от полян с рогоцветом. Значит, этот сезон рогоцвета потерян. Придётся отыгрываться на чём-то другом. Вот я и смотрю, где бы что-нибудь перехватить. Панцирники — это хорошая тема. Очень редкая специя. Для некоторых рецептов их икре нет замены. А

желчь не только специя, это ещё и ингредиент для ценных зелий. Не такие дорогие, но тоже дело нужное. Двадцать четыре панцирника — это ничто. Это даже в общий список не попадёт, который подаётся правлению в конце года. А вот двести панцирников попасть смогут. Впереди целое лето, три почти полных месяца. Если каждый день по три ловить, ты и больше двести сделать успеешь. А ведь самый сезон, это последний месяц. Особенно его концовка. Там панцирников столько носится, что даже мои бездари в том году немного наловили. Понимаешь мою математику?

— Я ведь уже сказал, что рыба непредсказуема.

— Да тут девятнадцать человек из двадцати слово «непредсказуемо» произнести не смогут. Тупое быдло. С тобой, пацаном, мне надёжнее, чем с некоторыми. Ты, я вижу, ловишь на лету. И в реке тоже неплохо ловишь. Я хочу, чтобы ты ловил много. И не отвлекался на всякую ерунду. У Сома и Жадиро тебе открыт кредит. Бери у них всё, что тебе надо. Расписываться, думаю, обучен. Распишешься у них, и всё. Дальше они своё у Кучо получат. Нужны будут деньги, тоже к Кучо иди. Там у тебя личный счёт будет. Нехорошо, если станешь ходить с мешком наличности. Так все делают. Если опять заболеешь, пришлём к тебе знахарку. Но она на зельях, не целительница, так что лучше не болей. Ещё что-то надо?

— Мне бы жильё получше, — осторожно произнёс я. — И чтобы спать на мягком.

— Скажу Кучо, он подыщет тебе хорошее жильё. Надо будет что-то ещё, сразу ему говори. Или прямо мне. Запомни главное: нам надо много панцирников. Как можно больше. Если и в этом году список от нас правлению не понравится, снабжение урежут ещё сильнее. А мы и так едва на плаву держимся. Купцы вообще не знают, что такое Крайний север. Они не понимают, каково здесь вести дела. Они думают, что мы тут радуемся их подачкам. Но ведь «Три семёрки» — не единственная гильдия. В Пятиугольник и другие потихоньку лезут. Я почти уверен, что кто-то из них под нас серьёзно копает. Здешние лесные людишки особо нам не гадили. Им это неинтересно. Они тут не для баловства шастают, а с таких дел им выгоды нет. Тогда зачем полезли? Да ещё в такое время. Неспроста это. Получается, кто-то всё это оплачивает. Или держит их не деньгами. Мне это не нравится. Но моими жалобами и отчётами на юге зады подтирают. И будут подтираться до тех пор, пока итоговый список не приведёт этих жирных боровов из правления в восторг. И твоя рыба может стать строкой в этом отчёте. Там будет указано, кто добывал. И это будет очень много значить для тебя.

Много хорошего. Ты сейчас никто. Без дома, без родных. Обычный бродяжка. У тебя есть только имя и навыки, которые, возможно, полезны гильдии. И если они действительно полезны, гильдия даст тебе дом и заменит семью. Помни об этом. Не забывай ни на минуту. Всё, можешь идти спать.

— Запомню, — кивнул я. — Можно один вопрос? Думаю, лучше вас никто на него не ответит.

— Валяй.

— Навыки можно удалять?

— Конечно, можно. Но зачем тебе это?

— Я не о рыбацких, я вообще.

— Удалить можно любой. Но на это надо потратить столько же знаков навыка, сколько ушло на развитие. И ци тоже придётся потратить столько же.

— Благодарю, — кивнул я.

Мне не надо удалять навыки, у меня сейчас хватает места под них, хоть ещё десяток сразу учи. Но информация полезная, в мамином обучении о таком ни слова не было.

Да и почему бы не дать Эшу возможность продемонстрировать своё интеллектуальное превосходство над собой. Мелочь, конечно, но такие вот незначительные моменты нередко самым благотворным образом сказывается на взаимоотношениях между начальником и подчинённым.

Плюс, любой диалог — это скрепление связи.

Сплошная польза образовательного общения.

* * *

Эш может и не аристократ, но где-то чего-то от них нахватался. Очень уж пафосным иногда становится, много лишних слов говорит.

Но кое-что интересное среди них затесалось. Эш подозревает, что против Трёх семёрок интригуют другие гильдии. А так как правление считает факторию бесперспективной, это никого не напрягает, кроме него. Вот и старается выслужиться всеми способами, доказывая полезность предприятия. Думает, что, как только добьётся своего, финансы потекут на север бурной рекой.

Наивный. Камень обустроили не затем, чтобы год за годом вливать в него деньги. Всё должно быть с точностью до наоборот. Если отдача увеличится, там, разумеется, обрадуются. Но и отправлять сюда лишнюю копейку не станут. Зачем, если и так всё прекрасно работает?

Беда большинства крупных корпораций — это заторможенная

реакция на изменчивость и просчёты в оценке ситуации на местах. А тут, в мире, где мгновенная связь и транспорт даже императорскому роду недоступна, все сильно усложняется.

Да я вырасти до совершеннолетия успею, пока гильдия начнёт шевелиться. К тому же, сильно подозреваю, что одних моих панцирников для этого маловато. Эшу придётся выжимать максимум из всех возможных направлений.

Что он и делает. Всеми силами добивается максимальной отдачи от каждого. Вон, снизошёл до того, что напрямую работает с подозрительным бродяжкой.

Да он сейчас с чёртом готов вести себя уважительно, лишь бы тот подкинул за это чуток ценных специй.

* * *

Спать я ложился с тревожным чувством. Ведь сейчас мне предстоял очередной эксперимент с параметрами ПОРЯДКА. Учитывая, что последний такой опыт выбил меня из активной жизни на сутки, эмоции положительными не назовёшь.

Главное — не перестараться. Так что, ограничусь не самыми значительными вмешательствами.

Как обычно, начал с ци. Её понадобится много, поэтому влил в резервуар все малые символы, имеющиеся в наличии. А их набралось шестьсот шестьдесят штук. Много места занимают, добыча уже не вмещается в мешочке, приходится большую часть таскать в сумке. Прячу её во время рыбалки под помост на плоту и потом трясусь от страха, представляя, что кто-то узнает про сокровища.

Моя задача, — набрать по два уровня на атрибуты Восприятие и Дух. Но тут вступает в действие всё тот же неудобный закон. Нельзя, чтобы два или больше атрибутов на одной ступени равнялись другу. Значит, что-то надо поднять на три, что-то на два. Но на три не получится, потому что Сила у меня три. Поднимешь её, и она вступит в конфликт с Ловкостью.

В общем, мне, для начала, придётся поднять три атрибута: Силу, Ловкость и Выносливость. Этим я освобожу место под Восприятие и Дух, после чего смогу, наконец, изучить навык «артефактор». Однако, текущий лимит атрибутов на ступень — тринадцать, а у меня активно уже двенадцать.

Никак не поместятся.

Потому пришлось начать с состояния Равновесия. Влил в него все имеющиеся в наличии средние общие универсальные состояния. Было их двадцать штук, каждое давало по двенадцать

сотых. Итого: плюс две целых и четыре десятых, что поднимало лимит на двойку, доводя его до пятнадцати.

Вот теперь места хватает.

Минута на слив знаков атрибутов, и вот их у меня уже не двенадцать, а пятнадцать.

Сделал паузу минут на двадцать, чутко прислушиваясь к своим ощущениям. Организм, щедро питаемый и снабжаемый разными видами специй, тихонечко ворчал, но намёки на приближение серьёзных проблем не выказывал. Но продолжать эксперименты с состояниями и атрибутами я поостерёгся.

Пустил в дело средние символы ци. Их набралось двадцать одна штука, что дало двести пятьдесят две единицы.

Приступил к навыкам, решив рискнуть поднять «Рыбацкое чутьё» и «Мастер-спиннингист». Это отобрало у меня шестьсот единиц ци и прорву знаков навыков. Но ни в том, ни в другом я не нуждался. В дефиците у меня лишь универсальные состояния. Их давали за куда более выдающиеся заслуги, чем рутинная рыбалка. А всё остальное добывалось без проблем.

Теперь у меня появились «Знаток рыбалки» и «Мастер-спиннингист». Первый навык позволял уверенно определять разновидности уже известных рыб, а не только видеть размытые силуэты. Плюс заметно снижался шанс напугать потенциальную добычу своими действиями. Второй просто позволял забрасывать блёсны спиннингом дальше и метче, снижая шансы разрыва шнура и уменьшая его истирание о предметы в воде, чешую и плавники, детали удилища и катушки. Ну и, разумеется, бонусы первого и второго уровней навыков никуда не делись. Они все улучшались или видоизменялись в лучшую сторону.

Двести сорок мелких навыков, полученных с рыб, поменял на малые символы ци, тут же влив их в резервуар. Это повышение заполнения вызовет повышенную утечку, но как-нибудь переживу. А вот увеличение тени будет весьма кстати, ведь на высматривание панцирников затрачивается немало.

Судорог и прочего негатива не последовало, но я не рискнул продолжать. И так немало вышло: плюс два уровня к одному состоянию, поднял три атрибута и перевел два навыка второго уровня на третий, доведя их там до максимума.

Завтра посмотрим на самочувствие.

Глава 32. Богатство победителей

Ступени просветления: 0 (426/888)
Тень: 426
Атрибуты
Выносливость: 6 атрибутов, 300 единиц
Сила: 4 атрибута, 200 единица
Ловкость: 5 атрибута, 250 единицы
Восприятие: нет, 50 единиц
Дух: нет, 50 единиц
Навыки
Знаток рыбалки (3 ранг) — 10 уровень (10/10)
Целительство ран (2 ранг) — 10 уровень (10/10)
Свободные навыки
Мастер-спиннингист (3 ранг) — 10 уровень (10/10)
Состояния
Равновесие (9,46) — 9 уровень
Улучшение просветления (0,50) — 0 уровень
Тень ци (0,50) — 0 уровень
Мера порядка (3,00) — 3 уровень

Самочувствие было прекрасным. Завтрак я смолотил за две минуты и недоумённо уставился в опустевшую миску. Показалось, что меня чудовищно обделили.

Зверский аппетит — лучший сигнализатор прекрасного здоровья.

Погода стояла прекрасная, что ещё больше повысило настроение. Никому не захочется весь день проторчать на плоту под пронизывающим ветром, или холодным дождём.

Вечно всем недовольный торговец не вывел меня из состояния прекрасного расположения духа. Даже наоборот, — подкинул позитива. Он внезапно стал приветливым. Очевидно, слова Эша о кредите в данном учреждении заодно открывали потайную дверцу к доброй душе ворчливого толстяка.

Сегодня я планировал устроить такой шопинг, какой мы и близко себе никогда не позволяли. И начал с давно обещанного — с одежды для Бяки.

Тряпья у Сома хватало, но в основном на взрослых. Однако многое можно легко перешить под фигуру подростка, мастериц-швей в фактории хватало. С обувью сложнее, её не переделать, а ничего подходящего не нашли. Но торговец послал Бяку за специалистом-сапожником. Тот снял мерки и пообещал, что завтра будут готовы лёгкие летние ботинки.

И о себе я тоже позаботился, позволив снять мерки со

ступней. Моя одежда покачественнее обычной, но ветшает на глазах из-за чересчур активного образа жизни. Плюс не было ничего на случай непогоды. Всё это пришлось выбирать, а затем отдавать мастерицам перешивать.

Дальше пришла очередь посуды. Миски, ложки, кружки и обзавелись, наконец, удобным котелком с крышкой. Теперь можно готовить горячий обед прямо на плоту, плюс заваривать травяной чай со специями, устраивая перерывы для восстановления сил. Большой кусок водонепроницаемого брезента займёт своё место в багажнике для корзин. Им удобно прикрываться при кратковременных дождях.

Два дорогих охотничьих ножа из прекрасной стали: себе и Бяке. Тот чуть с ума не сошёл от столь богатой покупки. Два топорика. Отдал чертёж рюкзака по своему проекту и малой сумки на пояс. Туда же пошли наброски чехла для спиннинга и катушки. Основное орудие труда надо беречь. Хотел купить лук, но у торговца такого товара не оказалось.

Однако, как человек такой профессии, он был обязан предложить альтернативу:

— Заказать недолго. Объясни, какой надо, я разберусь. Или вон, ножей метательных комплект возьми.

— Что за ножи?

— Прекрасные ножи. Лучше у нас не найдёшь. Шесть штук в перевязи из кожи ящера, идеальный баланс, тяжёлая тирская сталь с особой закалкой кончиков. Такой нож даже при попадании в камень не затупится и не сломается. Но сильно такими бросками не увлекайся, это всё же обычный металл.

— Если они такие хорошие, почему их никто не забрал?

— А кому они нужны за такую цену? Дорого ведь. Да и охотники наши больше с лучниками дружат, а стражники с арбалетами. Ножи метать, это не всем нужно. Тебе-то это зачем оно, Гед? Кого резать собрался?

— Времена нехорошие пошли. Какие-то нехорошие люди по глазам стреляют, кто-то без кожи остаётся. Надо всегда что-то держать под рукой.

— А пользоваться умеешь?

— Научусь.

— Это непростое оружие. Долго учиться придётся.

— Ничего страшного, я ученик способный. Забираю все шесть, с перевязью вместе. Но за цену надо поговорить. Она и правда слишком высокая.

* * *

Ножи я взял не просто так, и не за их красоту. Хотя последнее у покупки не отнимешь. Хищные очертания узорчатой стали, чернёные рукояти, мастерски обвитые тончайшими кожаными полосками, так и напрашивались в руки. Обхватив их ладонью, прямо-таки ощущаешь угрожающую тяжесть, и готовность немедленно отправиться в смертоносный полёт.

Нет, я взял их не за это. К игрушкам надо относиться прагматично, без эмоций.

Уроки матери не забылись. Та, рассказывая про способы открытия навыков, однажды упомянула забавный факт. Основополагающий навык «Холодное оружие» можно получить, сутками метая ножи, звёздочки и прочие небольшие острые предметы. ПОРЯДОК считает, что из этой забавы растёт абсолютно всё: от искусства фехтования на двуручных мечах, до конного боя с применением тяжёлых копий. Разумеется, для развития потребуется открывать соответствующие ветви, долго и нудно их развивая, но самый первый шаг — именно это.

Рано или поздно драться мне придётся. Таковы реалии этого мира и моего места в нём. Чем раньше начнёшь готовиться к пролитию чужой крови, тем выше успеешь подняться, до того, как случится первый бой.

А если промедлишь, кровь прольётся исключительно твоя.

Спустившись на косу, мы с гордым видом прошествовали мимо бригады Рурмиса. Их добыча, несмотря на смену места лова, так и оставляла желать лучшего. Проверили плот, загрузив пустыми корзинами багажный отсек. Но вместо того, чтобы отчалить, я устроил часовую тренировку.

Физические упражнения, борьба с Бякой, метание в притащенную с мелководья корягу ножей. В основном они летели мимо или не встревали, но нередко случались удачные броски. Приблизительно на каждый десятый такой случай ПОРЯДОК выдавал мне стартовый знак навыка «холодное оружие».

Чувствуя себя превосходно, я рискнул его активировать и поднять до десятки. Это максимум, дальше надо открывать второй ранг, выбирая специализацию, но это делать не стал. Мало ли, вдруг самочувствие ухудшится, а мне сейчас предстоит не спать, а рыбу ловить. Для кого — хобби, а для меня — многочасовая работа.

Надо оставаться в хорошей форме.

Вернули якорь на плот, после чего, с учётом вчерашнего опыта, поставили плавсредство на рабочее место без потерь времени. Всего-то и надо, что под берегом косы подняться чуть повыше, затем погнать к середине протоки, пока шесты не перестанут доставать дно. А там позволить течению спустить нас

чуть ниже, к выходу из самого протяжённого здешнего омута. Якорь удобно плюхнулся на его склон, угол которого помогал удерживать нас на месте. Ну а назад мы потом вернёмся тоже без заминки, сначала поработав веслом, а затем вновь взявшись за шесты.

* * *

Рабочий день прошёл рутинно. Кайты-кайты и снова кайты. А вот послышался всплеск от несущихся поверху панцирников. Вот я активирую навык, целюсь, делаю бросок, и начинается недолгая борьбы с рыбиной.

И так постоянно.

Или я приловчился, или ночная прибавка от тройки атрибутов сказывается, но сопротивление добычи надолго не затягивалось. Даже рискнул подцепить кайту килограмм на семнадцать, и она тоже не очень-то заставила меня попотеть. Да, долго её изматывал, и даже почти начал пугаться за спиннинг, но ни одного по настоящему острого момента за всё выживание не случилось. А ведь ещё несколько дней назад такая громадина могла легко сдёрнуть меня в воду.

Перед обедом вернулись на сушу, где устроили ещё одну тренировку. Пришёл Рурмис, посмотрел на нашу борьбу, обозвал нас беременными карликами, после чего с интересом проследил, как мы отчаливаем и становимся на точку лова. Очень уж ему нравилось высматривать всё, чем мы занимаемся.

После обеда, обильного и разнообразного, мы повалялись на плоту, загорая. Заодно я влил половину оставшихся трофеев в состояние Равновесия. Вторую половину планировал израсходовать вечером. Это поднимет Равновесие до пятнадцатого уровня, что позволит мне открыть ещё шесть атрибутов. Пять из них уйдут на Восприятие и Дух, а один, очевидно, на Выносливость, потому как больше ничего поднять не получится, из-за правила несовпадения показателей.

Правило это бесило всё больше и больше. Мне больше Силу развить хочется, ведь её явно не хватает. Но как пошёл вначале перекос в Выносливость, так и продолжается. Устранить его можно, только перейдя на следующую ступень просветления, с высочайшим риском потерять увеличенный шанс подарков от ПОРЯДКА. Или развить Равновесие до безумного уровня. Но, увы, сделать это невозможно, поскольку трофеи для его развития закончатся этим вечером.

Насколько понимаю, купить их в фактории невозможно. Даже

на юге это очень редкий товар. И безумно дорогой. А я уже слил всё на себя, ничего не оставив.

Но ни о чём не жалею. Даже сейчас на жалкой нулевой ступени я прилично смотрюсь. У меня уже набралось пятнадцать основных атрибутов. То есть, обычному простолюдину такое светит между второй и третей ступенью. К тому же показатели на них у него будут далеки от максимальных, а у меня каждый впитал в себя пять десятков — больше некуда.

Есть, конечно, способы и выше задрать. Но это фантастика даже для большинства аристократов, ибо для получения таких трофеев надо в больших количествах побеждать противников с кровью существ Хаоса. Найти их, при желании, можно на том же севере, но скорее они тебя найдут. Плюс, шансы выпадения невелики, и не факт, что тебе достанется именно то, в чём нуждаешься.

В Роке действует простое правило распределения призов. Каждый может получить то, чем богат побеждённый им противник. Не в полном объёме, и даже не всегда единичка перепадёт. Чем круче враг, тем выше шанс нажиться на его смерти. Навык стартовый или даже развитый, часть состояния, знаки ци и атрибутов. Потому война между людьми — дело выгодное для тех, кто не проигрывают.

Рыбалку свернули раньше обычного. Семь панцирников добыто — это куда больше трёх, о которых так настойчиво талдычил Эш. Ну и кайт столько, что я со счёта сбился.

Ничего, трактирщик каждую учтёт, он человек дотошный.

Сразу наверх не пошли. Я устроил последнюю тренировку, окончательно изумив Бяку. Моя неуёмная энергия начала наводить его на подозрения, что со мной не всё в порядке. То и дело о самочувствии справлялся, тревожно поглядывая.

Перед ужином вновь посетил столяра и кузнеца. Принёс им новый комплект деталей для спиннинга. Чертил их, отдыхая после серии забросов, с учётом ошибок первого проекта. Мне необходимы орудия лова и для себя, и для Бяки. Это существенно поднимет шансы на поимку панцирников. Они слишком быстро проносятся мимо, так что, надо наловчиться ловить их сообща. Упырь — не криворукий, я уже показывал ему, что к чему. Он даже одну мелкую кайту вытащил почти без моей помощи. Денёк-другой тренировки, пока не получит навык. Ну а там я помогу его довести до третьего уровня, и наша жизнь станет проще. Сразу освободится больше времени для личных нужд, а улов при этом даже увеличится.

Но это в теории. На практике надо посмотреть.

* * *

К кузнецу у меня было ещё одно дело. Решив вопрос с чертежами, я указал на стену, где висело копьё, которое приметил ещё в первый раз. Древко резное, с хитрыми насечками, так и хочется его ухватить. Наконечник непомерно длинный, чуть изогнутый и заточен с одной стороны. Будто кинжал с насадочной трубкой вместо рукояти. Не очень-то похоже на нагинату моей матери, но принцип схожий. Этим оружием можно и колоть, и резать, и рубить. Очень удобно как против человека, так и против зверя.

— По чём продаёте? — спросил я.

— Что продаю? — не понял кузнец.

— Копьё на стене. Сколько оно стоит?

— Это не копьё, это ари.

— Пусть будет ари, — легко согласился я. — Почём?

— Не на продажу, — кузнец улыбнулся, отрешённо уставившись перед собой. — Сынку два года уже вот-вот исполнится. Для него сделал. Я душу в это ари вкладывал, старался. Лучшее, что у меня получалось.

— Мне кажется, ваш сын ещё нескоро дорастёт до этого оружия. А вот я уже вырос. И готов заплатить за всё: и за изделие, и за вложенную в него душу. Так сколько?

* * *

Слова Эша не подразумевали долгих проволочек. Для нас с Бякой уже освободили пристройку за баней. Не сказать, что хоромы, зато есть плюс: не надо далеко идти, если захочешь хорошенько вымыться.

Из обстановки только стол из расколотых брёвнышек, два топчана из таких же материалов, да пара сенных матрасов. Единственное окошко затянуто мутной склейкой из пластинок слюды. На юге такое добро нечасто встретишь, а здесь его полно. На руднике недавно богатую жилу вскрыли, вот и принялись постепенно решать вопрос остекления всего посёлка, до самой последней халупы.

Пока я ходил по мастерам, Бяка перетаскал всё наше нехитрое имущество на новое место жительства. И очень удивился, увидев меня с таким красивым оружием в руках.

— Гед, зачем тебе это надо? Это ведь дорого очень.

— Да, дорого, — согласился я. — Ещё с Оро поговорил, завтра утром обещает арбалет лёгкий отдать с колчаном болтов.

Это для тебя.

— Арбалет?! Для меня?! Он мой?!

— Твой-твой. То есть будет твой.

— Мы собрались становиться охотниками?

— С чего ты взял?

— Ну а зачем нам столько оружия?

— Затем, что мы победители. Или ты собрался соплями побеждать?

— Я тебя понял. Но оружия и правда слишком много. Оружие дорого стоит. Ты тратишь все деньги, наверное.

— Деньги не проблема, новые заработаем. Завтра ещё и спиннинг получишь.

— Правда?

— А зачем мне врать. С моим ты уже чуть освоился. Дам тебе его, пока новый стану собирать. А там начнём вдвоём панцирников косить. Денег будет столько, что мы тут квадратиками все стены обклеим.

— Не надо стены обклеивать! — взмолился Бяка. — Лучше складывать в горшки и закапывать. Говорят, один тут так делал. А потом его в шахте завалило. Видел, как Рурмис иногда по склону с мотыгой бродит? Он уже всё там перепахал, всё ищет и ищет.

Пока Бяка бормотал, постепенно затихая, я, порциями слив пятьсот единиц ци, поднял Восприятие до трёх, а Дух до двух. Собрался уже было активировать, наконец, навык «артефактор», но едва не выругался, а затем с трудом сдержал вырывающийся смех.

Над собой, между прочим, смеялся.

Над собственной глупостью.

Сегодняшняя эйфория подвела. Не просчитал все последствия. Для активации этого непростого навыка потребуется шестьсот единиц чи. Ладно, шесть сотен я кое-как наскребу, но ведь это лишь начало. Дело в том, что каждый подъём навыка стоит сотню. То есть, до максимума, потребуется ещё тысяча.

Столько у меня и близко нет, а от неразвитого навыка толку или ноль, или минимум. Страшновато вкладываться без надежды на быструю отдачу.

Глупо поспешил. Впредь наука будет. Хорошо ещё, что ошибка не фатальная. И Восприятие и Дух мне пригодятся, их так или иначе поднимать надо, так что, мёртвым грузом они не повиснут.

И я поступил иначе. Закрыл последнюю вакансию по атрибутам, приподняв Выносливость на единичку.

А вот теперь можно и поспать.

Глава 33. И вправду нехороший человек

Ступени просветления: 0 (321/888)
Тень: 321
Атрибуты
Выносливость: 7 атрибутов, 350 единиц
Сила: 4 атрибута, 200 единица
Ловкость: 5 атрибутов, 250 единицы
Восприятие: 3 атрибута, 150 единиц
Дух: 2 атрибута, 100 единиц
Энергия
Энергия бойца: 150 единиц
Энергия магии: 100 единиц
Навыки
Знаток рыбалки (3 ранг) — 10 уровень (10/10)
Целительство ран (2 ранг) — 10 уровень (10/10)
Холодное оружие (1 ранг) — 10 уровень (10/10)
Свободные навыки
Мастер-спиннингист (3 ранг) — 10 уровень (10/10)
Состояния
Равновесие (15,21) — 15 уровень
Улучшение просветления (0,50) — 0 уровень
Тень ци (0,50) — 0 уровень
Мера порядка (3,00) — 3 уровень

Следующий день пошёл по накатанной колее. Разве что, после второй тренировки, проведённой перед обедом, я сходил наверх, где забрал заказы: арбалет, колчан с болтами, детали для спиннинга, чехлы для удилищ и катушек. С ними и снасти целее, и не так будут в глаза бросаться.

Слишком уж быстро мы с Бякой набираем известность. Вчерашние никчемные подростки, так лихо поставляющие панцирников — это как-то ненормально. И завидно многим, и так же хочется в жизни устроиться. Не надо лишний раз будоражить народ нашими успехами. Это одна из причин, почему я жилы не рву, пытаясь поймать как можно больше. Как выбрал одну стоянку в конце ямы, там и регулярно там пасёмся. Может где-то уловы и получше, но зачем? Нам и этих более чем достаточно, плюс получается урывать время на развитие.

Несмотря на то, что «рукопашный бой» я так и не изучил, это не мешало мне разделывать Бяку в восьми схватках из десяти. Начало сказываться количество высокоразвитых атрибутов. Хоть

ступень просветления у товарища выше, по прочим параметрам он явно отстаёт. Да и навык не развит до максимального уровня, а на начальных от него толку немного.

Упырь, глядя на мои успехи, начал поговаривать, что толку от него мало. Мол, мне надо подыскать учителя, который будет круче и опытнее. Пусть подтянет мой рукопашный бой за плату. При этом и знаки навыков чаще выпадать будут, ибо шанс их получения тем выше, чем выше уровень твоего противника.

Пообедали мы на берегу. И, как это у нас принято, пообедали плотно. Тут же начала одолевать сонливость, но подремать не получалось. На запах рыбы налетела какая-то мелкая мошкара. Кусаться она не кусалась, но покоя не давала.

Пришлось отойти подальше, к самой оконечности косы, где и развалились на брезенте. Здесь было хорошо: тёплые камни снизу, солнце напекает сверху и никаких насекомых.

Я не такой уж соня. Это просто издержки быстрого поднятия параметров ПОРЯДКА. Двадцать один максимальный атрибут за пару недель — это реактивный темп, что не может не сказываться. Даже аристократу, живущему на всём готовеньком, столько и за несколько месяцев не набрать. Но я сильно отстал в развитии, приходится навёртывать на максимальной скорости. Вот и приходиться есть, как пара взрослых, и спать тоже за двоих.

Но не валяться же до вечера? Поднялись спустя неполный час, вернулись к плоту, отчалили.

Повели его по маршруту, освоенному вчера. Почти не глядя, отталкивались шестами, заводя плот вверх, а затем отправляя его к середине протоки. Он по инерции достиг ямы, где начал разгоняться на течении.

— Глянь, чего это они? — удивлённо спросил Бяка, глядя в сторону берега.

Обернувшись, я увидел, как от рыбацкого сарая бегут двое: малой Татай из банды Карасей, и Рурмис — двоюродный брат их вожака. Причём он явно гнался за пацаном. А тот мчался во весь опор, зачем-то размахивая руками.

— По-моему он пытается нам что-то сказать… — неуверенно протянул я, глядя на непонятную сцену.

Бяка при этих словах столкнул якорь в воду, и тот быстро пошёл ко дну, разматывая грубый канат.

А Рурмис как раз нагнал Татая, ухватил, оторвал начавшего кричать мальчишку от земли, да так и замер, держа его на весу и уставившись при этом на нас нехорошо. Мне и раньше его взгляд не нравился, а сейчас не нравился в десять раз сильнее.

Не переставая на нас таращится, Рурмис передвинул руки, обхватил шею Татая и жестко сдавил, начал душить. Причём не в

шутку, прекрасно видно, как глаза у бедолаги полезли из орбит.

— Ты что творишь, придурок?! — заорал я.

В ответ Рурмиг гадливо осклабился, продолжая жестоко издеваться над мальчишкой.

Закипая от гнева, я ухватился за якорный канат:

— Бяка, помогай! Надо разобраться с этим уродом!

— Да сами разберутся, — пролепетал упырь, явно не горя желанием конфликтовать с заклятым недругом.

— Делай, что тебе говорят! Он же его убьёт! Да он с ума сошёл!

Канат потянулся как-то очень уж легко. Неудивительно, ведь якоря на нём не оказалось. Только тут я понял, что мы так и не остановились, нас продолжало сносить вдоль косы.

Ухватился было за шест, но до дна не достал. Река здесь глубокая, сплошная яма. Бяка, без слов поняв, что надо делать, ухватился за весло, погрузил его в воду.

Лопасть с печальным хрустом отломилась и начала быстро удаляться. Я попытался достать её шестом, в сердцах высказав:

— Да как ты так умудрился, Бяка!

— Н-не знаю… — растерялся товарищ. — Она сама. Я даже сделать не успел ничего. Вообще ничего. Сама она.

Оглянувшись, я увидел, как Рурмил, продолжая душить обмякшее тело Татая одной рукой, другой машет нам, прощаясь. И рожа у него при этом отвратительная, как никогда. Откровенно издевается.

— Да что за дела! — воскликнул я, лихорадочно оглядываясь. — Надо как-то выгребать.

Мы проносились метрах в пятнадцати от скалы, на которой стояла фактория, но с таким же успехом до неё могло оказаться все сто. Глубина слишком большая, и течение здесь, на сужении, сильное. Разве что прыгать, бросая всё добро на произвол судьбы и рискуя нарваться на матёрых кайт, коих возле Камня в начале лета предостаточно.

Бяка, присев, потеребил канат и мрачно заявил:

— Подрезан.

— Да я понял. И весло эта сволочь сломала. Но зачем он так? Смысл? Если он еще и Татая убил, это ведь вообще конец. Если сильно повезёт, ему только руки переломают.

— Да, — злорадно протянул Бяка. — Мы сейчас быстро вернемся, и всё расскажем Гуго. И ему прямо сейчас руки ломать начнут. А может и повесят.

Глядя вперёд, я покачал головой:

— Быстро не получится. Правый берег — сплошной обрыв, на него нам не залезть. А до левого ещё как-то добраться надо. Он

далеко, а река тут глубокая. Шестами не достанем. Да и моста с той стороны нет, придётся кричать и руками махать, чтобы эти слепые на башне нас заметили.

— Почему слепые? — удивился Бяка.

— Да потому что на их глазах такое происходит, а они не видят. Или… Или Рурмис откуда-то знал, что не увидят.

— Как он мог это знать?

— Без понятия. Но он был слишком уверен в себе. Он никогда так себя не вёл. Я не понимаю, что происходит, но на психа он не похож.

— Ты не знаешь его, — чуть ли не с шипением заявил Бяка. — Он всегда был гадким. Всегда.

Продолжая всматриваться вперёд, я не видел ни единой возможности выбраться на правый берег. Всё та же вертикальная скала, уходящая в воду на большую глубину. Рыбацкий навык показывал, что с шестами там делать нечего. Да и будь иначе, как на неё забираться?

— Бяка, если мы быстро не доберёмся до берега, нам будет плохо. На ночь здесь останемся.

— Не останемся, — спокойным голосом ответил упырь. — Видишь, дальше река поворачивает?

— Вижу.

— Там, за поворотом, можно подняться на правый берег. Есть одно место такое на всю скалу. Там ручей её прорезал до самой воды. Весной он приносит камни, летом песок. Там коса получилась почти до середины Черноводки. На неё всё выбрасывает, что по правой протоке плывёт. Раз было дело, наши рыбаки перепили. Пошли к нижнему плесу сети ставить и задремали. Так их тоже выкинуло. Вот и нас выкинет. А потом поднимемся по руслу ручья наверх. Там тропа есть.

Я ухватил подхват, кое-как намотал на каркас болтающуюся сетку и начал суетливо пытаться грести.

— Ты что делаешь? — удивился Бяка. — Садись, отдыхай. Скоро нас и так к берегу прибьёт. И мы пойдём пешком назад, к мосту. Всё расскажем про Рурмиса.

— Нельзя нам там на берег.

— Почему нельзя? — ещё больше поразился упырь.

— Потому что нас там ждут.

— Кто?

— Не знаю кто, но встречать они нас будут не с цветами. Ты разве не понял? Рурмис уверен, что ничего мы никому не расскажем. Потому что здесь нас и поймают. Так и было задумано. Наверное, Татай узнал это и хотел нас предупредить. Но не успел.

— Кто нас ждёт? — продолжал удивляться Бяка.

— Кто-то: много добрых людей с богатыми подарками, вот кто. Нельзя нам там на берег. Нельзя. Помогай грести.

— Но чем?

— Да хоть ушами! Быстрее помогай!

* * *

Нас ждали.

На мысу, чистом с одной стороны, и полностью заваленном корягами с другой, стояли трое. В сумерках трудно различить детали на такой дистанции, но вроде бы, взрослые мужчины в неброских одеяниях. И у одного в руках просматривается что-то очень похожее на большой лук.

Подхват Рурмис поломать не догадался. Плюс канат подрезал возле самого якоря. Благодаря этому у нас осталось множество стеблей черемши, которыми мы обмотали проём сачка, превратив рыбацкий инструмент почти в полноценное весло. И как бы течение нам не противилось, мы, работая посменно, успели отвести плот от правого берега до середины реки. И теперь должны пройти метрах в сорока от оконечности косы.

Но вот лук в умелых руках может достать и дальше. Доводилось слышать истории о стрелках с прокачанным до небес навыком. Такие умельцы способны поразить тебя в сердце за сотни метров. Конечно — это почти уникумы, но никогда не надо считать врагов слабаками.

Потому я приказал Бяке:

— Греби так, чтобы корма была направлена на косу. А я сейчас корзины переставлю.

— Зачем их переставлять?

— Потому что они могут защитить нас от стрел. Смеркается быстро, но и плывём мы тоже быстро. Темнота нас спрятать не успеет.

Двенадцать корзин забиты доверху, ещё две частично. Рыба в них набита плотно, есть шанс, что стрела не справится с такой преградой. Тем более, лучнику придётся работать за десятки метров, что скверно скажется на пробивной способности.

Так быстро я с тяжестями никогда ещё не обращался. Адреналин бурлит, да и силёнок прибавилось. Корзины летали, будто пустые. Я безжалостно вминал их рукояти, дабы не оставались пустые зазоры, через которые до нас может добраться смерть. А когда покончил с этим делом, оторвал верхний щит от помоста в центре и поставив его дополнительной преградой.

Успел на последних секундах.

Едва мы присели за импровизированным укрытием, как с берега крикнули:

— Вон они!

— Хаос их подери! — заорали другим голосом. — Почему они не под берегом?!

— Потому что реку знаем, в отличие от вас, тупых недоумков! — не удержавшись, отозвался я во всю мощь глотки.

— Биго, отойди в сторону! В сторону сказано! Сейчас я этим крысёнышам покажу недоумков!

После этих слов на берегу нехорошо хлопнуло, и по багажнику, забитому корзинами, врезало с такой дурью, что нас обдало рыбными брызгами.

— Эй! Балабол! — прокричали с берега. — Голос подай! Как оно тебе?!

Ну уж нет, болтливых дураков на плоту не остались. Мы оба понимали, что стемнело уже так, что стрелок, глядя на тёмную гладь реки, не может рассмотреть цели. Вот и надеется, что это получится определить при помощи звуков.

Желание пообщаться мы больше не проявляли, несмотря на новые провокации, и лучник начал работать вслепую.

Удар, ещё удар, а затем что-то по волосам прошлось, заставив ещё ниже припасть к палубе, хотя секунду назад это казалось невозможным.

Если до этого я проклинал течение за скорость, то теперь мысленно костерил за то, что оно медленное. Лучник успел выстрелить десять раз и напоследок таки добился своего.

Бяка вскрикнул после удара о баррикаду, после чего начал поскуливать.

А с берега торжествующе прокричали:

— Одного достал!

— Давай второго!

— Да нихрена не видно. Надо выбираться и сверху перехватывать.

— Не успеем. Их быстрее до Чащобы донесёт.

— Да и Хаос с ними. Там они и сгинут.

— Бяка, что с тобой? — тихо спросил я. — Поднимайся, нас уже не достать.

— Г… Г… Гы… Глаз.

— Глаз?! Тебе попали в глаз?!

К счастью, в Бяке говорил не рассудок, а паника. Стрела с широким наконечником, пронзив преграду, разрезала бедолаге скулу. Хоть и по касательной задела, а вспорола на совесть, кровь из раны хлестала, как из шланга. Просачиваясь через щели меж

брёвен палубы, она капала в воду, возбуждая местных кайт. То-то возле нас всплеск за всплеском.

Усадив товарища, я заставил его убрал руку от раны, вместо неё поднеся свою ладонь. Напрягся, активируя навык и следя, как стремительно расходуется тень.

А затем отставил ладонь в сторону, довольно заявив:

— Готово. Хватит уже трястись. Глаз у тебя целый, скулу только порвало. Но я её уже вылечил.

— Вы… Вылечил? Т… ты целитель?

— Слабенький, но да, целитель. Только и хватает царапины, да такие вот мелкие раны закрывать, пока они свежие. Шрам, наверное, останется.

— Шрам не страшно, — приободрился Бяка, умываясь.

Оказана помощь раненому. Рана затянута.

Получен малый символ ци — 1 штука.

Ого, даже приз от ПОРЯДКА достался. Какой удачный, блин, денёк…

Я напряжённо произнёс:

— Эти уроды хотели поверху за нами гнаться. Но потом один сказал, что мы всё равно в какой-то Чащобе помрём.

— Да, — подтвердил Бяка. — Если он про Чёрную Чащобу, то мы и вправду там сгинем. Туда даже Мелконог не пойдёт. Очень плохое место.

— Тогда нам надо на берег, но я не представляю, как это сделать. Пока ещё не сильно стемнело, видел, что напротив мыса обрыв и слева начинается. Невысокий, но не факт, что заберёмся.

— Там глина, по которой не залезть, — сказал Бяка. — Очень плохой берег. Может и есть места, но я не знаю, где они. Вся река дальше плохая.

— А ты понял, что сейчас было? — спросил я.

— Что?

— В нас стрелял тот самый лучник, который в глаза убивает.

— Почему так думаешь? — поразился Бяка.

— Тебе он чуть не попал именно в глаз. Да и мне рядом проехался стрелой по волосам. Он даже через корзины с рыбой как-то определял, где наши глаза. Очень точно бил.

— А ведь и вправду он! — воскликнул упырь. — И мы живы! Живы! И у нас глаза целые! Все глаза!

— Рано радуешься… — мрачно протянул я.

— А почему нельзя радоваться?

— Потому что стемнело, а нас так и несёт река. Мы даже не видим, куда несёт. И ты сам признал, что где-то впереди какая-то Чащоба, куда даже Мелконог не ходит. А он круче нас в миллион раз.

— А миллион — это сколько?

— Это? Это Бяка так много, что мы с тобой за неделю не досчитаем.

Глава 34. Посреди Черноводки

Без изменений

Черноводка — дикая река с быстрым течением. Берега её захламлены, заломы из наваленных друг на дружку деревьев иногда протягиваются до середины русла. Даже днём по ней не везде можно пройти с лёгкостью, а уж ночью вообще не стоит на воде оставаться.

Но выбора не было. К тому же, нас почему-то несло так, что мы ни на что не натыкались. Только зря силы тратили, удерживая плот кормой вперёд. Это мера предосторожности на случай столкновения с тем же заломом. Сухие сучковатые деревья, прежде чем пройтись по нашим телам, должны сокрушить багажный отсек, заполненный рыбой. Однажды эта преграда уже выручила, вот и надеялись, что ещё разок-другой службу сослужит.

Темень стояла кромешная. Как назло, к вечеру наползли облака, закрыв луну и звёзды. Мы будто в чернилах продвигались, в которых свою руку разглядеть невозможно. Активировать рыбацкий навык я не мог. Он в темноте работал гораздо хуже, но проблема даже не в этом, а в том, что тени ци почти не осталось. Слишком много слил на лечение Бяки, а остальное израсходовал до этого, в процессе рыбалки. Восстанавливается, увы, неспешно, лучше приберечь на крайний случай.

Уши уловили характерный звук журчания речной струи, наткнувшейся на подходящую преграду. Своего рода музыкальный инструмент для текучей воды. Таких «дудок» хватало на быстринах, заваленных корягами.

— Я что-то слышу, — напряжённо произнёс Бяка.

— Да и я это слышу, но ничего не вижу.

— Я тоже ничего не вижу.

— Плохой из тебя упырь, раз в темноте не видишь.

— Да, плохой, — не стал спорить Бяка. — Гед, прислушайся. Мне кажется, или где-то впереди гудит?

Я напряг уши, пытаясь за журчанием воды различить то, о чём говорит товарищ.

Спустя несколько секунд неуверенно произнёс:

— Вроде и правда что-то непонятное слышно.

— Нас уже до Каменного переката донесло, это точно он гудит, — сказал Бяка. — Ведь кроме него гудеть нечему.

— Перекат? Его можно пройти?

— На лодке проходили по большой воде. Такое слышал. Но

мы не на лодке. И сейчас ночь. Плот может разбиться на камнях.

Нехорошая ситуация. И что хуже всего, — мы никак не можем на неё повлиять. Разве что начать работать веслом, пытаясь плыть вслепую. Но это — так себе метод. Можно выйти к берегу, а можно врезаться в скопище наваленных деревьев с перспективами оказаться в воде. Река, кишащая кайтами — не самое лучшее место для купания.

Шум быстро усиливался. Вскоре сомнения отпали — это действительно ревёт серьёзный перекат. Попасть в него в непроглядном мраке я, разумеется, не мечтал. И потому попытался плыть вслепую, ориентируясь исключительно на звук быстро текущей воды.

Несколько минут работы подхватом, превращённым в уродливое подобие весла, и плот стукнулся обо что-то основательное. Я, скорее угадывая, чем что-то видя, протянул руку, нащупав холодный камень, от которого нас тут же начало относить.

— Скала! — воскликнул Бяка, тоже потрогав преграду. — Нас к скале принесло!

— Тут не высадиться, — с досадой заявил я.

Раз мы спокойно врезались в берег, а теперь плывём вдоль него, это значит, что глубина здесь солидная. Коряги и прочий мусор далеко под нами и плоту не мешают. То есть, это вертикальная скала, круто уходящая в воду. Пытаться на неё вскарабкаться вслепую, да ещё и в кромешной тьме, — это занятие для экстремалов не нашего уровня.

— Я начинаю что-то видеть, — сказал Бяка. — Скоро рассвет.

— Слишком темно, — заявил я, пытаясь что-то разглядеть. — Если нас затянет в перекат в такой темноте, мы так выкупаемся, как никогда в жизни не купались.

На последнем слове плот вновь врезался в скалу, и мы вновь не смогли за неё зацепиться. Оставалось надеяться, что здесь, под сушей, течение слабее, а, значит, следует и дальше стараться держаться возле камней.

Несколько часов мы пытались грести назад, держась под обрывом. Вымотались так, что едва на ногах держались. До восхода солнца оставалось ещё прилично, когда нас снесло к началу переката. Света уже было достаточно, чтобы понять бесперспективность нашего положения. Река здесь сужалась метров до двухсот. Что правый, что левый берег выглядели одинаково: вертикальные или почти вертикальные скалы, без намёка на тропу. Пристать к ним невозможно, забраться наверх — это надо быть не последним альпинистом. Минимум тридцать метров по поверхности, которая на большей части площади

лишена трещин и серьёзных неровностей.

Спереди гремел непрерывный оглушающий рёв. Это больше похоже на шум водопада, но Бяке приходилось верить. Значит, там всего лишь перекат, а звук такой сильный из-за конфигурации каньона. На лодках эту теснину проходили, следовательно, наш не такой уж и тяжёлый плот тоже может проскочить. Но это, конечно, та ещё лотерея, и потому я решил максимально приподнять наши шансы.

Активировав рыбацкий навык, убедился, что кайт здесь видимо-невидимо. В основном — мелочь, собравшаяся в начале переката и не рискующая спуститься ниже, где даже этим стремительным хищницам придётся несладко. Перекат выступал барьером, сдерживающим рыбные миграции, и сейчас мы находимся в самой богатой его части. Столько добычи в одном месте я никогда не видел.

Поэтому, больше не раздумывая, взялся за весло и приободрил трясущегося от страха Бяку:

— Успокойся, сейчас высадимся.

— Как? Тут нет берегов. Тут скала. Везде скала.

— А мы не совсем на берег.

Возможно, когда-то здесь посреди реки и стояла скала, подобная той, на которой приютилась фактория. Но вода с ней давно разделалась, оставив лишь затопленное основание, заваленное к тому же крупными и мелкими обломками. Что-то вроде косы получилось, вытянутой метров на тридцать, где в самом широком месте и десяти шагов не наберётся. Плюс подступы щедро засыпаны громадными валунами, на фоне которых наш плот иногда выглядел малюткой.

Вот между такими исполинами я его и провел, мягко причалив к завалу из камней помельче.

Высадившись, на совесть закрепили остатки якорного каната, после чего Бяка, оглядевшись, печально констатировал:

— Это не суша. Нас отсюда сразу смоет, как только в верховьях пройдут дожди. Нам надо как-то попасть на берег.

Я покачал головой:

— Здесь слишком сильное течение, мы против него не выгребем. Видишь, что наверху? Скалы так и тянутся, что вниз, что вверху. Если вверх поплыть, у нас сил не хватит столько толкать. Да и глубина дальше большая, шестами не достанем. Нет, забудь, наверх возврата нет. Нам придётся проходить через перекат, не вижу другого пути.

— Тогда зачем мы остановились?

— Затем, что я хочу хорошенько подготовиться к спуску. И поэтому у меня к тебе важный вопрос.

— Так спрашивай.

— Я понимаю, что выпытывать точные параметры, это с моей стороны некрасиво. Но Бяка, я обязан знать, на что ты способен. Зная это, я, возможно, смогу тебя усилить. Нам на перекате понадобятся сильные руки. В общем, мне надо знать о тебе всё: по атрибутам, по навыкам и по ступеням.

* * *

То, что Бяка далеко не альфа, я, конечно, догадывался. Но определить это самостоятельно не мог. Для получения информации о параметрах ПОРЯДКА надо или развивать специализированные навыки, заточенные на специфическую наблюдательность, или твоя ступень просветления должна превосходить на порядки ступень того, кто тебя заинтересовал. Да и полный список сведений, скорее всего, тебе не светит в обоих случаях.

Упырь выдал мне всю свою подноготную, даже не попытавшись уточнить, зачем оно мне надо. Его доверие ко мне близко к безграничному. Я ведь не просто держу себя с ним на равных, я обеспечил презираемому всеми бедолаге столь сытую жизнь, какая ему не снилась. Раз сказано, что так надо, значит надо, — без споров принял.

Уровень у спутника четвёртый. Или, говоря языком ПОРЯДКА — четвёртая ступень просветления. Мать позаботилась о том, чтобы в младенчестве и раннем детстве он развивал все три доступные простолюдинам атрибута. На первой ступени она выбрала одну их конфигурацию, на второй — другую. Похоже, старалась добиться приблизительно равномерного развития. Ну и не забывала подкармливать ребёнка доступными для простолюдинов специями. Каждый атрибут вобрал в себя от двадцати до тридцати единиц энергии, что для обычного человека — вполне достойный результат.

А вот с третьей ступенью беда. Бяка успел развить на ней все шесть атрибутов, однако ни один не вобрал в себя больше пятнадцати единиц наполнения. Учитывая, что именно сумма этих единиц делает тебя сильнее, ловчее и выносливее — очень печально. По факту у него набралось приличное количество атрибутов, но толк от такого количества только при открытии навыков высоких уровней, где вводятся жёсткие требования именно к этому параметру.

Четвёртую ступень Бяка только начал развивать и открыл на ней всего лишь одну единичку Выносливости. Сила и Ловкость

оставались в процессе роста. Так что, несмотря на мой полный ноль, в абсолютных показателях тройки основных атрибутов у меня уже проявилось заметное превосходство над упырём. Уступал лишь по количеству атрибутов, что для меня сейчас некритично. Лишний раз убедился в своей исключительной ненормальности.

По навыкам у Бяки совсем всё кисло. Он трижды прокачал Травничество с нуля до второго уровня, каждый раз выбирая разные ветки развития. Оно, конечно, понятно, что именно от этой профессии зависело, не придётся ли ему умирать с голоду в межсезонье. Но надо признать, что умения сбора рогоцвета и прочего в нашей ситуации вряд ли пригодятся.

Как и Рукопашный бой. Плотницкое дело — тоже можно отбросить. Рурмис хоть и мерзавец, но плот сделал на совесть, в ремонте он не нуждается. Мастер силков аж третьего уровня меня заинтересовал только по той причине, что я не ожидал встретить у Бяки охотничий навык, да ещё и столь прилично развитый. Но сейчас он так же бесполезен, как и все прочие.

За наши ночные мучения, когда мы вначале сумели увести плот от косы, где нас подстерегал лучник со своими подручными, а затем слепо шарахались из стороны в сторону, пытаясь пристать, ПОРЯДОК вознаградил меня семью личными знаками навыка Лодочник. То, что у нас не лодка, а плот, его ничуть не смутило.

Ну, да и ладно, мне без разницы. Из названия навыка и его лаконичного описания понятно, что, изучив его, я значительно лучше смогу управляться с малогабаритными плавательными средствами. В данной ситуации — ценнейшее приобретение. Одно плохо — стартовый навык один человек другому передать не может. Ты должен как-то открыть его самостоятельно, получив трофей от ПОРЯДКА, а не после торговой операции. Именно поэтому навык Железная кожа мне не изучить, потому что от матери достался. Такие знаки передавать можно, но они сработают только после того, как откроешь стартовый.

Но тут нам повезло, — Бяке тоже достался один трофей. И я тут же приказал его активировать, после чего передал упырю сто малых символов ци и четыре больших общих знака навыка.

— Держи. Этого тебе хватит, чтобы довести навык до максимума на первом уровне. И вот ещё столько же. Активируй знак навыка рыбалки и тоже самое с ним сделай.

Взгляд Бяки стал неописуемым:

— Гед! Откуда у тебя это?! Это же богатство! Откуда?!

— Откуда надо, — я загадочно подмигнул, выдав частичный ответ: — Умею быстро и много подарков от ПОРЯДКА добывать.

Сейчас отдохнём. Но только недолго. Здесь мы проведём весь день. И, наверное, завтра тоже с места не стронемся. Тут полно кайт, да и панцирников часто вижу. Будем кормить тебя икрой панцирников, поднимать навыки и атрибуты. Отсюда ты пойдёшь дальше с пятой ступенью. И я не думаю, что на атрибутах, которые станешь открывать с моей помощью, наберётся меньше тридцатки. Специи с панцирника не просто так столько стоят.

— Дорого, — жадным тоном заявил Бяка. — Лучше есть мозги кайт. И печень. Это не так дорого.

Я усмехнулся и провёл рукой из стороны в сторону:

— Ты здесь видишь казначея, или хотя торговца? Я вот тоже ни одного не вижу. И кому тогда сдавать улов? Правильно — некому. Всё, что мы вчера поймали, придётся выбросить, когда вонять начнёт. А новую рыбу мы станем ловить лишь для кача. Для еды совсем чуть-чуть хватит.

— За два дня много не накачать, — заметил Бяка.

— Со мной накачаешь, не сомневайся. Мы доведём себе навыки управления лодками до полного второго или даже третьего уровня. Может даже не одну ветвь прокачаем. Посмотрим, что там дальше предложат. И приподнимем тебе атрибуты. А уже потом попробуем пройти через перекат.

— Не успеем, — продолжал сомневаться упырь. — Очень много ци и знаков надо.

— Знаков нам хватит, и ци тоже, не сомневайся.

Глава 35. Слишком много воды

Ступени просветления: 0 (449/888)
Тень: 449
Атрибуты
Выносливость: 7 атрибутов, 350 единиц
Сила: 4 атрибута, 200 единица
Ловкость: 5 атрибутов, 250 единиц
Восприятие: 3 атрибута, 150 единиц
Дух: 2 атрибута, 100 единиц
Энергия
Энергия бойца: 150 единиц
Энергия магии: 100 единиц
Навыки
Лодочник-экстремал (3 ранг) — 10 уровень (10/10)
Знаток рыбалки (3 ранг) — 10 уровень (10/10)
Целительство ран (3 ранг) — 10 уровень (10/10)
Метательные ножи (3 ранг) — 10 уровень (10/10)
Свободные навыки
Мастер-спиннингист (3 ранг) — 10 уровень (10/10)
Состояния
Равновесие (15,21) — 15 уровень
Улучшение просветления (0,50) — 0 уровень
Тень ци (0,50) — 0 уровень
Мера порядка (3,00) — 3 уровень

Всё получилось именно так, как я сказал. Целый день мы ловили рыбу, спали и объедались безумно дорогой икрой из отборных панцирников, отдавая должное ещё и специям из кайт. Разнообразие в этом деле полезно.

Второй день занимались тем же самым. Разве что вместо повышения навыков я взялся за атрибуты. У Бяки, разумеется, повышал, ведь свои я развивать не мог. У меня их сейчас двадцать один. Шесть — за счёт изначального лимита, ещё пятнадцать появились благодаря развитому состоянию Равновесие. Учитывая, что дальше его задирать мне нечем, приходится мириться с тупиком.

Очень много ци отнимала вся эта возня, а добывалось оно не сказать, чтобы вёдрами. С утра до вечера спиннингом махал, дабы поднять Бяке всё, что можно, а себе развил навык управления лодкой до третьего уровня. Там специализация хорошая, очень удобно, если предстоит плаванье в экстремальных условиях. Как раз то, к чему мы готовимся.

После лодки поднял также до третьего уровня Холодное оружие, выбрав специализацию Метательные ножи. А Бяке прокачал Арбалет до такого же уровня. Даже бандиты в эти места соваться опасались, так что, надо быть готовым ко всякому. Как контактные бойцы, мы сильно рискуем заработать тяжёлые раны, или погибнуть. Оптимальная тактика — это держать противника на расстоянии. Вот потому и позаботился именно о дистанционных навыках.

Жаль, что больше не прокачать. И дело не в том, что ци на полный навык четвёртого уровня уйдёт четыреста единиц. Как-нибудь наскребу. С голоду мы тут не пухнем, никто нас отсюда не гонит. Можно сколько угодно оставаться, рыбалка ведь великолепная.

Но, увы, выше третьего уровня начинаются требования к ступеням ци. Как минимум, надо набрать единицу, чтобы открыть ветку дальше. Так что, это для меня — потолок.

Даже зародилась мысль всё же оторваться от нуля. Очень уж хочется обзавестись крутыми навыками. Но нет, я не готов отказываться от завышенных трофеев. Даже если моя жадность, в итоге, заведёт меня в могилу, жалеть не стану. Потому как горы выпадающих мне сокровищ — это уникальный шанс не остаться на дне здешнего общества.

Да это всем шансам шанс. С такими возможностями я чуть ли не вечную жизнь могу обрести. Не страдая от проблем со здоровьем и безденежьем.

Такими возможностями не рискуют.

Последний атрибут доделали Бяке вечером второго дня. Как раз за ночь его организм придёт в норму, а наутро можно приступать к спуску.

Как я и обещал, размеры и этого и прочих атрибутов не подкачали. Последний оказался рекордным — до тридцати семи единиц его подтянул. Таким результатом даже аристократы могут остаться довольны. Разумеется — не самые влиятельные.

Для простолюдина — прекрасно.

Специи помогли, плюс в правильные моменты использовал дорогие трофеи на прокачку именно атрибутов. Пытался повторить те же скачки показателей, которые меня на максимумы подбрасывали. Не так хорошо получалось, но Бяка был в восторге.

И, по-моему, даже начал меня побаиваться.

Очень уж дико этому жадине наблюдать, как немалые богатства испаряются на глазах. И то, что их переводили на него — вызывало эмоции схожие с ужасом.

Кстати — интересный факт. Считал Бяка отвратительно, несмотря на мои уроки. Но как только дело доходило до

распределения параметров, весь его математический кретинизм куда-то улетучивался.

Я почти уверен, что это у аборигенов происходит на уровне инстинктов. Иначе как бы тогда развивались неразумные существа с параметрами ПОРЯДКА? Им ведь тоже надо как-то делать выбор и не сбиваться со счёта.

Или там само по себе распределяется, без возможности управлять процессом? Был у меня в школе дружок. Математику знал отвратительно, но стоило коснуться денег, начинал считать, как профессор.

Может и здесь такой случай?

Непонятно.

* * *

Протянув руки над тлеющими углями костра, я пошевелил пальцами, разогревая ладони, и пожаловался Бяке:

— Лето на дворе, а так холодно.

— Зато дождя больше нет.

— Всю ночь моросил. Если бы не брезент, мы бы с тобой здорово вымокли. Ну как? Ты готов?

— А не страшно? — опасливо спросил Бяка.

— Победители не боятся. Но вообще-то да, страшновато. Если что, встречаемся на левом берегу. Не забыл?

— Если плот разобьётся на камнях, некому встречаться будет, — вздохнул Бяка. — Может ещё на денёк останемся? Рыбы много, коряг много. Будем добывать всякое вкусное и готовить его на костре.

— Соли уже нет.

— Ничего, и без соли вкусно. И можно золой солить. Я тебя научу.

— Нет, — я решительно покачал головой. — Победители не должны оттягивать то, чего не избежать. Да и этот дождь мне не понравился. Если в верховьях выпало больше, может подняться уровень. Сам ведь говорил. А ещё на этой косе не растёт черемша. Понимаешь, что это значит?

Бяка кивнул:

— Это значит, что она почти всегда под водой. Плохая коса.

— Да, — сказал я. — Это нам с тобой повезло попасть сюда по низкой воде. Но не надо этим увлекаться, ведь она может подняться.

Пока что бояться нам нечего. Уровень воды наоборот — чуть снизился. Но это не повод задерживаться, ведь всё может

измениться очень быстро.

Плот пришлось стаскивать с камней, применяя грубую физическую силу и рычаг из коряги. Оказавшись на воде, он быстро набрал скорость, при которой нам стало не по себе. А ведь это мы только в самом начале переката. Возможно, его даже перекатом ещё рано называть. Вода движется торопливо, но шум, с которым мы уже успели свыкнуться, слышится откуда-то спереди. Там каньон смыкается ещё теснее, зажимая реку меж развалами исполинских камней. Даже отсюда видно, как на десяток метров взмывают клочья пены.

И вот так же могут подлететь обломки нашего плота, если не повезёт…

Шест здесь до дна доставал, а если и нет, почти всегда можно упереться им в подвернувшийся сбоку камень. И я работал им до последнего, прежде чем понял, что это уже лишнее. Мы уверенно входили именно в тот коридор меж камнями, который я высмотрел заранее.

Вода на последних метрах, по-моему, даже потише торопиться начала. Будто даже она испугалась того, что поджидало чуть ниже. Притормозила, вздымаясь горбом перед грохочущей тесниной. А может даже остановилась на мгновение, готовясь к самому главному.

А затем она сбросила нас вниз.

В ревущий пенный ад.

Я заорал во всю мощь лёгких. Рот Бяки тоже распахнулся. Но ни я его не слышал, ни он меня.

Здесь наши голоса вообще ничего не значат. Хоть ори, хоть молчи — без разницы. Здесь остался только один звук.

Звук воды. Воды ревущей. Воды смертоносной. Воды, для которой ничего не стоит разнести плот в щепки.

Вместе с нами.

* * *

Не думаю, что это затянулось надолго. Наверное, весь проход переката не отнял у нас и трёх минут. Но это были именно те минуты, в сравнении с которыми час — мгновение.

Я даже не сразу понял, что всё закончилось.

Точнее — пока что закончилось.

Плот скользил быстро, но это уже всего лишь сильное речное течение, а не почти что струя водопада, которая несла нас на очередной убийственный камень. Вода не просматривается, сплошной слой пены не позволяет её разглядеть. Эта серовато-

белая гадость колыхалась так, будто под её прикрытием к нам подбираются орды гигантских крокодилов. Но это всего лишь отголоски того кошмара, который остался у нас за спиной.

У нас?!

Обернувшись, я улыбнулся той улыбкой, после которой на шее затягивают петлю, и на этом всё заканчивается. Ну да, режим веселья включаться отказался, потому мимика у меня, как у залежалого покойника. Но всё же рад увидеть Бяку на месте. Стоит на корме с шестом наперевес. Глаза у товарища размерами с рекордную тыкву, если не больше. Да и у меня, наверняка, такие же.

Осознав, что я тоже жив, Бяка с ужасом покосился на место, где несколько минут назад находился багажник с пустыми корзинами. Теперь от него не следа ни осталось. Затем упырь, спохватившись, пошарил шестом в воде. И вот уже вытаскивает на палубу мокрый брезент.

При этом, перекрикивая воду, пояснил почти не безумным голосом:

— Хорошо, что не потеряли. Вдруг опять дождь.

Мы и без дождя были мокрыми до нитки, но говорить об этом не стоит. Одежду высушим, брезент тоже, на случай непогоды он и правда пригодится. Всё быстро в порядок приведём, кроме багажника.

А может со временем из памяти выветрится и то, как нас швыряло, будто спичку, угодившую под слив унитаза. Как Бяка что-то орал мне в лицо, а я ни звука не слышал. Как крепкие шесты сгибались в форму подковы, когда мы пытались разминуться со смертью.

Заставь меня повторить это ещё раз…

Нет, такое я ни за что не повторю.

Ни за какие блага мира!

Хрен вам, а не перекат.

Останусь на той косе.

Всю жизнь там проведу, встречу старость и помру.

Что? Наводнения? Нет, наводнения — не страшно. Буду их пережидать, забираясь на самый большой валун. Уж его-то вряд ли затопит, ведь он возвышается метра на четыре.

Чуть не зарыдал, представив картину столь великого счастья. Поменять её на полёт по водосточной трубе в разгар тропического ливня?

Да ни за что на свете!

Мозг понемногу начал разгоняться и я, наконец, с ужасом осознал, что наши мучения всё ещё не закончились. Русло по-прежнему стиснуто скалами, и где-то ниже, в том направлении,

куда течение тащит пену, продолжает реветь вода.

И даже более того, до меня дошло, что именно там располагается основной источник шума. То есть то, что мы испытали до сих пор — всего лишь разминка.

Плот вынесло из-за камня и у меня слегка отлегло от сердца. Я увидел, как с вертикальной кручи правого берега низвергается водопад. Именно грохот от этого притока меня и напугал.

Течение поначалу понесло плот прямиком к водопаду. А у нас даже весла не осталось, чтобы этому помешать. Модифицированный подхват смыло при прохождении переката.

Но на полпути река сжалилась и потащила нас в противоположную сторону. А затем мы и вовсе не поняли, где очутились. Просто в одну минуту реку окутало плотным туманом. Он всего лишь на несколько шагов просматривается и причудливо искажает звуки. Ну, или нас так крутило, что водопад то и дело оказывался с разных сторон.

— Бяка, ты ничего про такое не говорил, — пожаловался я.

— Про что я не говорил?

— Про водопад.

— Я забыл. Это даже водопадом не называют. Это окончание порогов.

— То есть, пороги всё?

— Да. Раз увидели падающую воду, это всё, это значит, что главный порог мы прошли.

— Прекрасно. А то в этом тумане нас до самой Красноводки донесёт, и не заметим.

Бяка покачал головой:

— Это не туман. Это плохо. Это нас в болотные протоки занесло.

— Не понял. Что за протоки?

— Да я и сам не знаю. Я тут не был никогда. Слышал только. От водопада есть путь вниз, по реке. До другого большого водопада. Это уже водопад на Черноводке. Там перетаскивать лодки надо, пройти по воде нельзя. А у первого водопада надо идти справа. Потому что если занесёт влево, там протоки. Как лабиринт получается. Я не знаю, тяжело из него выбраться, или нет.

Лабиринт проток меня не напугал.

— Нам главное берег найти. Он нормальный в этих протоках?

— Кто?

— Да берег же.

— Так вот же он, — указал Бяка влево.

Там в белёсом мареве проступили очертания чего-то непонятного.

Это оказался огромный камень с плоской вершиной, полностью затянутый роскошным мхом. При попытке высадиться к его подножию, ноги чуть ли не по колено ушли в липкую грязь. Хорошо, что мы были босыми, да и штанины закатали.

Затолкав плот на мелководье, собрали нехитрые пожитки и попытались выбраться на нормальную сушу. Это скопище луж над грязью нас не устраивало.

Увы, но куда бы мы ни пытались идти, везде встречали лишь те же лужи, да грязь. Единственные островки суши — мшистые кочки. Но они не держали наш вес, тут же проваливались, и ноги снова погружались в липкую жижу.

Ориентиров не было вообще. Туман слегка поредел, но всё равно дальше двадцати шагов в нём ничего не просматривалось. Попытки двигаться, удерживая водопад за спиной, ни к чему не приводили. Звуки в этом мареве разносились ненормально, шум ниспадающей воды будто крутился вокруг нас. В общем, с акустическим маяком затея не задалась.

Кончилось тем, что мы снова вышли к плоту. Сначала увидели знакомый камень — единственный твёрдый объект в царстве грязи, воды и мха. Обрадовались, было, не узнав старого знакомца с другого ракурса, но тут же опечалились.

Да уж, неприятно осознавать, что битый час таскались по болоту, бестолково наворачивая круги. Кучу времени и сил потеряли.

Бяка, присев на край плота, уставился вверх и горестно заявил:

— Неверное солнце мы не увидим. Это плохой туман. Он ненормальный. Он воняет, почти как шлак в кузнице.

— Да, серой слегка попахивает, — согласился я. — Что-нибудь слышал про это болото?

Упырь покачал головой:

— Тут и по левому берегу Чащоба, и по правому тоже Чащоба. Тут везде так. До большого водопада она тянется. Да и за ним тоже опасно. Если мы не умрём в этом болоте, нас съедят по дороге.

— Кто съест? — заинтересовался я.

— Не знаю. Это же Чащоба. Здесь всегда есть те, кто могут тебя съесть.

— Пусть только попробуют. Мы же победители.

— Гед, мы не можем найти выход из болота. Мы не победители, мы заблудившиеся.

— Заблудившиеся? Это мы ещё посмотрим.

— На что посмотрим?

— Давай поспорим, что я выведу нас отсюда прямо сейчас?

— Как?
— Да есть у меня один способ. Только я в нём неуверен…

Глава 36. Дыхание Хаоса

Ступени просветления: 0 (347/888)
Тень: 347
Атрибуты
Выносливость: 7 атрибутов, 350 единиц
Сила: 4 атрибута, 200 единица
Ловкость: 5 атрибутов, 250 единиц
Восприятие: 3 атрибута, 150 единиц
Дух: 2 атрибута, 100 единиц
Энергия
Энергия бойца: 150 единиц
Энергия магии: 100 единиц
Навыки
Лодочник-экстремал (3 ранг) — 10 уровень (10/10)
Знаток рыбалки (3 ранг) — 10 уровень (10/10)
Целительство ран (3 ранг) — 10 уровень (10/10)
Метательные ножи (3 ранг) — 10 уровень (10/10)
Ученик-навигатор (3 ранг) — 10 уровень (10/10)
Свободные навыки
Мастер-спиннингист (3 ранг) — 10 уровень (10/10)
Состояния
Равновесие (15,21) — 15 уровень
Улучшение просветления (0,50) — 0 уровень
Тень ци (0,50) — 0 уровень
Мера порядка (3,00) — 3 уровень

Зря я не верил в свой способ. Он работал даже лучше, чем надо.

Смутно помнится, как бесконечно давно, в другой жизни, слышал про то, как в диких условиях можно изготовить компас. Для этого достаточно стальной стрелки от часов, или скрепки, или гвоздя. Аккуратно кладёшь на лист, плавающий на воде, и смотришь, как он крутится, пока металлический предмет не вытянется вдоль силовых линий магнитного поля Земли. Один конец должен уставиться на север, второй — на юг.

Я тогда был ребёнком и помню, что задался простым вопросом: а как, собственно, отличить север от юга, если у тебя нет другой информации? И даже помню замешательство взрослых, которые не смогли сходу ответить.

Нет, я не стал сейчас тратить время на изготовление водного компаса. Откровенно говоря, я даже не уверен, что у этой планеты есть магнитное поле.

Да я даже не могу сказать точно, что это именно планета в

привычном для меня понимании. Даже мать, считавшаяся весьма образованной женщиной, никогда не упоминала про шаровидность мира. Здесь его форма считалась неправильной и гигантской, а сам он не в пространстве висит, сам по себе, а закреплён на оси, поддерживаемой высшими силами в великой пустоте. Вот и всё, что помнится из её уроков.

С компасом проверю в другой раз. Глядишь, совершу великое навигационное открытие, за которое вознаградит ПОРЯДОК.

Сейчас обратился к его помощи напрямую. Активировал все знаки навыка Начальное ориентирование, поднял его свободными трофеями до второго уровня, а там и до третьего. Ради ци пришлось разрушить часть знаков атрибутов, что с учётом их завышенной цены выглядело тем ещё разорением. Но это того стоило.

Третий уровень специализации — Ученик-навигатор. Теперь я мог без компаса определять направления на стороны света, и перед моим мысленным взором представала очень грубая схема тех мест, которые я посетил после активации навыка. На ней можно устанавливаться свои отметки — до десяти штук. При желании мог всегда узнать, в какой они стороне. Полезная функция, жаль, что их больше не поставишь — уровень умения не позволял.

Теперь это болото не сможешь сбить нас с правильного пути. Хотя, надо признать, или навык работал скверно, или испарения туманные влияли, но временами я испытывал странные ощущения, при которых работа навыка сбивалась.

Сказал об этом Бяке, на что получил ответ:

— Это Чащоба. Тут когда-то прошёл сам Хаос. Может это не туман, может это его дыхание осталось. Дыхание Хаоса может плохо влиять на ПОРЯДОК. А твой навык поиска дороги, это от ПОРЯДКА. Ой! Гляди! Суша! Нормальная суша!

— И вот это ты называешь нормальной сушей? — напрягся я.

— Ну, там хотя бы нет воды, — с сомнением ответил упырь, осознав, что обрадовался преждевременно.

В принципе, с ним трудно не согласиться: перед нами действительно простиралась суша. Может почва и влажноватая, но лужи в ней не стоят. Да и ступни, наконец, обрели опору, от которой отвыкли. Даже непривычно как-то, что земля не пытается затянуть ногу по колено.

Смущало то, что земля эта была неестественного красноватого оттенка. Больше всего это походило на то, что кто-то щедро рассыпал здесь тонны порошкового красителя. Растительности нет вообще, даже мох не желал селиться на таком непотребстве.

Зато поселилось кое-что другое.

Совершенно непонятное.

Не знаю, как можно назвать то, чему нет названия. Это походило на полые колонны с гибкими стенками из тонкого полупрозрачного пластика. А внутри в мутной жидкости ветвятся сложнейшие структуры, меж которыми плавно перемещаются призрачные сгустки. Эти столбы, диаметром от пары десятков сантиметров до полутора метров, уходили вверх вертикально или под небольшими наклонами. Посмотреть, чем они там заканчиваются, не получалось из-за тумана. То есть, они тянулись за пару десятков метров.

— Это не деревья, — сказал я, тревожно оглядываясь по сторонам.

Инстинкты кричали, что в столь странном лесу, если и водится что-то живое, оно непременно плотоядное и очень опасное.

— Это, наверное, цистосы, — неуверенно сказал Бяка.

— Что за цистосы?

— Я только слышал о них. Вон те сгустки, внутри. Если их тронуть, они обжигают кожу. А жидкость внутри делает землю красной. Как здесь.

— На чём эти столбы держатся?

— Не знаю, — ответил упырь. — Что-то их держит там, в тумане.

— Ходить по этим зарослям можно?

— Можно. Но опасно. Где цистосы, там всегда чики.

— Ещё одно непонятное слово. Что за чики?

— Чики — порождения Хаоса и ПОРЯДКА. Но Хаоса в них больше. Они мелкие и зловредные. Нас они легко убьют. Лучше нам туда не идти.

— Как скажешь, — легко согласился я.

Ну да, никому не захочется бродить по лесу, где вместо деревьев болтаются исполинские кишки, заполненные чем-то омерзительным.

* * *

Попытки обойти уродливый лес к успеху не привели. Слева мы уткнулись в такую трясину, из которой едва выбрались, перепачкавшись с ног до головы. Справа поначалу продвинулись неплохо, но путь преградила непреодолимая скала. В южном направлении она сваливалась в реку, сливаясь с обрывистым берегом, а с северной мы вышли к той же поросли цистосов.

Итак: безопасного прохода нет. Или мы попробуем пройти через красную землю, или придётся возвращаться на Черноводку, с весьма туманными перспективами отыскать более благоприятное место для высадки. Попытки узнать у Бяки, есть ли внизу такие берега, к успеху не привели. Но он постоянно повторял, что о реке ниже переката никто ничего хорошего не говорил, зато очень много матерились.

В общем, выбор невелик. Нам, конечно, очень не хотелось бродить по красной земле, но это — оптимальный вариант. Плюс Бяка вспомнил, что цистосы растут только в гиблых туманных низинах. Стоит выбраться повыше, и там их не будет.

В свете этой информации я даже попытался изучить скалу на предмет подняться по ней из болота, не забираясь на нехорошую территорию. Однако, гладкая гранитная стена, протягивающаяся минимум на двадцать метров, это для нас чересчур. Разве что лестницу построить. Но из чего? Здесь нет нормальных деревьев, а гнилые коряги в реке — не самый лучший материал. Да и чем скреплять столь высокое сооружение? Это всё равно, что лезть на крышу девятиэтажного дома при помощи кривых палок, без гвоздей и верёвок.

Не вариант.

Пришлось двигаться напрямик, строго на север. Я надеялся, что это кратчайший путь наверх, из плоской поймы, захваченной болотом и краснотой. Она не может тянуться долго, а мы перед этим рывком немного отдохнули, пожевали остатки рыбы и потому полны сил.

Продвигались в быстром темпе. Благо почва позволяла. Ни разу не топкая, наоборот — будто утрамбованная и тщательно высушенная. Почти как асфальт, шагать по такой поверхности — сплошное удовольствие.

Да мы за полчаса три километра так проскачем и не заметим. Ни кусты не мешают, ни буреломы, ни хотя бы единичные упавшие деревья. А склизкие колонны растут не настолько часто, чтобы создавать помехи нашему бодрому рывку.

И, вроде как, идти стало чуть тяжелее. Дорога явно поднимается. Очень скоро мы окажемся выше уровня тумана.

И скажем ему — прощай.

* * *

Бяка остановился резко, будто на стену налетев.

И тут же напряжённо спросил:

— Ты слышишь?

Звуки здесь чудят по всякому, но я не колебался с ответом ни секунды:

— Да. Похоже на жужжание. Слева сильнее, справа слабее. А вот впереди непонятно. Это что, чики?

— Не знаю. Я же их никогда не видел.

— Но ты ведь слышал про них.

— Мало слышал. Охотники много глупого рассказывают. О Хаос! Гед! Да они сюда идут!

— Прячемся, — скомандовал я, приседая за ближайшим цистосом.

Сгустки, снующие внутри колонны, при этом сгруппировались передо мной на одной стороне. Будто наблюдали, вынашивая нехорошие замыслы. Но я старался об этом не думать.

Здесь и без них нехорошего хватает.

Отсутствие видимости удручает. На улице уже, должно быть, полдень, но здесь в лучшем случае метров на двадцать пять удаётся всматриваться. Да и то лишь в тех случаях, когда туман слегка редеет на локальных участках, чтобы почти сразу сгуститься до прежнего непроглядного состояния.

Поэтому чика я заметил в последний момент. Он чуть ли в меня не врезался.

И вот тогда я понял, что Бяка вообще о них ничего не знает.

Начать с того, что чики не ходили, а летали. А ведь он упоминал именно наземный способ передвижения.

Представьте себе чёрный мяч, размером с футбольный, небрежно сделанный из низкокачественного войлока. Спереди кто-то приклеил с дюжину мелких глаз, позаимствованных у кукол разных размеров, под ними к земле свисают две коленчатые пики, похожие на заточенные паучьи лапы, а сзади вбок искривляется ядовито-оранжевый хвост гигантского скорпиона. Вся эта образина удерживалась в воздухе благодаря паре стремительно мельтешащих крыльев взятых у какого-то насекомого вроде шмеля.

Вот только шмели до таких габаритов не дорастают.

Тварь выскочила из тумана, пронесясь между мной и Бякой на скорости неспешно едущего велосипедиста. Но затем резко остановилась, разворачиваясь.

Явно заметила, просто не сразу смогла затормозить.

Я даже не раздумывал. Рука сама прошлась по перевязи, выхватила из верхнего гнезда первый нож, метнула. Как ни быстр был мой замах, чик ждать его окончания не стал. Сорвался с места, направляясь прямиком на меня. Но так даже лучше — скорость цели приплюсовывается к скорости орудия охотника, и

при этом не нужно делать поправки на боковое смещение.

Нож попал, как надо: остриём вперёд, в центр скопища кукольных глазок, да ещё и вошёл по рукоять.

А чик зашипел, как пробитая шина, попытался завалиться в штопор, но не сделал даже один оборот, высоты не хватило. И прокатившись по красной почве, застыл, медленно скукоживаясь. Будто это и вправду футбольный мяч, обклеенный всяческим непотребством.

Вы наносите значительный урон чику. Вы наносите фатальный урон чику. Чик мертв. Вы победили чика. Частично хаотическое создание (третья ступень мощи Хаоса).

Получен малый знак Хаоса — 7 штук

Получена малая мощь атрибутов — 1 штука

Получено малое средоточие энергии бойца — 1 штука

Захвачен личный знак навыка хаоса — «знаток чудовищ» — 1 штука

Захвачен малый универсальный знак навыка хаоса — 1 штука

Захвачено малое состояние Улучшение просветления — 1 штука

Захвачена малая первородная суть — 1 штука

Захвачено малое общее универсальное состояние — 1 штука

Чик — частично хаотическое создание.

Получено символов доблести — 1 штука

Описание победы выглядело странно. Я впервые видел такие трофеи. Даже более того, о существовании некоторых даже не подозревал. Но ситуация не располагала к созерцательности, — к нам приближался очередной источник жужжания.

— Бяка! Арбалет! — громким шёпотом предупредил я упыря.

Тот, похоже, здорово запаниковал. Идея сражения с чиками его явно не вдохновляла. Должно быть, много глупых охотничьих баек наслушался, вот и перепугался, чуть ли не до потери сознания. Зачем-то присел и руки к земле протянул. Будто что-то там собирал. Но после моих слов начал шевелиться, торопливо готовя арбалет к бою. Оружие неказистое, примитивное, непригодное против серьёзных противников. Но для жужжащих шаров сойдёт, ведь они сдуваются после единственного попадания метательного ножа.

Второй чик вылетел из тумана. Шар был явно возбуждён, двигался рывками, постоянно крутясь. Потому первым броском я промахнулся. Но при этом выдал своё местоположение, и тварь направилась прямиком ко мне.

Чтобы сдуться после второго броска.

И тут же появилась третья.

Бяка выстрелил, как последний идиот. То есть, не целясь,

практически навскидку. И, конечно же, промазал. А вот я не суетился, действовал с таким хладнокровием, что сам себе удивлялся. Не каждый день сражаешься с летающими мячами, с которыми явно не всё просто, раз они столь уверенно бросаются на добычу, превышающую их по габаритам на порядок. Надо бы испугаться. Но моя рука оставалась твердой, и очередной бросок достиг цели, несмотря на то, что проводить его пришлось из неудобного положения.

— Перезаряжайся! — шикнул я, выхватывая очередной нож.

В тумане проявился тёмный сгусток. Миг, и вот он разросся, загудел, наводясь на цель.

И покатился по земле, — нож слегка вспорол бок и улетел куда-то дальше. Чик потерял способность летать, но скукоживаться не стал. Ловко приподнялся на своих гротескных лапках, и помчался на них, будто пародия на балерину, которая сильно переборщила с диетами и прочими экспериментами над внешностью.

Глядя, как напрягается хвост, на конце которого поблёскивает острейшее жало, я понимал, что на новый бросок ножа не остаётся времени. И потому встретил тварь ударом копья, которое всё это время сжимал наготове в левой руке.

Готов.

В голове будто компьютер заработал, учитывая всё и вся. Одновременно прислушиваясь к нарастающему гудению и присматриваясь к возне Бяки с арбалетом, я понял, что не надо ждать новой атаки. У меня остался всего один метательный нож, а это, по промежуточным итогам схватки — самое эффективное оружие.

Поэтому вскочил, метнувшись к ближайшему чику. Вырвал из сморщенной тушки первый нож, бросился за вторым.

Из тумана вылетели сразу два. И действовали они продуманно, не став кидаться на одну цель. Своего я встретил рубящим ударом копья, которое отшвырнуло гадину, как теннисная ракетка отбивает мяч. А вот второго достать не успел, но это и не понадобилось, — Бяка встретил его уверенным ударом топорика.

Только было я обрадовался успеху товарища и тому, что тот пришёл в себя, как из тумана позади упыря вынесся новый чик.

Бяка успел среагировать, но не очень удачно. Разворачиваясь, он, практически не глядя, ударил топориком, но задел тварь лишь вскользь, отсёк одну лапу. А та, пролетая мимо, ловко извернулась, врезала хвостом и почему-то стремительно помчалась прочь.

Тонко вскрикнув, упырь завалился, а чик, не успев отлететь

от него и на пару метров, нашёл смерть от моего копья.

Пригнувшись, я торопливо выхватил третий нож, на ходу сунул его в перевязь, присел над Бякой, тревожно оглядываясь. Гудение слышалось лишь вдали, но ситуация может быстро измениться, и надо быть готовым встречать новых жужжащих тварей.

Упырь был жив, но лицо его было белее, чем когда-либо. Лёжа на земле, он пытался зажать кровоточащую рану на левом плече.

— Дай мне, — скомандовал я, прикладывая ладонь.

— Убей чика! — чуть не взвыл Бяка. — Убей чика! Того, который меня ужалил! Убей, или мы умрём!

— Да тише ты. Разве не видел? Я его сразу снёс.

Кровь под действием навыка мгновенно унялась, а Бяка простонал и пугающим голосом спросил:

— А яд ты можешь убрать?

— Яд?! — напрягся я, лихорадочно прикидывая возможности навыка.

По всему выходило, что — нет.

Всё поняв по моему лицу, упырь прошептал:

— Надо бежать. Я бежать не смогу. Беги сам.

— Почему не сможешь?

— У меня ноги отнялись. Это ведь яд чика.

— От него только ноги отнимаются? — уточнил я.

— Говорят, да. Добыча должна жить, но не должна ходить.

— Да хрен им, а не добычу, — осклабился я. — Мы победители. Вот же чёрт! В смысле Хаос! Бяка, тебе надо поменьше есть!

Нести товарища было трудно. И дело не только в тяжести, мне ведь приходилось держаться наготове на случай появления новых чиков. Но, похоже, мы выкосили весь рой, вылетевший на нас. Гудение остальных раздавалось вдалеке и быстро сошло на нет.

Я не сразу осознал, что мы оторвались. Рвал жилы, пока под ногами не захлюпали лужи. Только здесь сбавил шаг. Да и как иначе, ведь по грязи быстро не побегаешь.

Несколько минут, и в тумане проявились очертания всё того же плоского камня. Я не знал, как он оказался посреди болота, и почему не ушёл в трясину полностью. Но я надеялся что здесь, в сырятине, жужжащие мячи не показываются.

А, значит, можно передохнуть.

Глава 37. Навыки Хаоса и ПОРЯДКА

Без изменений

Бяка действительно не собирался умирать, хотя чик врезал его именно ядовитой колючкой, а не острой лапой. Я ведь это видел сам и примерно представлял, какая доза отравы может помещаться в столь немаленьком орудии.

Но упырь, окончательно осознав, что беда миновала, чуть ли не веселиться начал. Да, выглядел не огурчиком, но и на человека, стоявшего одной ногой в могиле не тянул.

— Гед, от яда чика не умирают. Вроде бы. Но можно пролежать целый день. А может и два дня.

— Всего лишь? Пролежишь, ничего страшного.

— Тут может быть опасно. Тут везде опасно.

— Я не видел чужих следов на болоте. Только наши. И сколько мы здесь ни ходили, жужжание не слышали. Похоже, этот берег отрезан чиками от Чащобы. Они не пускают сюда никого, но и сами здесь не летают.

— Может за водопадом не слышно. Он тут рядом.

— Бяка, да ты ведь сам говорил, что чики летают там, где растут цистосы. Здесь их нет, расслабься. Сейчас я набросаю мха на камень и расстелю брезент. Устроим лагерь прямо на нём. Костры палить не будем, считаю, что это опасно здесь. Так что, поедим сырой рыбы. Наловлю её с плота.

— А может лучше на плоту пересидеть? — предложил Бяка. — От берега отплыть и переждать.

— У нас якоря нет.

— Хаос! Как я мог забыть.

— Да ничего, бывает. Можно в коряжник его завести попробовать, но не вижу смысла. Ты уверен, что яд не смертельный?

— Говорят, все, кого кусают чики, выживают. Но только если вытащить человека подальше от них. Если оставить, от него ничего не остаётся. Бывает, даже опытные охотники погибают так.

— Зачем они лезут в такие места?

Бяка, нервно улыбаясь, поднял трясущуюся, плохо слушавшуюся руку. Разжал кулак, вытянул ладонь, на которой лежали два невзрачных гриба. Тонкая серая ножка чуть ли не штопором извивается, шляпка конусовидная, красноватая с чёрными крапинками. На мой взгляд — однозначно поганка страшной ядовитости. Я бы за такой гадостью даже нагибаться не стал. А упырь, похоже, именно их собирал в тот момент, когда к

нам направлялся рой чиков.

Жадности в Бяке больше, чем боязливости.

— Это что? Тебя яд чиков не убил, так ты грибами решил дело до конца довести?

— Это хьюпы. Охотники приходят к цистосам за ними.

— Что-то ценное? — спросил я, вспомнив особенности мира, в котором мне приходится жить.

— Дороже икры панцирника, — безумно осклабился Бяка. — Моё! Оно моё! Моё! — покосившись на меня, виновато потупился и добавил: — Наше. Там ещё были. Я видел. Там поляна грибная. Надо собрать. Это богатство.

— Дай, посмотрю, — попросил я.

Покрутил гриб в руке, убедился, что, несмотря на невзрачный вид, пахнет он приятно.

Уточнил:

— Сырым есть можно?

— Можно. И сухим. Варить и жарить тоже можно. Это же специя. Это богатство.

— Тем проще, — сказал я, отправляя хьюп в рот целиком.

Да там особо нечего отправлять. Мелочь ведь.

Глаза Бяки стали круглыми. Голосом, полным потустороннего ужаса, он протянул:

— Ты съел хьюп! Съел!

Насторожившись, я начал морально готовиться к экстренной процедуре очистки желудка, но перед этим решил уточнить:

— Что, целиком нельзя? Это яд?

— Какой яд?! Ты знаешь, сколько он стоит?! Можно не голодать всю зиму. Нет, даже две зимы. А ты съел. Это было мо… Это было наше!

— Съешь второй, — успокоился я. — Раз они такие дорогие, значит, полезные. Может, твои быстрее ноги заработают.

— Съесть хьюп?!

— Ну да. Приятного аппетита. Ну? Чего вытаращился? Я не отравился, и ты не отравишься. Бяка, мы здесь прочно застряли. Не знаю насколько. И река тащила нас всю ночь, а это значит, что до фактории возвращаться придётся долго. А мы даже идти не начали, а уже в приключение вляпались. У нас всего один небольшой рюкзак, и мы не станем забивать его этими грибами. Это лишний груз.

— Лишний?! — возмутился Бяка. — Это всего лишь два хьюпа. Если их высушить, они почти ничего не будут весить. И место не займут. Они совсем маленькими станут.

— Где ты их сушить собрался? В этом тумане они сгниют.

— Не. Это же хьюпы. Посмотри, он уже сморщенный. Они

везде быстро сохнут.

Глядя, как Бяка чуть ли не целоваться с последним грибом собирается, я махнул рукой. Есть вещи куда поважнее, чем доказывать жертве синдрома острой жадности, что лишний груз нам ни к чему. Рюкзак, котелок, пара ложек, два топорика, копьё, арбалет, два охотничьих ножа и метательные, коих осталось лишь три. Место, где раскиданы остальные, я могу легко отыскать благодаря новому навыку. Но вот стоит ли туда возвращаться? Не уверен, что с этим надо торопиться.

От упыря толку нет, так что лагерь пришлось обустраивать самостоятельно. Мох на камне был столь сырой, что даже через брезент может застудить бока. Потому я вновь вывел плот на реку, и держась подальше от водопада, поплавал среди развалов коряг, пока не нашёл свежую сосенку. Должно быть, свалилась с подмытого берега, после чего её здорово истрепало течением и перекатом. Но лапника на верхушке сохранилось достаточно, в том числе подсохшего. Вот его и наломал охапку на подстилку.

С лагерем закончил быстро, после чего устроил короткий отдых, во время которого погрузился в себя, изучая то, что мне досталось за убийство нескольких чиков.

Из всех трофеев понятны только два — малое общее универсальное состояние. И они мне очень понравились, потому что дают одну сотую к любому состоянию. Таких набери сотню — и плюс уровень. Если, допустим, это будет Равновесие, сумею приподнять ещё один атрибут.

Улучшение просветления — тоже без вопросов. Оно не настолько универсально, даёт прогресс только к одному состоянию. Увеличивает вместилище ци, что для меня некритично. Но вот-вот могу столкнуться с проблемой остановки роста.

Дело в том, что на количество ци в резервуаре завязаны все прочие параметры. Существует некий лимит, выше которого уже ничего не откроешь. Или увеличивай вместилище, или останешься без прогресса.

Когда именно столкнусь с этим пределом — непонятно. Зато абсолютно точно знаю, что этот момент можно оттягивать, развивая Улучшение просветления.

А вот по остальному много неясностей.

Дело в том, что в Роке сосуществуют несколько своего рода форм жизни. Как правило, все они не вполне чистые, отсюда и богатство заимствованных друг у дружки параметров. Плюс встречаются причудливые гибридные создания, которые непонятно к чему относятся.

Аборигены и львиная часть существ, их окружающих,

относятся к порождениям ПОРЯДКА. Их традиционные антагонисты — существа и сущности Хаоса заполонили места вроде Мёртвого архипелага и Крайнего севера. Плюс за тысячелетия взаимодействия этих двух миров появилось множество промежуточных форм.

С трофеями из существ ПОРЯДКА у меня вопросов нет. Через мои руки их уж столько прошло, что и полный кретин мог сто раз успеть разобраться, а я к таким себя не причислял. Плюс, домашнее обучение с первых лет новой жизни разжевало такие вопросы по несколько раз.

Про то, что хаоситы и гибридные формы в этом плане резко отличаются, я тоже знал благодаря тому же обучению. Но без деталей, на уровне отдельных упоминаний. И на практике с такими предметами до сих пор не стакивался. То есть, не видел, не держал в руках, и мать не пыталась их на меня использовать.

Она быть может и хотела поэкспериментировать, да только где на это средства взять? Отродья хаоса если в наши края и забредали, то нечасто, шанс выпадения трофеев из них невелик, стоят они немыслимо дорого.

Сегодня мне повезло выжить в схватке против них. И мой ноль сработал с ними так же, как с ПОРЯДКОМ. Чем сильнее тебя превосходит побеждённый противник, тем выше шанс получить хорошую награду. А так как даже самое слабое существо превосходит меня на бесконечность, я всегда зарабатываю максимум.

Всё та же математика, где делить на ноль — чревато.

В общем, я смотрел на добычу и не мог с первого взгляда сказать, что безошибочно понимаю предназначение всех предметов.

Знаки Хаоса, вроде бы, вопросов не вызывают. Это аналоги знаков ци, только их антагонисты. То есть, несут в себе энергию Хаоса, а не ПОРЯДКА. И используются для развития атрибутов Хаоса и прокачки завязанных на него навыков. Может ещё для чего-нибудь применяются, ведь все детали я знать не могу.

Малая мощь атрибутов — уже сложнее. Смутно припоминается, что существует способ увеличивать энергию отдельно взятого атрибута вдвое, за счёт добычи особых трофеев из порождений Хаоса. Но уверенности в том, что это именно оно самое, у меня нет.

Дабы окончательно убедиться, пришлось прибегнуть к методу «научного тыка». Всего у меня скопилось пять единиц малой мощи, по одной с каждого убитого чика. Из основной тройки атрибутов Сила у меня на последнем месте, и потому решил попробовать увеличить именно её.

Получилось с лёгкостью. Теперь последний открытый атрибут Силы вмещал в себя не пятьдесят её единиц, а пятьдесят пять, что в сумме вместо двухсот давало двести пять. То есть, в теории, я сейчас стал сильнее на два с половиной процента. На практике зависимость, конечно, не столь однозначно высчитывается, но то, что она есть — несомненно.

С пятью единицами энергии бойца поступил аналогично, и они, что неудивительно, но как-то маловато, дали прибавку в ноль целых пять сотых единиц. Бонус выглядел не сказать, чтобы приличным, да ещё и бесполезным, потому что ни одного навыка, использующего эту энергию, у меня не было.

Знак навыка «знаток чудовищ» в целом понятен. Он открывает навык первого ранга с таким названием. Причём открыть я его не смогу, потому как там потребуется прорва малых знаков Хаоса. Это как ци для обычных навыков. У меня их всего лишь семь, а для активации первого уровня требуется десять.

Про навыки Хаоса я слышал, что они редкие и, как правило, очень ценные. Насчёт последнего, не уверен, а вот их редкость подтверждается тем, что из пяти убитых чиков мне выпал всего лишь один знак. А ведь из тех же кайт они сыпались жменями, буквально каждая рыбина давала минимум единичку. Ну а тут так жёстко обделили, что с головой выдаёт необычность таких трофеев.

По моим грубым и по большей части высосанным из пальца прикидкам, я получаю трофеев в тысячу раз больше, чем обычный абориген. То есть, ловкому охотнику надо изничтожить около пяти тысяч чиков ради одного такого знака.

Часто ли в фактории охотятся на чиков? Судя по тому, что любознательный Бяка даже не знал, что они не бегают, а летают — это редкое явление. Не исключено, что из ныне живущих во всём регионе нет ни одного аборигена с таким навыком. А может даже во всём мире. Это вовсе не означает, что навык безумно полезный, но мне, конечно, хотелось бы опробовать его в деле.

Однако это если и случится, то не в ближайшем будущем. Его нечем открывать, нечем прокачивать. Придётся полежать добру в мешочке.

А вот что такое малая первородная суть — без понятия. Как и символ доблести. Знаю точно, что из созданий Хаоса выпадают трофеи, необходимые для работы с артефактами. Также можно получить предметы, при помощи которых улучшаются некоторые изделия и материалы. Например, выплавляется сталь, из которой куются клинки запредельной остроты и фантастической прочности.

Но я не знаю, имеет ли отношение моя добыча к артефактам

и улучшениям материалов. Увы, слишком много пробелов в этой части моего образования. Потому придётся трофеи приберечь в надежде, что это не мусор.

Потому как точно знаю: за улучшенный металл дерут такие деньги, что ингредиенты для его выплавки обязаны цениться безумно много.

Но это — вопрос будущего. Сейчас меня больше всего интересовал навык Хаоса. Исходя из его названия, можно предположить, что он позволяет получать информацию о существах вроде чиков. А, учитывая то, что эти жужжащие твари преграждают нам путь к выходу из туманной низины, я хочу знать о них как можно больше.

Поэтому планы на ближайшее время у меня простые. Буду ловить кайт и панцирников, а также совершать вылазки к красной земле. Следить за перемещениями тварей по их жужжанию. Глядишь, и найду возможность уничтожать их поодиночке, не рискуя нарваться на рой.

С одиночным чиком я справлюсь запросто. А вот уже против двоих выходить не стану. Разве что вместе с Бякой на такое решусь, но он, увы, сейчас мне не помощник.

Кстати, как он там поживает?

— Бяка, тебя лучше не стало?

— Не знаю. Я спать хочу. Но не могу заснуть.

— Главное не помри.

— От яда чиков не умирают.

— А почему ты тогда кричал, чтобы я убил именно того, который тебя ужалил? Так сильно хотел ему отомстить?

— Месть? Мстить чику? — удивился упырь. — Зачем ему мстить? Это ведь не человек. Он неразумный.

— Ну а зачем тогда хотел убить именно этого?

— Чики не сами по себе. Они парализуют всех, кто приходят к цистосам. Когда чик жалит охотника, он летит рассказывать хозяину, что появилась добыча. И хозяин за ней приходит.

— Что за хозяин?

— Он называется шарук.

— Сильная тварь?

— Конечно сильная.

— И какой он?

— Я не знаю. У нас никто про шарука не рассказывал. Потому что никто его не видел. Те, кто его видели, уже ничего не расскажут. От него даже двадцатая степень просветления не спасёт.

— А сороковая?

— Зачем человеку с сороковой степенью охотится среди

цистосов? Да и не покажется шарук перед ним. Ведь такой человек легко убьёт всех его чиков. Они не смогут его парализовать. А шарук приходит только за парализованными.

— Так может он не настолько сильный, раз только на паралитиков нападает?.. — задумчиво протянул я.

Бяка, приподнявшись, повернул голову, посмотрел на меня перепугано и, запинаясь, пробормотал:

— Гед, лучше о таком даже не думай. По этим землям прошёл Хаос, здесь нельзя о таком думать. Мы, конечно, победители, но ведь это шарук. Сам шарук!